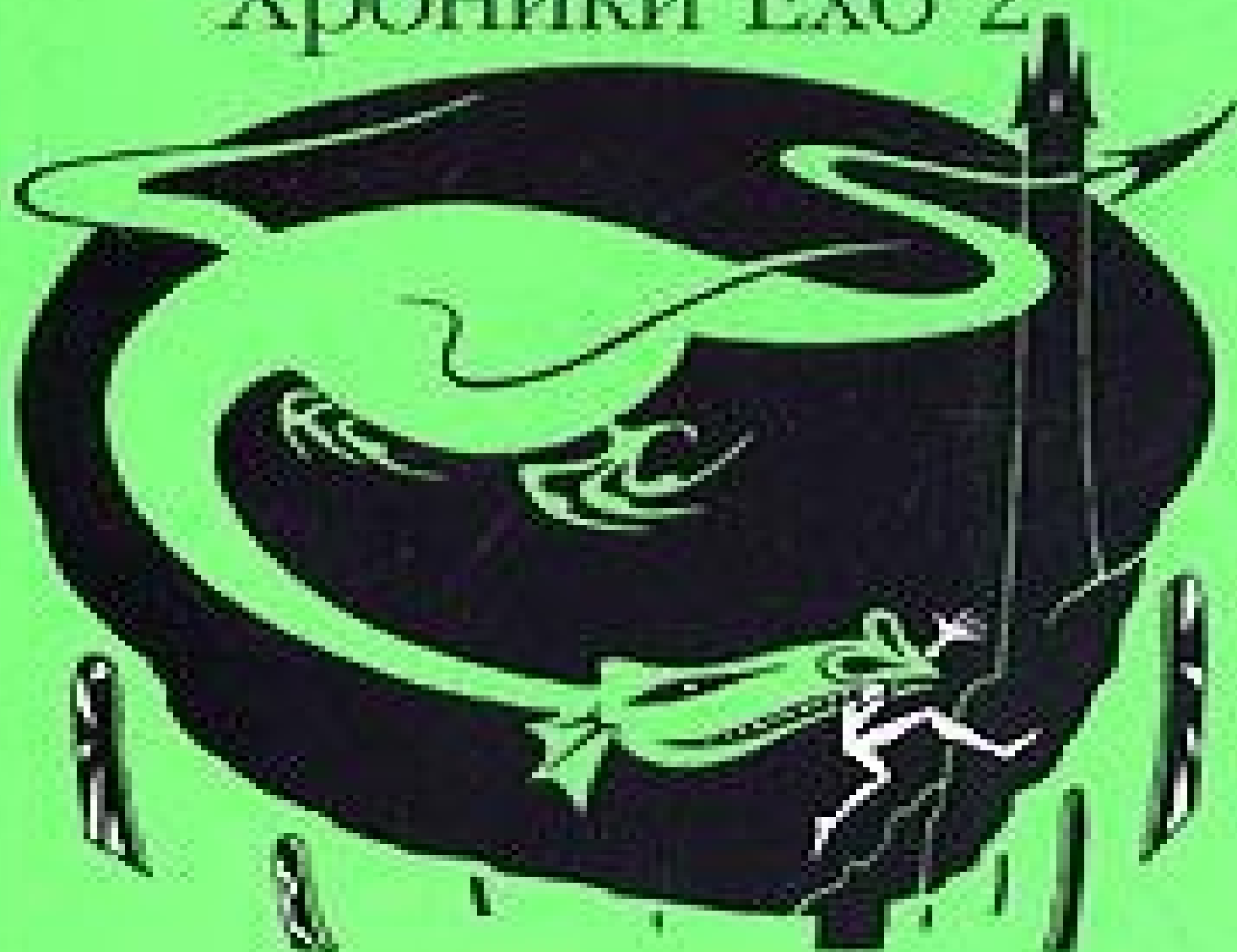

НОВАЯ КНИГА О ЕХО

Макс Фрай

Хроники Ехо 2

ВЛАСТЕЛИИ МОРМОРЫ
История рассказана сиром Дюфденем Хамм

Annotation

Истории о старых временах, иных мирах и вымышленных существах, рассказанные, пока варился кофе

- [Властелин Морморы](#)
 - [1](#)
 - [Властелин Морморы](#)
 - [2](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Властелин Морморы

История, рассказанная сэром Джуффином Халли

... all these moments will be lost in time...
«Blade Runner» by Ridley Scott

Серебристые сухие травы, свежие белые астры, угольно-черные ветки дерева кьорр с крупными белоснежными ягодами. Есть их нельзя, вернее, не стоит. Они не ядовитые, но твердые, как камень и горькие, как полынь. Зато красивые. Очень.

Каждое утро Триша собирает букет. Это самое важное дело, самая неотложная работа. И, между прочим, трудная. Кофе варить, коржики печь, обед сочинять куда как проще.

Вчерашние гости еще спят, но скоро, надо думать, проснутся, так что придется кормить их завтраком, развлекать разговорами, а это тоже нелегкая работа для Триши, она больше слушать любит, чем говорить. Но сегодня придется расстараться. Такие гости славные, хорошо, если им тут понравится, может побудут подольше, или вовсе поселятся во флигеле, в саду. А что, сами же говорили, что им пока негде жить. Вернее, они толком не знают, чего хотят – значит тут им самое место.

– Хорошего утра!– говорит сероглазая женщина. – Какой у вас букет, однако...

Ме-ла-мо-ри – вот как ее зовут. Гляди-ка, удалось запомнить.

– Утро и правда хорошее, – смущенно подтверждает Триша. – А букет еще надо закончить... Сейчас сварю кофе, если вы проснулись. Вы не думайте, пока светит солнце, все бесплатно, только вечером надо платить за кофе историями. Это Франк такие порядки завел. Ему так удобно, он по утрам обычно другими делами занят, или вовсе спит...

Сероглазая Мелмори улыбается, кивает и щурится от удовольствия, потому что ее спутник тоже появляется на пороге и обнимает ее за талию. Триша краем глаза наблюдает за гостями и думает, что скорее могла бы принять их за сестру и брата, чем за любовников. Что-то такое в них есть одинаковое, хотя лица не похожи совершенно. И ведут себя немножко как заговорщики – ну, то есть, видно, что у них много-много своих секретов, таких особенных секретов-на-двоих, по сравнению с которыми все остальное не очень важно. Ну вот например, он вполне мог бы знать всех мальчишек, с которыми она целовалась, и по-братски прикрывать ее от строгих родителей, а с нее стало бы каждую ночь подглядывать в его сны, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы быть рядом, когда приснится настоящий, смертельно опасный

кошмар. И если им вдруг случится бегать наперегонки, он скорее всего чуть-чуть поддастся, пропустит ее вперед, даст выиграть, а она все поймет и жутко разозлится, но виду не покажет, чтобы не разбить ему сердце.

Вовсе не обязательно дела обстоят именно так, но эти двое в первую очередь – сообщники, а уже потом – все остальное, и это позволяет им чувствовать себя как дома везде, где можно оставаться вместе. Триша не может сформулировать лучше, потому что в любом человеческом языке слишком много лишних, необязательных слов и всегда не хватает нужных, но ей кажется, что она очень-очень хорошо все понимает про эту парочку. То есть не все-все-превсе, конечно, но **самое главное**. Не зря все-таки она столько лет кошкой была: кошки разбираются в людях куда лучше, чем другие люди. Даже бывшие кошки.

Триша добавляет в букет последнюю веточку, отступает на шаг, несколько секунд критически осматривает дело своих рук – ага, получилось! – и ставит на огонь три большие утренние джезвы. Можно завтракать.

У гостей, вроде бы, хорошее настроение, Трише легко и приятно сидеть с ними за одним столом, но Макс улыбается рассеянно, крошит над тарелкой имбирную булочку, вместо того, чтобы есть, делает глоток тришиного кофе, перепутав чашки, и тогда сероглазая женщина спрашивает: «Ты нервничаешь из-за Джуффина?» – а он, чуть помедлив, безоруживающе разводит руками и говорит: «А вот знаешь, кажется да».

С этого момента Триша начинает погибать от любопытства: что же это за Джуффин, если такой удивительный гость из-за него нервничает? Она и сама уже немного нервничает, как ребенок, которому обещали показать хорошее, интересное, но очень страшное кино.

Дважды она приступала с расспросами к Франку. Сперва когда гости отправились в город прогуляться, а он наконец появился за стойкой, благоухающий чужими ветрами и звездами, усталый, но довольный, как сытый зверь. И еще раз, уже после того, как увидела гостей в конце улицы, они возвращались в «Кофейную гуцу», взявшись за руки, как заблудившиеся в лесу дети, незаметно для себя повзрослевшие во время странствий. «Скоро увидим, – невозмутимо отвечал Франк, – мне и самому интересно», – но Триша подозревала, что он знает гораздо больше, но не рассказывает – не из вредности даже и не потому, что это тайна, а просто лень ему объяснять.

С Франком в этом смысле непросто иметь дело.

– Ты лучше думай, чем мы будем гостей кормить, – напомнил ей Франк. – Ночь-то впереди длинная.

Триша ахнула, схватилась за голову: «Я же ничего не успеваю!» – бросилась в погреб за копченым медом, травяным маслом и сушеными цветами, но в конце концов все закончилось хорошо: Франк пообещал сварить свой фирменный кровавый суп на дождевой воде, и немедленно взялся за дело, а гости сами вызвались помогать, резать цветы и фрукты для салата, так что Трише только и оставалось усестись на самый высокий табурет и командовать приготовлениями, чувствуя себя не хозяйкой кофейни, а сказочным генералом.

В сумерках, когда солнце уже опустилось за горизонт, а лиловое молоко ночи тонкими струйками потекло по тротуарам, парадная дверь «Кофейной гущи» тихо скрипнула, отворяясь. Франк удивленно нахмурился, Триша сразу поняла, почему: шагов-то не было слышно, никаких, а сероглазая Меламори с гордостью объяснила: «У шефа совершенно бесшумная походка». Макс, вроде бы, бровью не повел, как сидел спиной ко входу, так и не дал себе труда обернуться, рассеянная улыбка по-прежнему блуждала по его лицу, но Триша заметила, что он подобрался, как кот перед прыжком. Видно, что сам еще не решил, что будет делать: нападать, или удирать, или просто на месте останется, но приготовился ко всему.

Дверь наконец допела свою песню, распахнулась настежь, и в кофейню вошел высокий пожилой господин в костюме столь роскошном и экзотическом (затейливый тюрбан, длинный серебристый плащ, мягкие остроносые узорчатые сапожки ручной работы), что впечатлительная Триша чуть было за карандашом и блокнотом не бросилась: зарисовать такую красоту на память, а то ведь потом не вспомнишь деталей, известное же дело. Но вовремя передумала: гость небось надолго задержится, а самое интересное пропускать – нет дураков!

Впрочем, увидев хищное, красивое лицо гостя, Триша тут же и думать забыла о его костюме. Неужели у людей бывают такие вот раскосые глаза, светлые, как пасмурное небо? Или свой брат оборотень пожаловал? Таких гостей в «Кофейной гуще» еще никогда не было, вот и Франк глядит с нескрываемым интересом, головой качает уважительно. Дескать, ну дела!

– Я не ошибся адресом, – гость начал фразу с вопросительной интонацией, а закончил уже как утверждение: сам все, вернее, всех увидел и понял, что с адресом полный порядок.

– В приглашении не был указан номер дома, – объясняет он. – Конечно,

я мог воспользоваться этой открыткой, как проводником и просто дать ей перетащить меня на ваш порог, для того она и предназначена, но я привык совершать такие путешествия самостоятельно. Это и познавательно, и приятно.

Гость говорит громко и как бы для всех, но видно, что обращается он большей частью к Франку, отвечая на его невысказанный вопрос. А потом он переходит на заговорщический шепот, который, однако, отлично слышен всем присутствующим:

– Сэр Макс, если ты не бросишься мне на шею, вот прямо сейчас, ты просто лопнешь. Я же вижу, что тебе хочется. И мне, между прочим, тоже. Но сейчас твой ход.

«Да, пожалуй.»

Триша так и не поняла, сказал это Макс, или просто подумал, а он уже пересек кофейню, замер у порога, внимательно взглядываясь в лицо нового гостя и вдруг махнул рукой, расслабился и заключил незнакомца в объятия. Ненадолго, зато от души; Трише даже стало немного жаль красивого костюма, но тот оказался из хорошей ткани, совсем не измялся.

– Надо же, сэр Джсуффин Халли собственной персоной, да еще и в маске Доброго Дядюшки, не наваждение какое-нибудь дурацкое. Честно говоря, до вчерашнего вечера, пока Франк не сунул мне под нос свои пригласительные открытки, я думал: что-что, а это уж точно невозможно, – говорит Макс.

Гость снисходительно пожимает плечами. Дескать, не преувеличивай.

– Тоже мне великое чудо. Между прочим, никто не мешал тебе навестить меня в Ехо. Я же просил леди Меламори передать: теперь тебе можно все. Не сомневаюсь, что она это сделала. Мир наш уже настолько крепок, что не рухнет ни от твоего присутствия, ни даже от твоих возможных разочарований. Краткий курс древней истории, который я прочитал тебе в Тихом Городе, можешь забыть за ненужностью ^[1]. Теперь это просто очень страшная легенда. Юных послушников Ордена Семилистника пугать – в самый раз, а нам с тобой ни к чему.

– Ага, как же. Боюсь, вы недооценили – то ли меня, то ли древнюю историю. Я один раз попробовал к вам наведаться...

– Это как? Ты был в Ехо?

– Ну да, был. Секунд двадцать, не больше. Кстати, не дайте умереть от любопытства: как вы объяснили себе и Его Величеству исчезновение крыши Мохнатого Дома?

– Да, честно говоря, никак. Очевидной магией там не пахло,

продолжения не последовало, поэтому Король отдал приказ построить новую крышу и забыл о происшествии. Ну и я тоже забыл, не до нее было. Хочешь сказать, это твоя работа?

– Ну да. Было дело, раскатал губу: а вдруг действительно можно вернуться в Ехо, да и жить себе, как ни в чем не бывало? Если уж вы неофициальные приглашения передаете через знакомых девушек... Отправился на разведку: распахнул первую попавшуюся дверь, да и шагнул прямехонько на последний этаж Мохнатого Дома, в башню, это же мое любимое помещение, и вид на город оттуда самый замечательный. Счастье, что не кинулся сразу любоваться панорамой. Сперва поднял глаза к потолку, и он тут же стал таять. У меня, к сожалению, очень тяжелый взгляд – с некоторых пор. Хорошо хоть я быстро сообразил, в чем дело, поэтому без жертв обошлось, только крыша успела исчезнуть. Я спешно зажмурился, шмыгнул в Хумгат [2], как мышь в норку, оттуда домой и в Ехо больше не возвращался. Красивый город, жалко стирать его с лица земли... Так что тут вы крепко промахнулись. Меня к Ехо на пушечный выстрел подпускать нельзя. И, боюсь, другие города Мира для меня тоже закрыты. Во всяком случае, не хочу рисковать.

– Ничего себе новость! Мне и в голову не приходило, что такое может быть, – хмурится Джусффин. – Надо будет разобраться. Очень любопытно... Ты погоди, я подыщу какое-нибудь разоренное войной селение, которого не жалко, попробуешь еще раз.

– Делать мне больше нехрен, такие эксперименты устраивать, – ворчит Макс. Но, в общем, уже видно, что уговорить его будет не очень трудно.

Триша только теперь поняла, что стоит как дурочка с открытым ртом – вместо того, чтобы варить гостям кофе. Хорошая хозяйка, нечего сказать! Впрочем не одна она такая, тут даже Франк немного растерялся, а Макс и новый гость разглядывают друг друга так, словно перед каждым не человек с двумя руками, двумя ногами и головой, а чудище неведомое тысячехвостое. И только сероглазая Меламори взирает на происходящее с царственной снисходительностью. Дескать, подумаешь, великое дело. Ну, Джусффин. Я его на службе изо дня в день столько лет видела, рассказывала же вам вчера, как он в меня подушкой запустил, зато потом бутербродом поделился, а вы переполошились, смешные люди.

Как только Триша принялась греметь посудой, обстановка в кофейне разрядилась. Она всегда чувствовала, что это как-то связано: когда в помещении начинают готовить, присутствующие вдруг успокаиваются и расслабляются, почти поневоле. Вот и сейчас так вышло. В общем, и

раньше никто не собирался затевать ссору, но воздух звенел от напряжения, а теперь – ну просто семейная вечеринка, не то дети из летнего лагеря вернулись, не то отец из кругосветного путешествия, не то призрак прадеда из фамильного склепа зашел на огонек. Все вдруг засияли улыбками и заговорили одновременно и очень дружелюбно.

– Франк, – говорит Макс, – это сэр Джуффин Халли. Ты вчера смеялся над нами: дескать, самые лучшие люди выдуманные, – так вот, этот джентльмен в свое время утверждал, будто сочинил меня, от макушки до пяток, со всеми потрохами, прикинь. Значит этому Городу он приходится кем-то вроде дедушки, а тебе чуть ли не кумом, так, что ли?..

– Когда тебе надоест натужно шутить на эту тему, можешь начинать рассказывать своим приятелям, что это ты выдумал меня, – говорит Джуффин. – Я не обижусь. Кстати о твоих выдумках, любопытное тут у вас местечко. Сколько видел разных Миров, но ничего похожего мне пока не попадалось...

– Сейчас мне надерут уши за то, что до сих пор не вернулась на службу, – почти мечтательно говорит Меламори, а нарядный гость поворачивается к ней, ухмыляется и грозит длинным тонким пальцем: дескать, с тобой мы еще разберемся, юная леди.

– Давайте-ка пить кофе, – говорит мудрый Франк, потому что видит: Триша уже снимает с плиты четыре джезвы и ставит на их место новую партию. Чего-чего, а кофе им сегодня понадобится много. Даром, что ужин готов, с ужином спешить нельзя, пусть ждет своего часа.

Они наконец рассаживаются. Новый гость получает место во главе стола – ясно, почему. Без истории его отсюда не отпустят, будь он хоть тысячу раз грозный колдун. «Впрочем, не такой уж он и грозный, – думает Триша. – Не в том смысле, что могущества ему не хватает, просто вряд ли этот человек станет тут кому-то „грозить“, больно ему надо...»

– М-да, это не совсем камра, – ухмыляется Джуффин, нюхая кофе. – Впрочем, кто бы сомневался, сэр Макс, что месть твоя будет ужасна. Заманил, понимаешь, в гости беспомощного старика и ну его ядами пичкать.

Франк уязвлен. Не всерьез, конечно, но партию свою, будьте уверены, отыграет как следует. Еще никому никогда в голову не приходило высказываться о фирменном напитке «Кофейной гущи» иначе, как в самых почтительных выражениях.

– А вы сначала попробуйте, – говорит Триша. – Вдруг вам понравится?

Она сама удивляется собственной смелости, но если эти двое, Джуффин и Франк, начнут сейчас выяснять отношения, это на сколько же отложится история? Небось на целый час...

– Спасибо за совет, моя хорошая, – неожиданно ласково отзывается гость. Подносит чашку к губам, пробует, примирительно заключает: – На самом деле я, конечно, шутил. Это отличный напиток. Просто я привык к другому. Что ж, все к лучшему, привычки следует менять, хотя бы время от времени... Как тебя зовут? Этот величайший колдун всех времен, злодей, каких мало, редкостный растяпа, великолепный сэр Макс нас так и не познакомил.

– Триша. Я... – и она смущенно умолкает, не понимая, что тут можно добавить.

– Ты кошка Франка, да?

– Обычно эту фразу произношу я, – улыбается Франк. Кажется, ему очень приятно, что Джуффин сам все про них понял и сказал. – А гости думают, я шучу.

– Балбесы потому что ваши гости, – добродушно объясняет Джуффин. – Сэр Макс, не смотри на меня с такой укоризной. Когда я отправляюсь в незнакомый дом с дружеским визитом, я надеваю самую приветливую из своих масок. Это просто жест вежливости. По досадному совпадению, именно эта маска обожает над всеми посмеиваться; впрочем, делает это весьма добродушно, как видишь. Ну что ты как маленький? Не первый же день меня знаешь.

– Просто подзабыл некоторые детали, – вздыхает Макс. – Давно все было.

– Тоже мне давно. «Давно» – это тысячу лет назад и больше. А не какие-то несчастные четыре года.

– Кстати о событиях давних и недавних дней, – вкрадчиво говорит Франк. – Если уж вы убедились, что мы угощаем вас... скажем так, не совсем ядом, – Триша чувствует, как он упивается собственным сарказмом, – имейте в виду: у меня плохие новости. За это угощение надо платить.

– Тоже мне плохие новости, – отмахивается Джуффин. – Я не нищий и не скупец. – Он смотрит на Франка с нескрываемым любопытством: – Хотел бы я знать, какие монеты тут у вас в ходу? Интересные должны быть монетки.

– Так, ничего особенного. Истории. Разные правдивые истории, которые вы прежде никому не рассказывали, во всяком случае, не с начала до конца. Не сомневаюсь, вы великий богач и сможете оплатить счет в

моем заведении.

– Что ж, пожалуй, – соглашается Джуффин. – Оно и кстати: давненько я никому ничего не рассказывал.

Триша заранее предвкушает его историю и только что вслух не мурлычет от удовольствия.

– Только имейте в виду, ваша грешная открытка настигла меня в конце длинного, хлопотного дня. Я как раз собирался не то завтракать, не то все-таки ужинать. Короче говоря, пожрать впервые за день. Поэтому давайте я и обед оплачу заодно. Угощаю всех присутствующих: специально выберу самую длинную и нудную историю. Договорились?

– Ну, положим, еда у нас всегда за счет заведения, – говорит Франк.

– Ладно, тогда будем считать вторую половину моей длинной истории тоже своего рода угощением. Но пока я чего-нибудь не съем, рта не раскрою.

Вместо ответа Триша ставит перед ним самую глубокую тарелку, на дне которой нарисованы синие рыбы и золотые драконы. Франк торжественно водружает в центре стола котел со своим фирменным супом, в другой руке у него поднос с салатами, он как-то справляется с этой грудой еды, жонглирует посудой, как бродячий циркач, еще и ложки раздает всем присутствующим, и говорит Трише:

– А ты пока давай-ка принеси часы. Чего мы ждем?

«Чего мы ждем, чего мы ждем, и правда, чего мы ждем?!» – восхищенно бормочет Триша, обшаривая комод в поисках волшебной вещицы.

– Песочные часы тут что надо, – говорит Макс Джуффину. – Вам понравятся.

– Не сомневаюсь.

Триша отдает часы Франку, тот ставит их на стол. Синяя струя льется, дрожит, шуршит, но количество песка в чашах остается неизменным. Гость восхищенно цокает языком.

– Поняли, как они работают? – уважительно спрашивает Франк.

– По крайней мере догадываюсь. Теперь у нас тут свое время, а за стенами этого дома – другое, так? Мы можем часами за столом сидеть, но если к вам вот сейчас придет клиент и станет в дверь стучать, ему покажется, что прошло всего пару секунд, да?

– Вообще ни одной, – улыбается Франк.

– Ну да, ну да... Я слышал о таких вещицах, – кивает Джуффин. – Но никогда не видел; впрочем, не сомневался, что они где-нибудь, как-нибудь, да существуют...

– Вы ешьте, – говорит Триша. – Суп-то не за порогом, а здесь, так что остынет, как миленький, если не поторопиться.

Гость улыбается ей, кивает, ест вроде бы неторопливо, но все равно получается быстро: стук, стук ложкой, и опустошил тарелку.

– Вкусно однако, – говорит. – Добавка не мешает. А потом уж отработаю ваше угощение, будьте покойны.

Сероглазая Меламори тоже наворачивает суп с завидным аппетитом, а Франк, как всегда, больше вид делает, за компанию. Триша за него не беспокоится: он-то с утра сыт, небось опять на птиц охотился. Не в Городе, конечно, а в иной какой-нибудь, больше подходящей для охоты реальности. Макс задумчиво возится с салатом, не столько ест, сколько разбирает его на составные части: оранжевые соцветия – отдельно, зелень – отдельно, так и растут разноцветные холмики по краям тарелки. «Вот интересно, – думает Триша, – чем он будет заниматься, когда доведет эту работу до конца?..» Новый гость, надо полагать, тоже задается этим вопросом, косится на максову тарелку с любопытством и сочувствием.

– Потом, – ласково говорит им обоим Макс, – я снова все это перемешаю. И начну сначала. Спасибо за внимание.

Триша улыбается, Джуффин укоризненно качает головой.

– Да, я знаю, что нам тут не очень нужны слоны, поэтому делать их из каждой случайно под руку попавшей мухи крайне нежелательно, – соглашается Макс. – Тем не менее, этого слона я пожалуй доделаю, если уж начал. С вашего позволения, сэр.

– Не знаешь, как теперь со мной быть? – спрашивает Джуффин. – Не хочу навязывать свое мнение, но имей в виду: со мной можно просто дружить. Практика показывает, что друг из меня куда лучше, чем опекун, или, тем более, начальник. Еще из меня обычно получается очень неплохой враг, но тебе не светит, ни при каких обстоятельствах. И не мечтай.

– Когда это я был мечтателем?.. – ухмыляется Макс. – Да нет, все в порядке. С удовольствием узнаю, какой из вас получается друг. Просто мне всегда нужно время, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам, вы же знаете.

– Да-да, как же. Тебе вечно требуется пропасть времени на всякую ерунду. Иногда целых полчаса. Ничего, привыкнешь. Еще и на «ты» перейдешь, рано или поздно. Вот слушаешь сейчас историю о том, какой я был молодой и глупый всего каких-нибудь несчастных сто лет назад, и все как рукой снимет.

– Насчет глупости не уверен, но стариком вас и сейчас назвать

трудно, – вмешивается Франк. – Хотя иллюзия ничего, качественная. Заслуживает уважения.

– Благодарю, я старался, – галантно кланяется Джуффин. И поворачивается к Трише: – Не гляди на меня так, милая, а то у меня одежда задымится от твоих ожиданий. Сейчас начну рассказывать. Вот еще полтарелки этого вашего роскошного супа, и... Верь мне!

И ведь действительно. В два счета покончив с супом, гость набивает трубку, пробует кофе – сперва из вежливости, потом делает еще глоток, с заметным интересом, и еще один, с видимым удовольствием. А закулив, приступает к рассказу, как и обещал.

Властелин Морморы

История, рассказанная сэром Джуффином Халли

События, о которых я собираюсь рассказать, происходили в самом начале Эпохи Кодекса. Если хотите представить, что это были за времена, надо понимать вот что: столетняя война всех против всех, известная как Смутные Времена, уже закончилась, но настоящим миром пока не пахло, да и жизнь еще толком не наладилась.

То есть, официально-то считалось, что и пахнет – будь здоров, и наладилось так, что любо-дорого глядеть. Об этом очень много и пафосно говорили. Хорошо хоть в газетах не писали, благо их будущий создатель сэр Рогро Жииль в ту пору как раз отдыхал в одной из самых комфортабельных камер Королевской тюрьмы Холоми за уличную драку с применением шестьдесят девятой, если не ошибаюсь, ступени Черной и Белой магии одновременно. То есть, газетам еще только предстояло быть придуманными и воплощенными, а мы распрекрасно жили себе без них – горя, между прочим, не знали.

Верить официальным заявлениям Короля и Магистра Нуфлина о наступлении прекрасной мирной эпохи и всеобщего благоденствия было легко и приятно – пока сидишь, скажем, на совещании в королевском Замке Рулх, слушаешь ребят из Ордена Семилистника, глядишь на благостные физиономии своих, с позволения сказать, соратников. Ну и наслаждаешься мирной жизнью на полную катушку. Часа полтора кряду наслаждаешься, пока не выйдешь на улицу, где на ближайшем перекрестке валяется труп Младшего Магистра мятежного Ордена Лающей Рыбы, а в погребе соседнего трактира прячется его убийца, бывший послушник ничуть не менее мятежного Ордена Ледяной Руки. Между делом выясняется, что на чердаке этого дома таится привороженный бывшими хозяевами фэтан ^[3], а на заднем дворе на дереве вахари сидит лиловая собака с перепончатыми крыльями и лицом Его Величества Гурига Седьмого. Это у нас, не подумайте дурного, окрестная детвора с утра Запретной магией баловалась. Хорошие детки подрастают, храбрые, талантливые и умелые. Пороть их уже поздно, в Холоми сажать рано, а оставить все как есть Кодекс Хрембера не велит – при моем участии, между прочим, писанный. И, да, с

фэтаном надо разобраться безотлагательно, не говоря уже о мятежном послушнике, а потом можно вернуться на службу и наконецзаняться делом.

Все это, учтите, творилось не где-нибудь, а в столице, где с первого дня Эпохи Кодекса существовал и – худо ли, хорошо ли, но работал Тайный Сыск, во главе которого стоял ваш покорный слуга. А репутация у меня была та еще. Все же единственный наемный убийца, который прослужил в этом качестве с первого дня войны за Кодекс до самого конца, и мало того что выжил, угробив пару сотен выдающихся колдунов своего времени, а еще и получил назначение на государственную службу вместо пожизненного заключения в Холоми, к немалой досаде большинства моих бывших заказчиков. Конечно, не все горожане верили, что я ем людей живьем и без соли, но мало кто сомневался, что я умею их готовить; из уст в уста передавался полный список специй, которые я регулярно закупая на Сумеречном Рынке для кулинарных манипуляций с трупами врагов. Странная идея, но хорошая, даже немного жаль, что не я сам распустил эту сплетню.

Что при этом творилось в других городах Соединенного Королевства, где вместо грозного, страшного и ужасного меня порядок наводили старательные, но неопытные начальники местных отделений Тайного Сыска Войска – можете себе представить. Это потом я их вымуштровал так, что любо-дорого глядеть, а в ту пору ребятам приходилось ограничиваться возможностью прислать мне зов и получить толковый совет, последовать которому, впрочем, мало кто был способен. Но хуже всего, что их совершенно не боялись. Осужденные на изгнание магистры мятежных Орденов с превеликим удовольствием отсиживались на окраинах Соединенного Королевства и даже не помышляли о заграничном путешествии. Это делало ситуацию в провинции практически непредсказуемой. В столице же она непредсказуема по определению – была, есть и будет, ничего не попишешь. И все же первые годы Эпохи Кодекса – это было нечто выдающееся!

Словом Соединенное Королевство в ту пору представляло собой огромный Приют Безумных. А знахарей ощутимо не хватало.

Главным знахарем, собственно, был я. На следующий день после принятия Кодекса Хрембера покойный Гуриг Седьмой предложил мне на выбор два варианта: возглавить Тайный Сыск, или выметаться в изгнание подобру-поздорову. И правильно: а что еще делать с наемным убийцей, собственноручно прикончившим добрую половину врагов Короля по, скажем так, *негласному* Королевскому указу. А если еще точнее, никаких

указов не было, а только так называемые *дружеские просьбы*, произнесенные не то что без единого свидетеля, а и вовсе не наяву. Ну да, старый Король имел обыкновение сниться мне, когда ему приходила охота обсудить дела. А что вы хотите, он был человек старой школы и знал толк в настоящей конспирации, не то что нынешние оболтусы, рядом с которыми я и сам изрядно расслабился.

Впрочем, платил за работу старый Король всегда наяву. Следует отдать ему должное.

Мне было что противопоставить этому ультиматуму, но предложение Короля пришлось как нельзя более кстати. Во-первых, я отлично понимал, что Кодекс Хрембера писали не для проформы, а по большой нужде – и кто, если не я, скажите на милость, способен усмирить нарушителей?! А во-вторых, я сразу смекнул, что теперь, когда все магические ордена, кроме Ордена Семилистника истреблены и создание новых строго запрещено, такая организация как Малое Тайное Сыскное Войско – единственная возможность совершенно легально собрать под свое крыло нескольких самых талантливых колдунов Соединенного Королевства. Не сразу, конечно, постепенно. Нечего и говорить, что такая перспектива чрезвычайно мне нравилась.

То есть, если бы старый Король не втемяшил себе в голову, что Кеттарийский Охотник должен чудесным образом превратиться в «господина почтеннейшего начальника», мне пришлось бы добиваться этой должности угрозами, обещаниями, шантажом и колдовством. Но не понадобилось. Я не слишком старательно изобразил душевную борьбу, довольно вяло (но чрезвычайно успешно) поторговался, и, наконец, позорно сдался, согласившись на неограниченные полномочия и самое высокое жалование за всю историю Соединенного Королевства.

Словом, Его Величество Гуриг Седьмой упивался своей победой, а я – своей. Все были довольны, и только Великий Магистр Ордена Семилистника Нуфлин Мони Мах зубы в крошку стер от злости. По крайней мере, так рассказывал сэр Йоша Малахатис, тогдашний главный Орденский знахарь. Клялся, что ему пришлось собственноручно выращивать Мони Маху новые резцы – а ведь это почти самый хитроумный знахарский фокус. Отрубленную голову на место вернуть – и то легче. По крайней мере, с головой я и сам отлично справлюсь, если чужая и отрублена не больше минуты назад, а за зубы и браться не стану. Ну их к Темным Магистрам.

Первое, что я сделал, войдя в должность – торжественно замирился с сэром Кофой Йохом, тогдашним начальником Городской Полиции Правого

Берега. Пригласил его в свой, только что отстроенный особняк на Левом Берегу Хурона, накормил обедом из сорока восьми, если не ошибаюсь, блюд, проиграл ему одну за другой пять партий в крак, предался сентиментальным воспоминаниям и, глазом не моргнув, соврал, будто одна из его попыток меня арестовать лишь чудом не увенчалась успехом. Наконец, ошалеv от собственной наглости, выпалил: «А не хотите ли теперь послужить Королю под моим началом?»

Впрочем, уговорить Кофу оказалось вовсе не так трудно, как я предполагал, мне даже ворожить не пришлось. Сэр Кофа – человек проникательный и здравомыслящий, сразу сообразил, что к чему, и не стал делать вид, будто ему неприятно работать под началом бывшего государственного преступника. Ну, то есть, минут пять он все же с горем пополам прикидывался, что оскорблен в лучших чувствах, но, честно говоря, не слишком старался. А когда узнал, что его жалование будет всего на дюжину корон в год меньше моего, махнул рукой на эти самые лучшие чувства, и на худшие тоже махнул, благо отродясь не испытывал ни тех, ни других, и тут же сел самолично составлять контракт. Надо отдать ему должное, мне ни разу не довелось пожалеть о своем решении. В ту пору архив, населенный мудрыми буривухами, числился среди планов на отдаленное будущее, даже Куруш завелся у меня немного позже, поэтому Кофины знания и связи оказались для нас настоящим спасением. О его могуществе, опыте и чрезвычайно полезных навыках я уже и не говорю.

Кроме нас с Кофой в Малом Тайном Сыском Войске с первого дня состоял сэр Шурф Лонли-Локли, который в ту пору носил Мантию Смерти и пускал в ход свои убийственные перчатки по дюжине раз на дню, а не пару раз в год, как нынче. Еще имелся сэр Тотохатта Шломм, один из лучших Мастеров Преследования, каких мне доводилось встречать. Тотохатта мог идти по чужому следу, не разуваясь, к тому же он умел виртуозно регулировать самочувствие своей жертвы. Скажем, если просто безобидного свидетеля надо разыскать и на допрос привести, так тот и не почувствует ничего, кроме тяжести в затылке, а если речь пойдет об аресте опасного преступника, злодей этот немедленно брякнется на землю парализованный, да еще и с зубной болью, чтобы не было скучно Тотохатту ждать. Эта парочка, Шломм и Лонли-Локли, были большими друзьями, прекрасно дополняли друг друга и работали столь эффективно, что мне поневоле пришлось заделаться кабинетным мыслителем: с погонями и убийствами они и без меня неплохо справлялись. Сидеть в кабинете и отдавать приказы – это был для меня новый, совершенно фантастический опыт. Никогда бы не подумал, что способен с этим справиться, но человеку

вообще свойственно недооценивать свои возможности. Даже мне.

Для пущей остроты ощущений ко мне был приставлен так называемый «личный секретарь», очень славная юная леди из Семилистника. Магистр Нуфлин употребил все свое влияние и настоял, чтобы при мне неотлучно находился представитель Ордена – мало ли, что я выкину? Ну а его соратница леди Сотофа Ханемер, которая по сей день остается моим лучшим другом, тоже употребила все свое влияние и пристроила на эту собачью работу свою любимую ученицу. Ее звали Ренива Калайматис, и она оказалась настоящим сокровищем. В перерывах между изготовлением докладов Орденскому начальству (это были настоящие фантастические поэмы о моем безупречном поведении) Ренива успевала перелопатить добрую половину ежедневной рутины, пересказать свежайшие придворные и Орденские сплетни и более-менее остроумно высмеять мои оплошности – в ту пору мне еще удавалось время от времени их совершать. К сожалению несколько дюжин лет спустя Орден Семилистника признал меня чуть ли не самым благонадежным из граждан, и Ренива вернулась в Иафах, а я принялся искать себе заместителя.

Но в те дни о заместителе и речи не было. Считалось, что меня одного вполне достаточно, чтобы привести столицу Соединенного Королевства в порядок, а четверо помощников – это уже почти перебор. Понятно, что в особо сложных ситуациях я мог получить в свое распоряжение целый отряд – хоть полицейских, хоть королевских гвардейцев, хоть Младших Магистров Семилистника. Но слава полководца никогда меня не прельщала, и я старался обходиться собственными силами. Обычно это получалось.

Все это я к тому, чтобы вам было хоть немного ясно, как страстно я мечтал об отпуске – после одиннадцати лет такой вот развеселой жизни без единого Дня Свободы от забот. Потому что если бы не мое желание хоть немного отдохнуть, ничего бы и не случилось. То есть, случилось бы, конечно, но несколько позже, и, пожалуй, не лично со мной, а со всем Соединенным Королевством. Мало бы никому не показалось, в этом я совершенно уверен.

Но ладно, буду рассказывать по порядку.

Предпоследнее утро одиннадцатого года Эпохи Кодекса было омерзительно солнечным и теплым. То есть, с точки зрения человека, который не спал трое суток, ничего хуже, чем солнечное и теплое зимнее утро, не выдумаешь, а так-то я бы ему, пожалуй, порадовался. Но в преддверии Последнего Дня года Малое Тайное Сыскное Войско спешно писало отчет о своей деятельности, а я, с позволения сказать, руководил

этим увлекательным процессом. Повезло только Лонли-Локли: в Ехо вдруг объявился целый выводок гигантских плотоядных червей, этакий новогодний подарок от одного мстительного Старшего Магистра Ордена Стола на Пустоши, который не поленился тайно вернуться из изгнания и заполнить улицы столицы своими очаровательными шестиметровыми питомцами – все это, надо понимать, только для того, чтобы помочь сэру Шурфу вырваться из моего кабинета на волю. Парень гулял по городу, подставляя лицо солнечным лучам и свежему ветру, и, между делом, со свойственной ему педантичностью истреблял эту пакость. Его приятель Тотохатта Шломм быстренько доставил к моим ногам виновника прискорбного происшествия и снова был усажен за письменный стол, рядышком с Кофой и Ренивой. Будь моя воля, я бы еще три дюжины человек за этот самый стол усадил, да где ж их взять? Тотохатта, никогда не отличавшийся ни усидчивостью, ни склонностью к кабинетной работе, громогласно стонал, проклиная все на свете, то и дело вспоминал свою прабабку, которая предрекла ему короткую жизнь, и почти серьезно обещал скончаться вот прямо здесь и сейчас, в моем кабинете.

– Невелика беда, – огрызался я. – Оживить покойника не так трудно, как кажется. Имей в виду: оживлю и заставлю закончить работу, а потом похороню с почестями.

Кофа ухмылялся в усы, которые в тот день красовались на его очередной фальшивой физиономии, пригодной для посещения значных мест столицы, леди Ренива укоризненно качала головой и подливала страдальцу камры, а Тотохатта скрежетал зубами, но самопишущие таблички на пол не швырял, а мне того и требовалось.

Вам может показаться, что я преувеличиваю наши трудности. Дескать, долго ли отчет составить, когда к вашим услугам самопишущие таблички? Никакой тебе черной работы, не надо терзать перо и пачкать бумагу: положил ладонь на табличку, сосредоточился на содержании документа, и готово. Вообще непонятно, зачем вчетвером страдать, тут и в одиночку справиться можно.

Как бы не так.

Если хочешь записать для памяти свежие впечатления, или свои соображения по какому-то поводу, самопишущая табличка действительно настоящее сокровище. Но отчеты, которые мы вынуждены в конце каждого года отправлять Королю – совсем другое дело. В дурацких бумажках такого сорта, как известно, форма гораздо важнее содержания, а ошибки недопустимы, поэтому прежде чем класть руку на самопишущую табличку, следует предельно сконцентрироваться, создать идиотский документ в

собственном воображении, и только потом позволить этой ерунде материализоваться во всей своей красе. Адская работенка, особенно если не привык к ней с детских лет, а потомственных придворных бюрократов в Тайном Сыске, увы, не было. Сейчас-то я уже набил руку, могу приличный отчет между двумя кружками камры состряпать, а тогда, в первые годы службы, случалось и по дюжине табличек кряду портить. Вы не поверите, но некоторые люди, оказывается, думают с грамматическими ошибками. Пишут правильно, а мыслят, пропуская знаки препинания, буквы и даже целые слова. Сэр Макс помнит небось, как я над ним в таких случаях смеялся – и хвала Магистрам, что он не видел моих первых опытов в жанре придворного отчета. Плакал бы мой авторитет, и никакие чудеса его не спасли бы.

Поэтому мне приходилось усаживать за работу всех своих подчиненных. Самое досадное, что из всех нас один лишь сэр Шурф Лонли-Локли обладал качествами, необходимыми для составления отчетов, в этом парень с самого начала был на голову выше меня – но именно для него всегда находились совершенно неотложные дела.

Работали мы так. Леди Ренива разбирала самопишущие таблички, скопившиеся в моем кабинете с начала года. Пустяковые заметки откладывала в сторону, прочие аккуратно раскладывала по степени важности и в хронологическом порядке. Мы же переписывали их, с позволения сказать, набело, то есть приводили в такой вид, чтобы личный секретарь Его Величества не вернул трехпудовый тюк с отчетом на переделку. Что он скорчит кислую физиономию и станет придирааться ко всякой запятой, было ясно с самого начала, тут уж ничего не попишешь. Кто ж знал, что следовало укокошить эту скотину за компанию с какими-нибудь придворными заговорщиками в Смутные Времена. В ту пору он казался таким безвредным...

Это нынче молодой король укротил свою свиту так, что они слова поперек не скажут – ни мне, ни, тем более, ему. А при Гуриге Седьмом придворные нравы были суровые. Как он сам это терпел, ума не приложу. Нормальный ведь был мужик, весельчак, храбрец и умница, каких мало, но эти дармоеды веревки из него вили.

Впрочем, ладно.

Разбирая мои записи и почту – я ведь для полного счастья еще и отчеты из провинций получал, занимательная была литература – леди Ренива не только помогала мне подводить итог уходящего года, но и составляла планы на ближайшее будущее. Всегда непременно выяснялось, что кое о чем я забыл, или сознательно отложил на потом, да так и не успел

снова взяться, или в отчетах своих провинциальных коллег пропустил любопытную информацию. Ну, честно говоря, я редко пропускал что-то по-настоящему важное. То есть, почти никогда. Но у Ренивы было хобби, она азартно коллекционировала мои нечастые промахи, и это не раз приносило ощутимую пользу – если не делу, то мне самому.

Утром того дня, когда мы засели за отчет, я уединился со своей дотошной помощницей и дал ей весьма непростое поручение.

– Делай что хочешь, Ренива, – сказал я, – хоть в лепешку разбейся, хоть Запретную Магию применяй, но найди мне как минимум одну серьезную проблему за пределами Ехо. В Ландаланде, в Гугланде, да хоть в графстве Вук, на границе с Пустыми Землями, но чтобы проблема была!

– Какого рода проблема вам требуется?

– Любая сойдет. Лишь бы эта проблема требовала моего личного вмешательства.

Ренива уж на что была невозмутима и ко всему привычна, но тут удивленно приподняла бровь. Дескать, что это с тобой случилось, дорогое мое начальство? Никак по работе истосковалось? Рехнулось совсем? Дома тебе мало проблем?

Я решил быть с нею честным.

– Я устал, Ренива. Мне надо отдохнуть, хотя бы пару дней. Выспаться, подумать, да просто побыть одному. Ты не хуже меня понимаешь, что это совершенно невозможно – сейчас и, боюсь, в ближайшие годы. Но представь себе, как славно можно выспаться в дороге!

– А, – с облегчением кивнула она. – Теперь ясно. Хорошо. Будет вам проблема, сэр. На худой конец сбегаю куда-нибудь Темным Путем, натворю чего-нибудь, поколдую как следует, замету следы, к обеду вернусь.

– Я знаю, что могу на тебя рассчитывать. Но сначала все же поройся в отчетах. Не хотелось бы отправлять тебя в Холоми.

– Вы не понимаете. Представляете, как можно выспаться в Королевской тюрьме? – вздохнула она.

Надо отдать должное Рениве, на моей памяти это была ее первая и последняя жалоба на усталость.

После этого разговора Ренива изучала отчеты из провинций с особым тщанием. И после обеда, когда к стенаниям Тотохатты прибавилось брюзжание Кофы, а я всерьез собрался вернуть Лонли-Локли в Дом у Моста – и Магистры с этими недобитыми плотоядными гигантами, пусть себе ползают по столице еще сутки! – моя помощница с облегчением вздохнула, потом поспешно нахмурилась и с приличествующей моменту суровостью сообщила:

– Кажется у нас проблемы в Гажине, сэр. Хотелось бы мне ошибаться, но...

– Как вовремя! Только проблем в Гажине нам не хватало, – проворчал я, умело скрывая ликование. – Что там у них стряслось?

На самом-то деле я был готов пуститься в пляс. Вольный город Гажин, надо же! Туда в лучшем случае трое суток добираться, если найти очень хорошего возницу и подменять его время от времени, чтобы не останавливаться на отдых. Ну или на корабле по Хурону, а потом морем, вдоль берега, но так, пожалуй, еще дольше получится. В общем, красота. Ну и сам Гажин не худшее место для отдыха – большой, богатый, шумный, гостеприимный, как все портовые города. А проблема – ха, можно подумать! Заранее не сомневаюсь, пустяк какой-нибудь, особенно по сравнению с составлением годового отчета.

– Что у них там стряслось, сказать сложно, – Ренива продолжала хмуриться и, кажется, даже не слишком притворялась. – Но отчет начальника Тайного Сыскного войска Гажина – такое нелепое вранье, что я, честно говоря, не могу представить, зачем ему это было надо? Я даже сперва поискала, не приложена ли к отчету табличка с запиской: «Правда, я хорошо пошутил?» – или что-то в таком роде. И другой отчет, настоящий. Но нет, никаких записок. Странно. Сэр Голех Облона всегда был таким положительным, надежным, аккуратным, все бы так...

– А что там, собственно, с его отчетом?

– Фальсификация от начала до конца. Причем совершенно нелепая, никому не нужная фальсификация. Раз в четыре дюжины дней сэр Облона, как положено, отправлял нам краткий рабочий отчет о текущих делах. Насколько я помню, ничего особо ужасного у них не происходило, но почти в каждом отчете фигурировала парочка заколдованных трупов, с полдюжины неведомых чудищ, несколько более безобидных нарушений Кодекса Хрембера и всякие прочие мелочи – не удивительно, город-то большой! Но и ничего такого, с чем тамошняя команда не могла бы справиться самостоятельно. А теперь поглядите на этот отчет! Тут говорится, что за истекший год в Гажине не было совершено ни единого преступления, попадающего под юрисдикцию Тайного Сыска. Бред какой-то. Нет, чтобы похвастаться достижениями и получить заслуженную Королевскую награду...

И правда бред. Я и сам преизрядно удивился. Дело в том, что Голех Облона был моим старым – не другом, конечно, но почти приятелем. В Смутные Времена он занимал незначительную должность при Королевском Дворе, был кем-то вроде старшего помощника младшего секретаря и порой

работал на меня, добывая полезную информацию, которой Его Величество Гуриг Седьмой делился крайне неохотно даже с союзниками. Между делом я успел обучить парня нескольким опасным фокусам – талантом он не блистал, но был усерден – и даже проверить в деле. На меня регулярно устраивали какие-то нелепые засады, просто дня потерпеть не могли. Ну вот и Голех рядом со мной пару раз влип – и ничего, держался молодцом, совершенно не мешал мне спасать его шкуру, а это мало о ком можно сказать. Собственно, именно поэтому я и рекомендовал его на должность начальника Гажинского Тайного Сыска. Все же, можно сказать, бывший ученик, смерти в глаза заглядывал, пусть даже из-за моего плеча – не так уж мало.

И кому как не мне было знать, что тщеславие – самое слабое место Голеха. Этот чудак мечтал о Королевской награде с первого дня вступления в должность, из кожи вон лез, приукрашивая в ежегодных отчетах свои заслуги. Ни на секунду не сомневаюсь, что он папу с мамой в Холоми упек бы, если бы за их головы была обещана хоть какая-нибудь жалкая почетная грамота. И тут вдруг он отправляет нам отчет, в котором пишет, будто бездельничал в течение всего года – при том, что на самом-то деле работал, как проклятый. Поступить так, оставаясь в здравом уме, он не мог, в этом я не сомневался. С другой стороны, если бы Голех сошел с ума, запах безумия немедленно привлек бы внимание окружающих: начальник Тайного Сыска, столичного, или провинциального, должность публичная, такой человек всегда на виду. Выходит – что? Околдовали его, не иначе.

– Это действительно странно, – сказал я.

Слово «действительно» произнес с особым выражением, глядя в глаза Ренивы, чтобы поняла: речь уже не о том, чтобы дать мне хорошенько отоспаться в каюте, или на заднем сидении амобилера. Об этой идее, в любом случае, следовало забыть. По всему выходило, что в Гажин мне придется отправляться Темным Путем. Несколько секунд, и я на месте. Обидно, конечно, но ничего не попишешь. Околдованный начальник Тайного Сыска – бедствие похуже землетрясения и наводнения вместе. Впрочем, я не терял уверенности, что смогу отоспаться в ходе расследования. Или задержаться на денек в Гажине после того, как разберусь с делами. Все-таки ритм жизни там совсем не тот, что в столице, а одно, пусть даже самое запутанное дело не идет ни в какое сравнение с нашим обычным бардаком.

Самое досадное, что я не мог отправиться в Гажин прямо сейчас. Даже если бы Голех Облона сам прислал мне зов и слезно взмолился о помощи, я не смог бы оказаться рядом с ним прежде, чем покончу с писаниной. Это

нынешний Король справедливо полагает, что годовой отчет не самая важная вещь на свете, и с ним вполне можно подождать, если стряслось нечто из ряда вон выходящее, например, Дух Холоми проснулся, или, скажем, очередное нашествие Одиноких Теней случилось. А при его папаше порядки были строгие. То есть, если бы вдруг выяснилось, что в Последний День года Мир рухнет, это означало бы, что я просто должен представить свой годовой отчет Его Величеству днем раньше. И никаких послаблений. Суровые послевоенные нравы.

Удивительно еще, что враги Короля и Ордена Семилистника не пронюхали, что в последние дни года я намертво прикован к письменному столу, так что столицу можно брать голыми руками. Я бы на их месте ушами не хлопал.

Окинув взором кипы все еще не оформленных документов, я чуть было не отказался от надоевшего мне чувства досады в пользу праведного гнева, благо это настроение взбадривает не хуже гимнастики. Но тут дверь моего кабинета распахнулась, и вошел Шурф Лонли-Локли. Надо понимать, с плотоядными червями было покончено. Сэр Шурф парень обстоятельный, дела на середине не бросает. По выражению моего лица он сразу понял, что тут творится, молча уселся на стул у окна и принялся за работу. Самопишущие таблички мелькали в его руках так, словно он тасовал карты. Это зрелище оказало на меня столь умиротворяющее воздействие, что я вручил ему кружку горячей камры. От сердца, между прочим оторвал. Пока еще курьер из «Обжоры Бунбы» с очередным кувшином притащится...

Благодаря вмешательству Лонли-Локли отчет был готов уже через час после заката. Я отпустил ребят по домам, набил трубку, устроился поудобней в кресле и вознамерился хорошенько поразмышлять. Но вместо этого мирно уснул, прижимая к груди последнюю самопишущую табличку. Кофа, который великодушно явился подменить меня через пару часов после полуночи, утверждал, что я гладил ее, как только что обретенную возлюбленную.

Зато утром мой ум был ясным, как на войне, а тело звенело от нетерпения, требовало немедленно занять его каким-нибудь веселым делом. Лучше всего как следует поколдовать, да вот хоть на Темную Сторону прогуляться. А на худой конец – просто побегать. Теоретически, можно было бы распахнуть дверь в Хумгат, шагнуть наугад в первый попавшийся необитаемый мир и бегать там в свое удовольствие, пока собственным сердцем не поперхнешься, но у меня есть железное правило: не уладив дела, в неизвестность без крайней нужды не соваться. В те дни

это было почти равносильно зароку вовсе не соваться в неизвестность без этой самой крайней нужды. Дел на меня свалилось столько, что уладить удавалось хорошо если половину.

Поэтому я в очередной раз сказал себе: «не сегодня». После чего быстренько привел себя в настроение, наиболее подходящее для посещения официальных инстанций, вполне правдоподобно нахмурился, залпом осушил кружку камры, погрузил в служебный амобилер тюки с табличками и отправился в Замок Рулх – сдаваться.

Впрочем Его Величество Гуриг Седьмой остался доволен нашим отчетом, мне даже потаенную ярость изображать не пришлось, а ведь прежде только она и заставляла Короля оставлять свои замечания при себе. И даже этот мерзавец, его секретарь, скорчил не самую паскудную из рож. Уж я-то знаю, что старик способен на большее.

Я хотел было выйти вон и убраться восвояси, но Король на радостях представил меня к ежегодной награде, так что пришлось болтаться в замке еще три часа, дожидаясь окончания торжественной церемонии. Говорю же, все мои былые авантюры ни в какое сравнение не шли с подвигами, которые мне приходилось ежедневно совершать на Королевской службе.

Покончив наконец с каторжными работами, положенными мне по рангу, я отправился в Дом у Моста, собрал всех своих сотрудников и торжественно объявил, что теперь им придется какое-то время выкручиваться без меня.

– Это как? – изумленно спросил Кофа.

Остальные молча сверлили меня глазами. Немудрено: это была первая моя отлучка за, страшно сказать, одиннадцать лет. Разве что на Темную Сторону несколько раз уходил. Мне всегда удавалось вернуться уже через несколько часов, хотя гарантий в таком деле не бывает, некоторые на полгода застрять там умудряются.

Я это все к тому, что ребята привыкли: я всегда сижу у себя в кабинете. А некоторые привычные вещи постепенно начинают казаться не просто неизменными, но даже необходимыми для выживания. Земля – твердая, небо – сверху, Джуффин – в своем кабинете. Ну или где-то поблизости, в «Обжоре Бунбе» например обедает, скоро вернется. В крайнем случае, дома, на Левом берегу, но до этого, честно говоря, редко доходило. И вдруг я куда-то собрался, на целых несколько дней – кошмар, мир рушится!

Я собрался было сделать вид, что сержусь, но передумал. Ругать людей имеет смысл только когда видишь, что это пойдет им на пользу. А сейчас явно был не тот момент, и я решил, что практичней будет оставаться в роли сытого, добродушного босса.

– Как-как, – я пожал плечами. – Обыкновенно. Не думаю, что лично вам, Кофа, будет труднее, чем в Смутные Времена. Все примерно так же, только за мной гоняться не нужно. Это ж какая гора с плеч!

– Да уж, – вздохнул Кофа. Но вместо того, чтобы приободриться, окончательно скис.

– Всего-то пару дней меня не будет, – сжалился я. – Ну, полдюжины, от силы. И Ренива тут останется, а она в курсе всех дел. И потом, я же не говорю, что мне нельзя будет послать зов. Это – всегда пожалуйста.

– Все-таки едете в Гажин? – деловито спросила леди Ренива.

– Ну да. Только я не еду, времени нет кататься. Отправлюсь сегодня же вечером Темным Путем, поговорю с Голехом по-приятельски, погляжу на него... Может быть, завтра уже вернусь – если пойму, что произошло недоразумение.

– А просто зов ему послать? – проворчал Кофа. – Зачем туда-сюда мотаться, если Безмолвную речь, хвала Магистрам, пока не запретили?

Я укоризненно покачал головой. Надо же! Старый, опытный человек, бывший начальник Городской Полиции, а элементарные вещи не понимает. Когда подозреваешь, что с человеком что-то не так, нужно просто посмотреть ему в глаза. Безмолвная болтовня тут ничего не прояснит, хоть ночь напролет беседуй.

Впрочем я не стал говорить все это вслух. Кофа не дурак, сам сообразит, что ерунду сказал. Не сейчас, так завтра. А сейчас – какой с человека спрос? Он устал. Все же Последний День года, не хрен собачий, как любил говаривать присутствующий здесь сэр Макс.

Устали, впрочем, все. Предложение отложить праздничный ужин до моего возвращения висело в воздухе, и когда я его озвучил, ребята вздохнули с облегчением. Я отпустил всех спать. Причем железный, казалось бы, сэр Шурф выскочил из моего кабинета первым, хотя сидел дальше всех от выхода. Моя школа. Я уже тогда знал, что парень далеко пойдет.

Я же остался в своем кресле и отправил зов в «Обжору Бунбу». Хороший дружеский ужин в полном одиночестве – что может быть лучше? Дождавшись заказа и проводив курьера к выходу, я запер дверь на ключ, достал из потайного ящика книгу опального профессора Фирука Носалы «Нелепости древней истории» и устроил себе такие каникулы, о каких и мечтать не смел. На целых три часа. Мог бы и дольше развлекаться, да надоело. Хорошего понемножку.

Сборы в дорогу отняли у меня минуты полторы. Я проверил, заперт ли сейф, положил в карман теплого лоохи полную пригоршню корон, надел

тюрбан и сунул за пазуху недочитанную книгу: мало ли, вдруг минутка свободная случится? Потом распахнул окно, да и был таков. Я его знатно заколдовал, это самое окошко, в первый же день службы. Никто не может влезть в него с улицы, или, напротив, выбраться наружу, и при этом остаться в живых. Зато для меня тут открывается мой личный Темный Путь, да не в какое-то конкретное место, как это у наших, с позволения сказать, могущественных колдунов принято, а куда пожелаю. Я и так откуда угодно могу мгновенно исчезнуть, не вопрос, но с окном гораздо удобнее. А я люблю комфорт – в том смысле, что силу по пустякам не трачу.

Миг спустя я уже стоял в просторной гостиной моего старого приятеля, а ныне начальника Малого Тайного Сысского Войска Вольного города Гажина. На мое счастье Голех Облона еще не отправился спать, хотя в Последний День года люди обычно валяются с ног сразу после обеда; это дань не столько древней традиции, сколько насущной потребности. В конце года все бросаются приводить в порядок свои дела, и большинству приходится в несколько дней проворачивать работу, распланированную на год, так уж устроен человек, ничего не попишешь. Немудрено, что покончив с делами, люди падают замертво и спят, как минимум, сутки.

Так вот, вопреки всему вышесказанному мой приятель Голех сидел в ярко освещенной гостиной с книгой на коленях и дымящейся кружкой в руках. Вид у него был вполне сонный, но в постель он явно не спешил.

Увидев меня, Голех опешил и целых три секунды ничего не предпринимал – непростительная медлительность для начальника Тайного Сыска, пусть даже провинциального. За это время я вполне мог бы убить его, взять в плен родню и слуг, поджечь дом и благополучно покинуть место происшествия. Но на сей раз сэр Облоне повезло: я только отметил про себя, что приятель мой совсем сдал, и надо бы в ближайшее время подыскать ему шустрого преемника, а больше никакого вреда от меня не вышло.

Потом он меня наконец узнал. Поскольку в последний раз мы виделись лет десять назад, это было непросто.

– Ты очень плохо выглядишь, Чиффа, – растерянно произнес он. – Я подозревал, что столичная служба не сахар, но чтобы настолько...

Я ухмыльнулся. Сочувственные и злорадные вздохи старых знакомцев по поводу моей внешности я принимал как заслуженные комплименты своему искусству перевоплощения.

С рожей моей вышло следующее недоразумение: в первый же год после вступления в должность я убедился, что парень с лицом

Кеттарийского Охотника, мягко говоря, не слишком подходит для кресла Почтеннейшего Начальника столичного Тайного Сыска. Горожане предпочитали самостоятельно справляться со своими проблемами, лишь бы не идти в Дом у Моста на свидание с “грозным Кеттарийцем”, да и у придворных Его Величества Гурига Седьмого нервный тик начинался, стоило мне войти с докладом. Пришлось мне временно “постареть”, изменить внешность, а вместе с нею манеры и привычки – во всем, что не касалось магии, конечно. Этот нехитрый трюк сработал, пожилой сэр Джуффин Халли устроил абсолютно всех, меня перестали панически бояться, и все пошло как по маслу. Покойный Король, помнится, любил шутить по этому поводу, что Господин Почтеннейший Начальник начал свою карьеру с того, что изловил и прикончил Чиффу; думаю, большинство наших сограждан воспринимали мое перевоплощение именно таким образом и были бесконечно мне благодарны.

Ну и старые приятели были совершенно счастливы видеть, что время меня не пощадило. Чужая слабость, подлинная, или мнимая, часто поднимает людям настроение, как будто она – свидетельство их собственной силы, словно можно будет в последний момент сказать смерти: «А такой-то выглядит старше, чем я, хоть и считается великим колдуном!» – и смерть уйдет, пристыженная. Никакой логики тут конечно нет, сплошные эмоции, но многим нравится так думать.

Голех не был исключением.

– Столичная служба не сахар, это да, – добродушно кивнул я, усаживаясь в одно из мягких кресел. – Зато у вас тут благодать, как я понял из твоего годового отчета.

– У нас... Ну да, у нас все в порядке. Все в полном порядке, – поспешно согласился Голех. – Очень хорошо.

Вид у него при этом был изрядно растерянный. Немудрено, конечно: приятель мой, надо понимать, переполошился и гадал, каких вурдалаков я забыл в благословенном городе Гажине. И чего следует ждать, если уж я не поленился внезапно свалиться ему на голову, да еще и в Последний День года.

– Ну вот и я говорю, о таком порядке, как у вас в Гажине и мечтать невозможно, – подхватил я. – Почитал твой годовой отчет и решил: вот самое подходящее место для отпуска! Я же почти дюжину лет без единого Дня Свободы от забот живу. Понял, что пора сделать перерыв, хотя бы на несколько дней... У вас ведь тут действительно спокойно, да? Никаких проблем?

– Никаких проблем, да, – эхом откликнулся Голех.

Выражение его лица, надо сказать, совершенно не соответствовало этому утверждению. Бедняга выглядел как человек, чьих проблем с лихвой хватило бы на пару дюжин специалистов вроде меня. Впрочем, в тот момент я все еще допускал, что единственной настоящей проблемой ему представляется мой внезапный визит.

– Не хипеши, Голех, – я ему подмигнул. – Я действительно просто хочу отдохнуть. А Темным Путем пришел, чтобы время сэкономить. Никаких неприятностей от меня ждать не следует. Более того, я вполне могу помочь расхлебать все остальные неприятности – при условии, что они у тебя все-таки есть.

– Что ты, никаких неприятностей, – Голех замотал головой. На мой взгляд, чересчур энергично.

– То есть, у тебя все хорошо? И на службе, и дома? – уточнил я.

– Все очень хорошо. Просто прекрасно. Лучше не бывает, – печально отвечал он.

К этому моменту я уже не сомневался, что парень очень серьезно влип, но никак не мог уразуметь, что именно случилось. Впрочем, с пониманием вполне можно было подождать до утра. Сейчас мне хотелось спать, да и Голеху давным-давно пора было в постель. Солнце-то давным-давно зашло; думаю, кроме нас во всем Гажине не было ни единого бодрствующего человека. В провинции к традициям относятся еще серьезней, чем в столице.

– Ну, если у тебя все прекрасно, значит начну отдыхать прямо сейчас, – объявил я. – Скажи мне, где у вас тут апартаменты для приема высоких столичных гостей, и я тут же отбуду в указанном направлении.

– Вообще-то почетные гости обычно останавливаются в специальном парадном особняке бургомистров, – сказал Голех. – Но досточтимые господа Валда Кунык и Зеби Хипелосис, не сомневаюсь, давным-давно отпустили слуг отдыхать и сами спят крепким сном. Ты же не предупредил, что приедешь. Можно, конечно, их разбудить, даже нужно, наверное. Но в моем доме тоже есть комнаты для гостей. Если не возражаешь, они будут в твоём распоряжении так долго, как понадобится. Конечно, в бургомистерском особняке просторнее, зато у меня совсем тихо. Жена уехала к родне в Ландаланд, а почти все слуги нынче утром получили несколько Дней Свободы от забот, так что...

Слушая его, я понял, что все еще интересней, чем кажется. Чутье меня никогда не обманывает, я с первого взгляда распознаю настроение собеседника. И вот какое дело: я сразу почувствовал, что мой визит встревожил Голеха куда больше, чем можно было предположить. Но и

остаться он мне предложил искренне, а вовсе не из вежливости. Какая там вежливость, было совершенно очевидно, что возможность поселить меня в своем доме приносит Голеху несказанное облегчение. Сама мысль о моем грядущем соседстве делала его почти счастливым – ну и дела!

Так или иначе, но его гостеприимство совершенно меня устраивало. Поэтому я пожелал Голеху хорошей ночи и поспешно удалился в отведенные мне покои. Я твердо решил, что Мир не рухнет, если я дочитаю до конца припрятанные за пазухой «Нелепости древней истории», просплю дюжину часов кряду и только после этого примусь за работу.

Спал я, надо сказать, без задних ног. То есть, по-настоящему дрых, как самый обычный человек, даже сны видел, цветные, бессвязные, но приятные, как в детстве. Какие-то бесконечные цветочки, пушистые зверушки и прочая прекрасная хренотень в таком роде. Сам себе удивлялся поутру – с чего бы? Но, чего греха таить, был доволен. Ничего подобного со мной лет шестьсот не случалось, а то и дольше.

Хозяин дома все еще спал, так что завтракал я в одиночестве. И, воспользовавшись возможностью, обдумывал предстоящее мне дело. Не могу, впрочем, утверждать, что оно показалось мне достойной пищей для ума. Все было более-менее ясно: надо дожидаться Голеха, расспросить его о неувязках с годовым отчетом и поглядеть, как он будет выкручиваться. Сможет внятно объяснить этот казус, не солгав – хорошо. Отдохну еще денек и с легким сердцем вернусь домой. А станет врать и выкручиваться – что ж, в моем распоряжении имеется с полдюжины надежных заклятий, способных заставить человека говорить правду.

Никаких трудностей я тут не видел. Голех, как я уже упоминал, никогда не был выдающимся колдуном и назначение на свой пост получил совсем за другие качества. Меня совершенно устраивало сочетание сообразительности, дисциплины, честолюбия и лояльности; к тому же, выбирать было особо не из кого – это если совсем уж начистоту.

В ту пору я все еще думал, что масштаб проблемы всегда сопоставим с масштабом личности, которая ее олицетворяет, о ком бы ни шла речь, о преступнике, или о жертве, неважно – так я полагал. Очень распространенное заблуждение, которое оказывается фатальным куда чаще, чем можно себе представить. И сельский пастушок может принести весть о конце света, и грудной младенец может быть убит опаснейшим из колдунов, если под руку невовремя подвернется. Но это я теперь понимаю. А тогда – зная цену своему приятелю Голеху, я не сомневался, что и дельце мне предстоит пустяковое. И заранее ликовал: какая все же удачная затея с отпуском! Сплошные удовольствия и никакой канители.

Я ждал Голеха, смаковал хозяйскую камру, курил трубку и наслаждался вынужденным бездельем. Скука оказалась неплохой заменой чувству долга и принудила меня послать зов Рениве; потом я на всякий случай побеседовал с Кофой. Выяснил, что в Ехо все спокойно; впрочем я с самого начала не особо в этом сомневался. В Первый День года даже самые опасные заговорщики и свихнувшиеся колдуны просыпаются поздно, и настроение у них самое благодушное – вот как у меня, например.

Наконец сэр Голех Облона появился в гостиной. Выглядел он на удивление усталым – до рассвета засиделся, что ли? Нервничал из-за моего появления, или просто бессонницей маялся? Всякое ведь бывает.

– Ты не дурак поспать, – благодушно сказал я. – Даже меня победил, а уж я-то – самый усталый человек в Соединенном Королевстве. Был, вчера... Да что с тобой, сэр Голех?

Я задал этот вопрос, потому что хозяин дома уронил руки на колени, а голову, соответственно, на руки и, кажется, всерьез собрался отрубиться. Хорош начальник Тайного Сыска, нечего сказать.

– Ничего, все в порядке, – голосом умирающей дриады ответил он. – Все в полном порядке.

– Если ты болен, не забывай: я очень неплохой знахарь. Даже мертвых иногда оживляю, а уж с живыми людьми до сих пор отлично справлялся.

– Да нет, я не болен, – поспешно ответил Голех. – Все хорошо. Просто переутомился. Конец года как-никак. Тут еще мои запасы бальзама Кахара вышли, а пополнить нельзя: это же теперь под запретом, восьмая ступень Черной магии, я ничего не путаю?

– Не путаешь. Но с этой бедой я вполне могу справиться. Вернусь в Ехо, пришлю тебе пару бутылок бальзама, ты только напомни. Строго говоря, Тайным Сыщикам это зелье просто положено, как паек. Не для баловства все же, для дела.

– Спасибо, – деревянным голосом сказал он.

Мое великодушное (по тем временам действительно великодушное) обещание оставило Голеха равнодушным. Бедняга не только не обрадовался грядущему подарку, но, кажется, вовсе не придавал значения моим словам. Словно бы помирать вечером собрался, а я тут планы на будущее строю и обещания раздаю.

Я пожал плечами, с несвойственным мне милосердием подождал, пока Голех поднимет голову, нальет себе камры, сделает несколько глотков, и только тогда приступил к интересующему меня делу.

– Кстати о конце года. Ты прислал нам очень странный отчет. Весь год регулярно докладывал о своих подвигах, и я думал: «Вот молодцы ребята,

ясно кому достанется в этом году Королевская Награда!» А в финале ты вдруг пишешь, что сидел без дела, потому что преступники в Гажине то ли повывелись, то ли просто устали бороться с новыми порядками. Это как, Голех? И где, собственно, правда? Моя секретарша утверждает, что ты нас разыграл, но я-то тебя знаю, ты никогда не был любителем глупых шуток. Мы с нею даже поспорили на целых пять корон. Скажи мне теперь: кто выиграл?

– Ты выиграл, Джуффин, – без тени улыбки сказал сэр Облона. – Я не хотел над тобой подшутить. И, вероятно, мне следует подать в отставку. Последний отчет был правдивым, а все предыдущие – полная ерунда.

– Это как?!

Я видел Голеха насквозь. Он врал, как напраказивший школьник. Но, в отличие от школьника, не выгораживал себя, а напротив, пытался оклеветать. Хорошенькое дело.

– Ну как-как... У нас тут в последнее время действительно тихо. Все хорошо, никаких проблем, ничего не происходит. Хотя вовсе контору прикрывай, – как все лгуны, Голех охотно пустился в длинные, подробные разъяснения. – Ну и поначалу мне было стыдно, что мы тут бездельничаем, начал потихоньку выдумывать какие-то мелкие дела. Дальше – больше, увлекся, расписался, хоть за книгу садись. Но когда стал составлять годовой отчет, опомнился. Все же годовой отчет для Короля пишется. Одно дело обманывать тебя, Джуффин, а другое – Его Величество Гурига.

– Совершенно верно. Меня – опасней, – сухо сказал я. – Ты что такое несешь, сэр Облона? Зачем на себя клеветашь? Бездельничали они... А кто в середине года отправил в Холоми Магистра Лохатту Мордикая? Я сам его там навещал, проводил последний допрос... А лапа Туманного Оборотня? Ты же прислал ее в качестве подарка Королю, после того, как твой заместитель – шустрый, судя по всему, юноша, большой молодец – его уколошил. И правильно сделал: Туманный Оборотень – редкое наваждение, Его Величество прежде только в книжках читал о его радужных лапах и огненных когтях. Так что в честь твоего подарка даже специальный прием закатил, чтобы все приближенные могли полюбоваться. И после всего этого ты говоришь: ничего не происходит.

– Действительно, был же оборотень, – печально согласился Голех. – И Лохатта Мордикай, да. Но с ним мне просто повезло: в тот вечер он напился, как эльф и не смог сопротивляться... А я совсем забыл. Словно много лет прошло. Да, много-много лет... Не сердись, Джуффин. Я правда забыл.

Самое потрясающее, что теперь он говорил вполне искренне.

Особенно про «много-много лет». Я был вынужден признаться себе, что уже ничего не понимаю. Проще всего было бы решить, что Голех сошел с ума, но безумием от него не пахло. Ни единого намека на этот, столь знакомый мне аромат. А обоняние у меня, мягко говоря, неплохое. Все же среди моих предков были шимарские оборотни, а такая кровь дает о себе знать и спустя много поколений.

– Хорошо, положим, ты забыл. Но черновые отчеты? Ты же мог просто посмотреть старые таблички, те экземпляры, которые оставались у тебя. Для того, собственно, они и нужны, а вовсе не для моего удовольствия.

– А я их испепелил, – обезоруживающе улыбнулся Голех. – Думаю: чего этот хлам тут лежит, шкафы занимает? Ну и разбил, а потом испепелил, очень тщательно, а пепел развеял, все же секретная документация, я понимаю... Джуффин, давай ты просто примешь мою отставку, а потом дашь мне позавтракать, хорошо? Я, знаешь, понял, что совершенно не подхожу для этой должности.

– Я это уже тоже понял, – согласился я. – Но не все так просто. Твою отставку должен принять не я, а Король. А прежде, чем писать прошение на его имя, я должен разобраться с твоим отчетом. Ты завтракай, конечно, на здоровье, но потом придется вернуться к нашей беседе.

– Может быть проще объявить мой отчет должностным преступлением и отправить меня в Холоми? – спросил сэр Голех.

Причем не с отчаянием спросил, а с робкой надеждой. Я видел его как на ладони и чувствовал, что мысль о заключении в Холоми кажется моему приятелю настоящим спасением. Понять бы еще – спасением от чего?

В общем, я решил, что ни к чему наша дальнейшая беседа не приведет. Ну удивлюсь еще пару раз, это да. Давно забытое приятное ощущение. Можно, конечно, сменить тактику и изобразить начальственный гнев – этот спектакль обычно неплохо мне удается и очень освежает всех участников представления, включая меня самого. Но в интересах дела следует как можно скорей наложить на беднягу стоящее заклинание. Чтобы говорил правду и только правду, не юлил и не выкручивался. Потому что еще немного, и я натурально лопну от любопытства.

Не тратя время на дальнейшие раздумья (обычная ошибка людей, возомнивших, будто они уже не умеют ошибаться), я незаметно направил на Голеха мизинец и пробормотал несколько слов, значение которых на древнем языке Хонхоны что-то вроде: «а ну колись, мерзавец». Вообще следует заметить, что большинство общеизвестных заклинаний, по мнению знатоков древнего языка, свидетельствуют о крутом нраве древних обитателей Сердца Мира. Причем чем более высокую степень магии

используют, тем грубее становится речь. После сотой ступени, если верить специалистам, начинается такая похабщина, что дословный перевод невозможен, а приблизительный способен смутить даже хозяина куманского портового борделя.

Думаю, наши предки отлично понимали истинную природу Очевидной магии: жестокое насилие, чтобы не сказать надругательство над реальностью. Что же до Истинной магии, она обходится вовсе без слов, и мне это, по правде сказать, очень нравится.

Впрочем, я отвлекся.

Вместо того, чтобы вздрогнуть, оживиться и поспешно заговорить, как это обычно бывает в таких случаях, сэр Голех Облона, Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыскного войска вольного города Гажина лопнул, как мыльный пузырь, порадовав напоследок мой взор радужным сиянием многочисленных брызг. Впрочем, ни стол, ни ковер он не запачкал. Просто исчез, словно и не было никогда никакого Голеха Облоны, а так, наваждение пустяковое. Словом, очень чистоплотная гибель, все бы так.

Я обругал себя болваном – и поделом. Хорошо хоть дело обошлось без свидетелей. Потому что наложить заклятие, развязывающее язык, не проверив предварительно, не было ли других, смыкающих уста жертвы – да за такое разгильдяйство я бы любого из своих сотрудников отправил на дюжину дней коридоры Дома у Моста подметать. Впрочем, подобных промахов мои люди никогда не делали. Ошибка настолько нелепая, что я даже не мог как следует на себя рассердиться. Ясно ведь – и уже много столетий мне это было ясно! – что противоречащие друг другу заклинания равной силы обычно убивают несчастного, попавшего между двух огней. Поэтому... Ну, понятно, в общем, с чего принято начинать всякий допрос такого рода. Действительно азы.

– И меня, что ли, заморозили? – проворчал я, набивая трубку. – Или просто Руну Глупости на подушке вышили, а я и не заметил? Ну все, Джуф, плакал твой отдых. Придется разбираться с этим делом всерьез.

Вынужден признать, что гибель несчастного сэра Голеха огорчила меня куда меньше, чем собственная дурость. Последние лет двести рядом со мной все время кто-нибудь умирал, нередко – с моей помощью. Так что к этому я привык. А вот идиотом я чувствовал себя крайне редко. В последний раз, кажется, еще в Кеттари, под руководством моего несравненного наставника, но рядом с Махи кто угодно мог бы почувствовать себя идиотом, совершенно бесплатно, так что эти впечатления не в счет.

Наконец я решил, что нет худа без добра: вероятно, я только что одним

махом совершил все глупости, положенные мне в этой жизни, и больше уже не придется – по крайней мере, в ближайшее столетие. После этого я как следует вычистил трубку, спрятал ее в футляр и принялся действовать.

Для начала я послал зов шустрому заместителю покойного начальника Тайного Сыска, тому самому, который изловил Туманного Оборотня. Этот эпизод, надо сказать, вызывал мое уважение. Знаю я этих тварей, не то чтобы шибко грозные, но полдюжины простых обывателей за вечер умять вполне могут – при благоприятных обстоятельствах. Красивые создания, сердце замирает, когда на такое смотришь, а оно времени зря не теряет: хруп-хруп, ням-ням – и нет любителя прекрасного. Поймать такое наваждение, да еще и заставить его материализоваться, чтобы лапу отрубить и Королю в подарок отправить – в прежние времена за такой подвиг я бы, пожалуй, мог взять парня в ученики без дополнительных испытаний.

Победитель оборотня выслушал мое краткое сообщение о происшествии и обещал быть через час. Дескать, живет на другом конце города, а Темным Путем ходить не обучен. Мне оставалось только смириться с этим прискорбным обстоятельством.

Подумав с полминуты, я снова послал ему зов и перенес встречу в Сизый Дом – так называли в Гажине штаб-квартиру местного Тайного Сыска, которая находилась по соседству с жилищем начальника. Рассудил, что осматривать место происшествия парню ни к чему, ничего интересного он тут все равно не обнаружит. Зато в Сизом Доме наверняка найдется немало любопытного. Вот я и поищу это самое любопытное, пока доблестный борец с незаконной магией будет пересекать город в служебном амобилере.

Напоследок я быстренько обследовал дом своего покойного приятеля. Дом был совершенно пуст. То есть, мебель и прочие предметы обстановки стояли на месте, а вот людей не было. Ни жены – впрочем, она, по словам Голеха, уехала к родне в Ландаланд – ни слуг. Вообще никого. Интересно, кто же тогда приготовил и подал завтрак? Неужели Голех сам расстарался? Похоже на то: в кухне царил типичный холостяцкий бардак.

Времени я зря не терял. Пока шел к Сизому Дому, послал зов этой самой уехавшей жене. Представился, сказал, что ее муж погиб нынче утром при загадочных обстоятельствах. Принес соболезнования, как положено.

Считается, что когда пользуешься Безмолвной речью, распознать нюансы настроения собеседника бывает непросто, но – мало ли, что считается. Все не все, но кое-что вполне можно понять. И от меня не укрылось, что леди не слишком удивилась, узнав прискорбную новость.

Огорчилась, о да. Но не удивилась. Словно бы давно ждала чего-то в таком роде.

«Вы сейчас где находитесь?» – спросил я, скорее для порядка. Во-первых, мне, честно говоря, было все равно, а во-вторых, я думал, что уж про отъезд жены Голех сказал мне чистую правду. Просто потому что не такая уж это великая тайна – где чья жена Конец Года встречается. Однако ее ответ меня озадачил.

Леди Харая Облона действительно находилась в Ландаланде. Но никаких родственников у нее там не было. И в других местах тоже. Оказывается, Голех женился на круглой сироте. Что же касается ее отъезда, в самом начале зимы муж попросил ее как можно скорее убраться из Гажина, куда душа пожелает, но не в столицу. Снять хороший дом где-нибудь в глухомани, нанять слуг и жить там тихо, в свое удовольствие, пока он не пришлет зов и не скажет, что можно возвращаться.

Леди Харая прекрасно знала, что у мужа довольно опасная профессия. Знала она и о том, что он любит ее больше жизни и ужасно боится, что однажды она может попасть под раздачу – просто за компанию с возлюбленным супругом. Поэтому она решила, что Голех, вероятно, начал охоту за каким-нибудь особо опасным злодеем. Опечалилась, но спорить не стала и уехала на следующий же день, забрав с собой всех доверенных слуг. Без такой свиты муж ее не отпустил бы.

Один слуга был родом из Ландаланда, его дальние родственники помогли найти и арендовать роскошную старую усадьбу недалеко от Нумбаны. С тех пор леди Харая носа оттуда не высывала. Муж присылал зов по несколько раз на дню, говорил, что у него все в полном порядке, но возвращаться домой пока не велел.

Очень интересно.

Я начал думать, что выражение «в полном порядке» станет теперь для меня синонимом большой, но совершенно невнятной беды. Сколько раз я его слышал за истекшие сутки – и, скажите на милость, к чему мы пришли?!

Распроставшись с новоиспеченной вдовой и пообещав выхлопотать для нее самую щедрую Королевскую пенсию – невелико утешение, но лучше, чем ничего – я переступил порог Сизого Дома. Огляделся, принялся, неодобрительно покачал головой. Такое впечатление, что здесь долгонько никого не было. Пару дюжин дней, как минимум. А то и дольше. Пылищи-то, пылищи! И воздух затхлый, давно не проветривали. Распахнув все окна, я сделал то же самое со шкафами и сейфами, но эти усилия оказались совершенно бесполезными. Везде было пусто. Ни

самопишущих табличек, ни оружия, ни денег. И, к слову сказать, никаких следов колдовства. Похвально, конечно, но кому, как не мне знать, что Тайным сыщикам то и дело приходится нарушать Кодекс Хрембера, иначе в нашей профессии не выходит.

Словом, помещение выглядело так, словно мои гажинские коллеги давным-давно переехали в другое здание, а мне об этом сообщить забыли.

В финале обыска я уже не знал, что на это сказать – даже себе самому! Поэтому пришлось сесть на стул, набить трубку и закурить. Все лучше, чем бродить по пустым комнатам, да пыльные шкафы полами лоохи протирать.

Заместителя покойного начальника по-прежнему не было, хотя прошло уже больше часа. Я послал было ему зов, поторопить, но тут меня поджидал очередной сюрприз: парень не откликался. Словно уже умер, или, на худой конец, на Темную Сторону отправился. Но я здорово сомневался, что второе в его силах, а что касается внезапной кончины – это был бы перебор, даже на мой вкус.

Счастье, что я уже не раз сталкивался с подобными фокусами: когда человек, хоть сколько-нибудь искушенный в магии, не хочет ни с кем общаться, он вполне может окружить себя барьером, непроницаемым для Безмолвной речи. Я умею ломать такие барьеры, хоть и не слишком люблю. Всякий, в общем, имеет право на уединение – при условии, что у него хватает могущества, чтобы это уединение себе обеспечить. Всякий, но не заместитель только что погибшего начальника Тайного Сыска. Поэтому пришлось проявить настойчивость.

«Сэр заместитель, не помню, как там тебя величают! – рявкнул я. – Где тебя носит? И почему в переговоры не вступаешь?»

Парень изрядно удивился. Вероятно до сего дня он считал свой барьер абсолютно непроницаемым. И тут такое разочарование! Сочувствую.

Какое-то время он не отвечал. Все еще пытался имитировать отсутствие в мире живых. Но провести меня ему не удавалось.

«Можешь не отвечать, но если тебя не будет в Сизом Доме через полчаса, я встану на твой след, – пригрозил я. – Терпеть не могу работу Мастера Преследования, поэтому в финале вполне могу откусить тебе голову, бывают у меня такие нервные срывы. Так что давай лучше сам. Ну, чего молчишь?»

«Я думаю, – наконец отозвался этот удивительный служитель закона. – Может, это и неплохо, если вы откусите мне голову. А может и не стоит... Знаете что? Давайте договоримся: я приеду в Сизый Дом, а вы за это упрячете меня в Холоми. Чем скорее, тем лучше. Может быть, это выход...»

«А в Холоми-то зачем? – искренне удивился я. – Вернее, за что? Что

вы с Голехом тут успели наворотить такого, чтобы проситься в Холоми? Фальшивый годовой отчет тянет максимум на отставку, да и то вряд ли, честно говоря.»

«Ничего этакое мы не наворотили, к сожалению. Но вы, пожалуйста, придумайте что-нибудь. Ну хоть на полгода в Холоми тянет мой побег? Это очень важно.»

«Какой такой побег?»

«Ну, видите ли, сейчас я с неплохой скоростью удаляюсь от центра Гажина и скоро покину пределы города. Но если вы готовы меня арестовать и доставить в Холоми, я с удовольствием приду в Сизый Дом.»

«Ага. Значит, удаляешься, – повторил я. – Экие вы все тут оригиналы, господа! Твой шеф тоже в Холоми просился зачем-то, как раз перед тем, как... Ладно уж, разворачивайся и возвращайся в город. Не знаю, почему ты хочешь быть арестованным, но если это так уж необходимо, можешь попробовать на меня напасть, когда приедешь. Обещаю обезвредить тебя аккуратно, по крайней мере, жив точно останешься. Тут видишь какое дело: в Холоми по протекции не попадешь. Пока ритуальный жезл Канцелярии Скорой Расправы не укажет, что твои действия были преступными, не видать тебе камеры с видом на Хурон, даже если сам Король словечко замолвит. Но попытка нападения на государственного служащего высшего ранга, даже самая вялая и нерешительная, гарантирует полный успех, уж я-то знаю. А если передумаешь, мы просто никому ничего не скажем. Устраивают тебя такие условия? Давай, возвращайся, парень, не сходи с ума. Не нужно вынуждать меня за тобой гоняться».

Кажется мои обещания произвели на беднягу вполне благоприятное впечатление. Он сказал: «Ладно, если так, я приеду. Постараюсь побыстрее», – и умолк. Мне показалось, что он не врет – и на том спасибо.

Поскольку досуга у меня снова было хоть отбавляй – заветные желания вечно сбываются невовремя! – а книгу я дочитал еще вчера, я вспомнил о своих светских обязанностях и послал зов одному из бургомистров Гажина, старому Зеби Хипелосису. Все равно, рано или поздно это надо было сделать.

Когда в городе целых два бургомистра, трудно решить, с кого следует начинать. Мне в этом смысле было проще: старика Зеби я знал давно, еще в ту пору, когда он был молодым, жадным до денег и приключений купцом и думать не думал о столь высоком чине. А его коллегу, бывшего корабельного мастера и судовладельца Валду Куныка, я видел всего однажды, да и то на Королевском приеме. Поэтому Зеби Хипелосис оказался первым, кого я осчастливил сообщением о своем приезде в Гажин

– не считая моих коллег Тайных сыщиков, конечно.

Поздоровавшись и дотошно справившись о здоровье всех восемнадцати внуков Зеби, от которых старик был без ума, я, не вдаваясь в подробности, сообщил бургомистру, что прибыл в Гажин, поскольку начальник местного Тайного Сыска нынче утром погиб, вернее, исчез; впрочем, в данном случае это, увы, одно и то же. Ясно, я не слишком аккуратно обращался с фактами; с другой стороны, рассказывать старику, что мой визит в Гажин является не следствием, а причиной гибели сэра Голеха Облоны – это совершенно не вязалось с моими представлениями о необязательной светской болтовне. Да и не его ума это дело, если на то пошло.

Зеби, как и положено, опечалился, выразил надежду, что я не только покараю злодея (о да! Еще как покараю! Например, лишу его права резаться в «крак» и все прочие карточные игра, на целых две дюжины дней. Жестокое, но заслуженное наказание за дурость) – но и подыщу жителям Гажина нового защитника. Самого что ни на есть надежного и справедливого.

Я, разумеется, рассыпался в заверениях. Зеби, в свою очередь, тоже рассыпался – в благодарностях. После чего пригласил меня отужинать с ним и его коллегой, бургомистром Валдой Куныком нынче же вечером. Обещал, что это будет не торжественный прием, а обычный скромный ужин на троих. Зная местные нравы, я заранее мог вообразить «скромность» грядущего ужина. Дюжина перемен блюд, не меньше!

Впрочем, я не возражал. Все лучше, чем слоняться по чужому городу в поисках мало-мальски приличного трактира, который, несомненно, все равно окажется из рук вон дрянным. Человеку, избалованному столичной кухней Эпохи Орденгов, в те годы было очень трудно заставить себя проглотить хоть кусочек стряпни, сделанной практически без применения Очевидной магии. Хуже, чем без соли и специй, честное слово! А влиятельные люди обычно держат при себе поваров старой школы, которые даже с помощью дозволенной Кодексом Хрембера второй ступени Черной магии ухитряются приготовить вполне съедобную жратву. И я всем сердцем верил в житейскую мудрость гажинских бургомистров. Уж одного-то приличного повара на двоих они вполне могут себе позволить.

Посреди нашей Безмолвной беседы в центре комнаты вдруг материализовался тощий, как жердь, молодой человек в пестром лоохи, отделанном всякими дурацкими ленточками, блестящими камешками и еще Магистры знают чем. Тогда такие как раз благополучно вышли из моды в столице и заняли круговую оборону в провинции, я еще лет тридцать в

каждую поездку хоть раз да натыкался на эту несказанную красоту.

Выглядел он незабываемо: мало того, что весь в нелепых бантиках, так еще и белобрысые лохмы торчат из-под тюрбана, глазищи синие, как у новорожденного котенка и безумные, как у Орденского послушника в первые годы обучения. Одно слово, красавчик.

Обретя телесность, парень тут же напустил на себя воинственный вид и метнул в меня некое подобие Смертного Шара. Довольно жалкое подобие, между нами говоря, но для такого юного балбеса очень даже ничего. По крайней мере, мне теперь было ясно, как он расправился с Туманным Оборотнем. Одной загадкой меньше, и то хлеб.

Я отмахнулся от тусклой шаровой молнии, как от назойливой мухи, но с Зеби Хипелосисом спешно распрощался, обещав быть к ужину. А то все же невежливо как-то: человек старается, нападает на меня, а я тут лясы точу со старым приятелем. С молодежью так обращаться нельзя.

– Этого достаточно для заключения в Холоми? – с надеждой спросил нападающий. – Или надо всерьез вам навредить?

– Было бы неплохо, но у тебя все равно не получится, – я махнул рукой. – Ничего, на годик-другой в Холоми, пожалуй, потянет. Или тебе надо больше?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Трудно сказать. Может я вообще зря надеюсь...

– На что?

– Трудно сказать, – повторил юноша. – Вернее, не трудно, а невозможно. Я не могу вам объяснить, сэр. При этом я почти ничего не понимаю, но даже то небольшое, что вроде бы понял и хотел бы как-то рассказать – нет, не могу. Уж сколько раз пробовал...

– Так на тебя наложили чары? – сочувственно спросил я.

– А Магистры его знают. Честно говоря, я не помню, чтобы на меня кто-то чары накладывал... Но это же, наверное, можно и незаметно сделать?

– При большом желании и умении можно, – согласился я. – Тебя как зовут-то, герой? А то напасть напал, а представиться забыл.

– Абилат, – смущенно сказал юноша. – Я... Ну, вы же поняли, что я не всерьез напал? Я старался не причинить вам ущерб.

Бедный ребенок. Кажется, он действительно опасался, что может ненароком угрохать столичного начальника. Еще бы, такой великий герой, самый крутой колдун в Гажинском Тайном Сыске, кто бы сомневался!

– А Темным Путем ты все-таки умеешь ходить, – я милосердно замаял тему, которая могла бы задеть его самолюбие. – Почему сразу не пришел?

– Ну, сначала я решил, что лучше будет удрать, потому что – ну, я же

не могу отвечать на вопросы! Хочу, но не могу. И значит лучше уносить ноги: про вас говорят, что вы можете убить кого угодно, если рассердитесь, и вам ничего за это не будет.

Я вздохнул. Мне действительно «ничего за это не будет», благо любой поступок начальника Тайного Сыска официально считается законным и правильным. Я сам же и настоял на такой поправке к Кодексу Хрембера прежде, чем вступить в должность. И, разумеется, обыватели думают, что я с превеликим удовольствием убиваю всякого, кто испортит мне настроение, или, скажем, на ногу наступит в толпе. Вот можно подумать, очень увлекательное занятие – беспомощных людей убивать. А уж пользы-то, пользы...

Впрочем, переубеждать обывателей бессмысленно, да и не нужно, пусть себе боятся меня, сколько влезет. Для дела это даже неплохо. Но от своего коллеги я такого простодушия, признаться, не ожидал.

– А потом, когда мы с вами еще раз поговорили, мне пришлось вернуться домой, – продолжал объяснять Абилат. – Мой Темный Путь проложен оттуда, из холла на порог Сизого Дома. Есть еще два маршрута, оба начинаются дома, а вот так, откуда попало, я не умею пока. Каждый Темный Путь приходится по полгода прокладывать, да и то не всегда получается... Я же совсем недавно начал учиться.

– А кто тебя учит искусству Темного Пути? – полюбопытствовал я.

Действительно интересно: как это парень выискал себе толкового учителя в Гажине? Кто таков, почему не знаю?

– Я сам, – виновато потупился тот.

И что самое поразительное, он не врал.

– Это как?

Я прожил довольно долгую и более чем бурную жизнь. Удивить меня не так-то просто. Но до того дня я был совершенно уверен, что овладеть искусством Темного Пути без учителя совершенно невозможно. Как, впрочем, почти любым чудом, если речь идет об Истинной магии. Так уж все устроено: люди учатся таким вещам у других людей, нравится нам это, или нет, точка.

– Ну как – по книжкам, конечно, – вздохнул Абилат. – У меня дома очень хорошая библиотека, отцовская. Папа преподавал историю древних Орден в Королевском Университете, у вас, в Ехо, пока не начались Смутные Времена. Потом переехал сюда, лишь бы не лезть в политику и не сражаться: у папы был очень миролюбивый нрав, и магия ему хорошо давалась, какая угодно, но только не боевая. Деревья на голых камнях мог вырастить запросто, или, скажем, превратить текст учебника в движущиеся

картинки, чтобы студенты не скучали на его лекциях, а себя от нападения защитить не умел. Вот он и удрал в Гажин, здесь-то всегда тихо жили... Но отец все равно погиб в самом конце гражданской войны от руки какого-то свихнувшегося послушника Ордена Водяной Вороны. Причем, как я понимаю, случайно под руку подвернулся. Я тогда еще маленький был, мне толком ничего не рассказывали... Ну вот, папа погиб, а книги остались. С книгами даже проще, чем с учителем. До меня все довольно медленно доходит, а я стесняюсь, когда у меня при посторонних что-то не получается, и тогда оно совсем уж перестает получаться, а я стесняюсь еще больше... Ну, то есть, таким как я по книжке учиться проще, я только это хотел сказать.

– Ясно, – кивнул я. – Прими мои поздравления, мальчик: ты сделал практически невозможное. Кстати, а от Безмолвной речи барьер сооружать ты тоже по книжкам научился?

– Ну да. А как еще?

– Ну-ну. Молодец.

Я мог себя поздравить: передо мной стоял настоящий юный гений, при этом совершенно уверенный, что до него «все медленно доходит» – ну дела! О таком ученике я до сих пор только мечтал. А прочие и мечтать не смели: считается, что такие ребята только в древних легендах бывают.

Впрочем, с гениальностью заместителя начальника Гажинского Тайного Сыска я решил разобраться позже. Сперва следовало понять, что тут у них происходит. А я, кажется, с самого утра только и делал, что оказывался в тупике. Сперва это было даже интересно, но теперь мне решительно надоело.

– А где документы? – спросил я своего нового знакомого. – В сейфах пусто, в шкафах...

– Да, я вижу. Ничего нет. Но об этом я ничего не знаю. Я не был в Сизом Доме с начала зимы.

– Почему? Или это тоже не можешь сказать?

– Да нет, кажется, могу. Сэр Голех не велел сюда приходить. Мне и еще Тритте, которая Мастер Преследования.

– Ага, оказывается есть еще и леди Тритта. Я думал, после гибели Малохи Кудоя в прошлом году, вы с Голехом вдвоем остались на хозяйстве. В отчетах ее имени не было. Новенькая небось?

– Ну да. Так обидно вышло: она только-только поступила на службу, всего два раза встала на чужой след, увидела, что у нее получается, поверила в свои силы, и почти сразу все закончилось. Сэр Голех нас распустил.

– А сообщить мне об этом почему никто не потрудился? Ладно, эта леди Тритта новенькая, может и не знает порядков, да и обо мне хорошо если краем уха слышала. Но ты-то, сэр Абилат! Послать мне зов и сообщить, что твой начальник оправил всех в отставку – что проще и разумнее?!

– Я не мог по своей инициативе докладывать о поступках сэра Голеха начальству. Удивительно, что сейчас на ваш вопрос как-то удалось ответить. И не могу объяснить почему. Хочу, но не могу. Надеюсь, вы сами разберетесь и узнаете, каково было и остается мое положение... Ну и, строго говоря, в отставку нас не отправили. Просто сэр Голех сказал, что на службу пока ходить не нужно. Отпуск оплачивается, волноваться не о чем, и вообще лучше бы нам куда-нибудь уехать. Попутешествовать в свое удовольствие за казенный счет. А он пришлет зов, когда мы понадобится. Тритта на следующий же день укатила к родителям в Уриуланд. Звала меня с собой, но я остался. Не хотел папину библиотеку без присмотра бросать. Там много ветхих книг, все время приходится заклятие Хорруна читать, чтобы хоть как-то противостоять времени. Это же можно, правда? Не запретная магия?

– Не запретная, – успокоил его я. – Самая что ни на есть Истинная, так что все в порядке. А, кстати, заклятие Хорруна ты тоже по книжкам выучил?

– Ну да, а как же еще? Вы все время так удивляетесь, сэр Джуффин, даже странно. А зачем еще книжки нужны, если по ним не учиться?

Вот уж действительно.

– Ладно, о книжках и учебе поговорим потом, – решил я. – А сейчас... Пожалуй, у меня есть идея. Ты не можешь ничего мне рассказать, сэр Абилат, это я уже понял. А вот скажи, врать-то ты мне можешь? Нагло врать в лицо, говорить вещи, прямо противоположные истинному положению дел. Прямо противоположные, ясно тебе?

Я посмотрел ему в глаза и увидел, что парень отлично меня понял. Сообразительный оказался, и на том спасибо.

– Во всяком случае имеет смысл попробовать, – сказал он. – Спрашивайте.

– Ну, раз так, расскажи, что у вас тут творится... Нет, стоп, не так. Что у вас в Гажине особенно прекрасно в последнее время? То есть вот настолько хорошо вдруг стало, что поверить своему счастью не можете. А?

– Я понял вопрос. Вообще, у нас тут в последнее время творится много прекрасных и понятных вещей, – Абилат говорил медленно, неуверенно, явно с трудом подыскивал подходящие формулировки. – Но

самое восхитительное это, конечно, сны. Какие чудесные сны мне снятся, сэр Джуффин! Думаю, впрочем, не я один такой счастливчик. И что замечательно, за это удовольствие совершенно не приходится расплачиваться наяву. Поэтому живем мы тут в последнее время совершенно беззаботно, не можем дождаться, когда придет время ложиться спать.

– А если уехать? – спросил я. – Тот, кто покинет Гажин, лишится счастья видеть волшебные сны, я правильно понимаю?

– Ну что вы. Ни в коем случае, в том-то вся прелесть. Я проверял. Вот, разве что, насчет Холоми я не уверен. Возможно как раз там счастье и закончится. Я же и хочу попробовать: ради научного эксперимента...

– Вот оно что, – кивнул я. – Похвальное любопытство. Как я понимаю, для начала тебе не мешает бутылка бальзама Кахара. Очень полезная в таких ситуациях вещь.

– О! Бальзам Кахара – самое ненужное и бесполезное для меня зелье! Ни за что не стану его пить, хоть убейте, – прочувствованно сказал юноша. Он уже заметно расслабился и даже развеселился. – Но вообще-то я думал, он теперь под запретом.

– У меня огромные запасы, еще со старых времен, – утешил его я. – Подожди пару минут, сейчас вернусь.

Искусство Темного Пути – не только одна из фундаментальных дисциплин Истинной магии, но и чрезвычайно практичное умение. Я открыл дверь Сизого Дома в Гажине и оказался в своем особняке на Левом берегу Хурана. Убедился, что там все в порядке, дворецкий Кимпа по-прежнему доволен жизнью, особенно моим постоянным отсутствием и размером своего жалования, зашел на кухню, достал из буфета бутылку с тонизирующим средством, распахнул дверь и вернулся в комнату, где оставил этого юного гения Абилата. На все ушло минуты полторы, не больше. А некоторые вдохновенные глупцы еще говорят, что от Истинной магии нельзя ждать практической пользы. Дескать, это противоречит ее основным принципам. Ага, держи карман шире!

Я вручил бутылку изумленному моим проворством Абилату.

– Поскольку тебе бальзам Кахара даром не нужен, я решил назначить тебя хранителем этой бутылки. Отнесись со всей ответственностью, пожалуйста.

– Клянусь, что не сделаю ни единого глотка! Особенно вечером, когда придет время ложиться спать, – лукаво пообещал сей смысленый молодой человек.

– Одно плохо, – проворчал я, – на бальземе Кахара больше трех-

четырёх суток не выдержишься... Кстати, я правильно понял, что проблемы со снами... вернее, восхитительные ночные видения – они ведь не только тебе знакомы?

– Точно не знаю. Но подозреваю, что у многих высокопоставленных жителей Гажина дела сейчас идут очень хорошо – и во сне, и наяву. Особенно во сне, – вытаращив глаза, как типичный малолетний лгунишка, отрапортовал Абилат. Помолчал и, делая над собой явное усилие, добавил: – Уверен, у моего покойного начальника все было настолько в порядке, что я даже представить себе не могу. При том, что природа не обделила меня воображением.

– Ясно, – кивнул я. – Бывают же счастливики... Ладно, не буду больше мучить тебя расспросами. У меня есть пара идей получше. Давай договоримся, сэр Абилат: сейчас я пойду, прогуляюсь по городу, разыщу кое-кого из старых приятелей, другими делами займусь. Вечером буду ужинать у бургомистров: я им обещал. А ты пока наведи здесь порядок, ладно? Все же помещение Тайного Сыска, а не разорившийся трактир. Смотреть тошно. Потом отправляйся прямехонько в городскую полицию – у вас, надеюсь, нормальные отношения?..

– Не просто нормальные, а очень хорошие, – заверил меня он. – Мы с ребятами часто друг друга выручаем, а делить нам, вроде бы, нечего.

– Славно, если так. Значит раздобудь для меня копию их годового отчета. Они же тоже пишут что-нибудь для отправки в столицу, верно? Ну вот, на досуге почитай. Если найдешь какие-то странности, о которых сможешь рассуждать вслух, расскажешь мне нынче ночью. Если поймешь, что говорить на эту тему невозможно, просто отложи таблички в отдельную стопку. Если и это не получится, придумай, чего бы мне такого наврать, чтобы я уяснил корень проблемы. Думаю, у тебя все выйдет.

Честно говоря, я думал, что вся эта возня с полицейскими отчетами и даром не нужна. Просто старался занять хорошего человека полезным делом, или хоть каким-то подобием дела, чтобы не маялся. Ну и чтобы на глупости всякие времени не оставалось. А то, чего доброго, снова в бега пустится, или напьется с горя, или еще какую-нибудь ерунду с собой сотворит.

– А сажать в Холоми вы меня все-таки не будете? – упавшим голосом спросил Абилат.

– Если очень захочешь, можно и в Холоми, – великодушно пообещал я. – Но не сегодня. Через пару дней, ладно? Я уже понял, что ты мечтаешь там переночевать – просто для разнообразия, чтобы отдохнуть от непрерывного счастья и восторга, которые переполняют твои сновидения.

Но вполне может оказаться, что скоро ты сможешь преспокойно дрыхнуть дома. Я всерьез намерен разобраться в этом деле. Терпеть не могу, когда люди слишком счастливы, да еще во сне и наяву одновременно. Человек должен страдать, хоть иногда. Возможно мне потребуется твоя помощь, поэтому не вздумай никуда удирать, ладно? И бальзамом Кахара не злоупотребляй пока – это я серьезно говорю. Если очень устал, сделай один глоток, не больше. Мне нужно, чтобы у тебя была ясная голова.

– От ясной головы я бы и сам не отказался, – вздохнул бедняга. – Только вы имейте в виду: я очень хочу вам помогать. Но не уверен, что сумею. Впрочем, с уборкой я, конечно, справлюсь и с полицейским отчетом попытаюсь разобраться. И еще что-нибудь такое же простое, если...

– Поживем увидим, сэр Абилат, – я пожал плечами. – Ты не переживай, я так долго обходился вообще без помощников, что мне даже такая малость – серьезное подспорье. Так что хорошего дня. До встречи.

– До встречи, – эхом откликнулся он.

Вид у парня был совершенно потерянный. Странно вообще-то: большинство людей, когда я объявляю о намерении лишить их своего общества, вздыхают с нескрываемым облегчением. А этот, гляди-ка, огорчился. Чудеса.

Я шел по Пестрой Линии, центральной улице Гажина. Курил трубку и с удовольствием думал, что судьба потрудились подсунуть мне не только славную головоломку, но и очень неплохого компаньона для ее разгадывания. Мало того, что молодого-глупого и талантливого – я с такими как раз больше всего люблю иметь дело – так еще скромного и сообразительного, что с гениями вообще крайне редко случается.

По крайней мере, он быстро включился в мою игру и тут же дал мне понять, что, корень невнятных пока, но вполне реальных бед следует искать не наяву, а во сне. Вернее, в чужих снах. Это как раз совершенно меня не удивляло. В Эпоху Орденов в Соединенном Королевстве проживало немало мастеров вмешиваться в жизнь ближнего, манипулируя его снами; искусство это, разумеется, не утрачено и сегодня. Во сне человека можно запугать, совратить, околдовать, вывести его самый сокровенный секрет, лишить памяти, силы и даже жизни, или же, напротив, быстро обучить каким-нибудь непростым фокусам, вылечить от болезни, утешить в горе, вразумить... Да практически все что угодно можно проделать с человеком во сне, было бы желание, могущество и соответствующие навыки.

Я, собственно, и сам не раз являлся в чужие сны. Одних убивал, других спасал, третьих учил уму-разуму – насколько это возможно.

Сновидения – это был мой конек, и я заранее радовался, что встретил противника, который играет на моей территории. Бедняге можно было только посочувствовать.

Впрочем, я намеревался сперва полюбоваться этой игрой, досконально ее исследовать, выучить все правила до единого, и только потом смешать карты. Что я смогу их смешать – в любой момент, по собственному желанию – я не сомневался. В конце концов, до сих пор так было всегда, и я не видел, с какой бы стати события вдруг должны начать развиваться по иному сценарию. Есть только один принцип, которым я стабильно руководствуюсь в жизни, сколько себя помню: будет или по-моему, или вовсе никак, причем второй вариант совершенно меня не устраивает. Это правило меня, надо сказать, никогда не подводило. Ну, почти никогда.

Поскольку нынче ночью я спал сладко, как младенец, хоть и не позаботился окружить себя мало-мальски серьезной защитой, сам собой напрашивался вывод, что загадочные гажинские кошмары мне вряд ли светят, даже если я год тут проживу. То ли неизвестные злодеи не смогли навязать мне свою волю, то ли даже и не пытались, просто не захотели связываться – и вряд ли в ближайшее время что-то изменится.

Из этого я заключил, что для начала мне следует дожждаться ночи и поглядеть пару-тройку чужих снов, а там – по обстоятельствам.

Сам по себе фокус вполне пустяковый, но люблю я это дело – слов нет. Один из увлекательнейших способов проводить время. Причем в последние годы насущная необходимость проникать в чужие сновидения возникала крайне редко, а о такой роскоши, как колдовство для собственного удовольствия я и думать забыл.

Я это все к тому говорю, чтобы вы поняли: я был совершенно счастлив. Заранее предвкушал предстоящие развлечения и испытывал искреннюю благодарность к неизвестному пока виновнику всех гажинских бед. Был готов каждую дюжину дней отправлять ему в Холоми корзину с гостинцами – потом, когда все останется позади.

Я вообще люблю свою работу, и тогда любил. Для меня всякая, даже самая пустяковая загадка – праздник, я радуюсь каждой неразрешимой проблеме, как новой игрушке – а как еще прикажете тренировать ум? – но тогда, в Гажине, это было нечто из ряда вон выходящее.

Все так удачно совпало. Во-первых, все-таки чужие сны. Во-вторых, прошло уже полдня, а я по-прежнему мало что понимал. Не так уж много в жизни по-настоящему интересных головоломок, следует их ценить. А в-третьих, после давешней возни с годовым отчетом, мне, пожалуй, даже путешествие по магическому лабиринту, построенному специально для

инициации студентов-первокурсников Королевской Высокой Школы, показалось бы восхитительной авантюрой. По контрасту.

Я расслабился настолько, что случайно совершил то, что всякий колдун назвал бы великим чудом, но я квалифицировал как совершенно непростительный промах: оказался на Темной Стороне города Гажина, сам того не заметив. Улица вдруг утратила привычные очертания, видимость границы между землей и небом исчезла, ветер приобрел цвет и упругость – да что я вам рассказываю! Если я все правильно понял про этот ваш Город, вы должны знать о Темной Стороне не меньше моего.

А я, думаю, все правильно понял.

Оказавшись на Темной Стороне Гажина, я перво-наперво сделал себе строжайший выговор. Оно конечно, путешествие на Темную Сторону – отличная штука. Но делать такие вещи нечаянно, неосознанно, с моим-то опытом – просто стыдно. Ну и небезопасно, конечно, но это как раз ладно бы.

Тут вот как все устроено: у каждого, кто успешно практикует Истинную Магию, рано или поздно наступает такой прекрасный и познавательный период жизни, когда границы между разными реальностями становятся зыбкими и проницаемыми, океан Хумгата шумит чуть ли не за каждой неплотно прикрытой дверью, а Щель между Мирами готова разверзнуться прямо у тебя за пазухой. И, кстати, нет никаких гарантий, что оттуда не появится волосатая лапища Неизвестности, которая как раз собралась накрошить себе салат из полудюжины любителей магических приключений, а ты – первый в ее бальном списке. Высокая, между прочим, честь, это надо понимать и не жаловаться.

Как на мой вкус, это действительно совершенно прекрасное время, этакая магическая юность, бурная и безответственная. Должен покаяться: я приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы задержаться на этой стадии как можно дольше. Как большинство людей, сразу родившихся умными, серьезными старичками, а потому оставшихся как бы вовсе без детства, в магии я выросл неохотно и настолько медленно, насколько это было возможно.

Конечно, Смутные Времена оказались хорошей школой. Поскольку речь тогда все время шла только о жизни и смерти, почти не сбиваясь на другие темы, я очень быстро научился себя контролировать. После первой же серьезной ошибки взялся за ум и вскоре добился своего: плотная ткань окружающей меня реальности становилась ветхой рваниной исключительно по моей воле, и никак иначе. Я ликовал и страшно собой гордился. Как же, известно, что собственную натуру куда труднее

усмирить, чем дюжину врагов уложить на месте, а я и тут на высоте, ну просто герой.

Все это было совершенно замечательно, но когда война за Кодекс, а вместе с нею и моя карьера наемного убийцы остались в прошлом, я обнаружил, что грош цена моему контролю над реальностью, если я прихожу в хорошее настроение.

Пока я спокоен и равнодушен ко всему, как положено настоящему солдату, все в полном порядке – ну это как раз естественно. Когда я устал, озабочен, или даже сердит, все по-прежнему под контролем, хотя для большинства моих коллег скверное настроение – самая опасная ловушка. Мне оно однако шло только на пользу, поэтому я нередко с превеликим удовольствием примерял эту дурацкую маску, к превеликой досаде окружающих. Однако стоило мне обрадоваться, или развеселиться – все, прощай драгоценная, чужой кровью и собственным потом добытая стариковская мудрость.

В итоге я еще несколько дюжин лет ухлопал, дрессируя себя, как циркового оборотня. Теперь вспоминать смешно, а когда-то это было самое трудное: не провалиться на радостях в Коридор между Мирами, не додохотаться до Темной Стороны. И ведь поводов для веселья всегда хватало, и до сих пор хватает – такая, знаете ли, нелегкая судьба.

Но не будем отвлекаться. Итак, я совершенно случайно оказался на Темной Стороне Гажина вместо того, чтобы просто дойти до конца Пестрой Линии и по величественному Мосту Королевы Вельдхут отправиться на Торговый Остров, как планировал с самого начала.

Отвесив себе условную оплеуху – для порядка – я мгновенно оценил полезную сторону своего промаха. Так бы я, пожалуй, не стал рисковать драгоценным временем, путешествуя на Темную Сторону Гажина без крайней нужды, а теперь, если уж все случилось само собой, есть смысл тут задержаться и оглядеться. Иногда на Темной Стороне можно найти причудливые следы и даже истинные причины реальных событий, что-то вроде цветных узелков и обрывков нитей, которые обнаруживаются на изнанке всякой вышивки. Человеку неопытному они ничего не расскажут о рисунке на лицевой стороне, зато матерый вышивальщик при случае может узнать немало интересного и о самом узоре, и о том, кто над ним поработал.

Поэтому я просто продолжил прогулку, даже трубку изо рта вынимать не стал, хотя на Темной Стороне мой табак обычно не горит и не дымится, а курение порождает лишь бессмысленные радужные пузыри, которые редко живут дольше нескольких секунд. Вот сэр Макс на Темной Стороне

преспокойно курил свои нелепые сигаретки и в ус не дул, так то ж сэр Макс, чудо природы. Не удивлюсь, если у него даже в Хумгате леденцы припрятаны, и запасные штаны на веревке сохнут.

Путешествие на Темную Сторону – одно из самых больших удовольствий, какие мне известны. Особенно в одиночку; Впрочем, в хорошей компании тоже ничего получается. Я шел себе и шел, наслаждался жизнью и пейзажем, но по сторонам поглядывал внимательно. Искал всякие странности и несуразности. Вообще-то мне никогда прежде не доводилось бывать на Темной Стороне Гажина, но это не имело особого значения. В этом смысле все города нашего континента похожи друг на друга как близнецы. Я не только знал это правило теоретически, но и на практике не раз сравнивал. Ну, разве что, в Ехо, Сердце Мира, краски поярче, ветер дует сильнее, и некоторые фрагменты реальности закрыты для посещения, взять хотя бы Темную Сторону Замка Рулх, или Королевской тюрьмы Холоми, а так почти никакой разницы.

Сперва Темная Сторона Гажина произвела на меня самое что ни на есть благоприятное впечатление. В том смысле, что так может выглядеть только Темная Сторона города, где все в полном порядке. То есть, с запретной магией особо не усердствуют, а об Истинной хоть изредка, да вспоминают. Между делом следует заметить, что фрагмент Темной Стороны, куда очень долго никто не заглядывал – печальное зрелище, да и на видимой глазу стороне такого города атмосфера та еще, хоть в леса оттуда жить уходи. По хорошему, надо бы хоть раз в сто лет отправлять пару-тройку веселых странников на Темную Сторону наших захолустных городов, для профилактики, чтобы в упадок не приходили... Кстати да, надо будет этим заняться, когда вернусь домой. Очень своевременная мысль.

Впрочем, я снова отвлекся. Важно вот что: в какой-то момент я наконец обратил взор к небу, да так и сел. Натурально сел, хорошо хоть Темная Сторона меня любит и бережет, так что я как на подушки приземлился.

Непросто объяснить причины моего изумления тому, кто не слишком силен в теории. Но попробую. Поначалу мне показалось, что я увидел защитную сеть. Всем ясно, о чем я? Вижу, что не всем. Ладно, попробую растолковать.

Существует один фокус, чрезвычайно сложный в исполнении, но приносящий умопомрачительные результаты. Если очень могущественный и искусный колдун захочет надолго оградить какой-нибудь город от бедствий и разрушений, он может сплести на Темной Стороне защитную сеть. Если доведет дело до конца – все, спокойствие и процветание

местным жителям гарантированы. Ни один злодей, как бы он ни был силен, не сможет не то что причинить им ущерб, а даже настроение толком никому не испортит. А умирать в этом городе будут очень редко, и не от неизлечимых болезней, не от старости даже, а просто потому что некоторые люди устают быть. Жизнь в таком месте станет если не счастливой, то безмятежной и гармоничной; на мой вкус, все это несколько пресновато, но в таких вопросах соглашаться со мной вовсе не обязательно.

Собственно, что я вам рассказываю: такой мощной защитной сети, как та, которой опутан ваш собственный город, я отродясь не видел, даже в Кумоне, столице Куманского Халифата, а ведь в древности там поработало несколько дюжин великих мастеров. Впрочем, об этом мы потом потолкуем, если у вас будет желание.

А сейчас я вот что хочу сказать: магов, потенциально способных сплести такую защитную сеть на Темной Стороне, по пальцам пересчитать можно. И все они были моими хорошими знакомыми, старшими товарищами, так сказать. Собственно, я и сам, пожалуй, сумел бы сплести такую вот защитную сеть на Темной Стороне Ехо, по крайней мере, у меня имелись очень неплохие шансы на успех. Другое дело, что у меня были – и до сих пор остаются – серьезные причины так не поступать.

Но это все как раз ладно бы. Меня сперва вот что потрясло: неужели кто-то из моих могущественных приятелей, которые не раз дружным хором объясняли мне, что не хотят и, более того, не имеют права вмешиваться в человеческую жизнь – так вот, неужели кто-то из них втайне от коллег взялся опекать вольный город Гажин, как зеницу ока? И если так, то кто? И с какой стати? И меня-то почему не предупредил, чтобы не дергался и не лез на его территорию? Другим со мной обычно очень легко договориться, и они это знают.

И наконец, как могло случиться, что я сам об этом не пронюхал? Это, собственно, удивило меня больше всего.

В общем, я был изрядно озадачен происходящим, уже который раз за день, между прочим. Удивительно хорошо начался год.

Но приглядевшись к тонкой паутине, исчертившей изумрудное-зеленое небо Темной Стороны, я понял, что это вовсе не защитная сеть. Все что угодно, только не она. Нити не перламутровые, а пепельно-серые, да и ритм, в котором они трепещут, совсем не тот, какой требуется для защиты и опеки. И самое главное: целительный ветер Темной Стороны застревал в этой липкой паутине, а это уже никуда не годится. Совсем дрянь дело.

Что это такое, я не знал. Никогда прежде не видел ничего подобного. Подозревал, что пакостьредкостная, но даже в этом не был уверен до конца.

Мало ли, что ветер там застревает – возможно, это временная проблема, с которой таинственный строитель пока не может справиться. Но очень хочет. А что ж, всякое бывает, могущество большинства людей весьма ограничено, ничего странного в этом нет.

Поразмыслив, я решил, что эту загадочную штуку в любом случае следует сперва уничтожить, а уже потом разбираться. Если создатель паутины вдруг объявится и сумеет меня убедить, что она прекрасна и чрезвычайно полезна, что ж, принесу ему извинения и помогу восстановить разрушенное. Сила у меня на Темной Стороне, мягко говоря, немаленькая, о таком помощнике даже самый могущественный колдун только мечтать может, быстро приведем все в порядок.

Но выпустив первый сноп своего фирменного Серебряного огня, я сразу понял, что продолжать не следует.

Дело не в том, что я не мог уничтожить паутину – о, еще как мог. Проще простого. Против моего Серебряного огня на Темной Стороне вообще мало что может выстоять. Но неизвестный мастер знал свое дело крепко, и его загадочная сеть существовала не сама по себе, а плотно переплеталась с тонкой, деликатной тканью здешней реальности. То есть, вместе с первой порцией паутины я спалил кусочек неба. Совсем небольшой, так что беды пока не натворил. Но оставить Темную Сторону без доброй половины неба – дело немыслимое. Лучше уж сразу превратить весь город Гажин в пыль и ехать домой – куда более разумный и милосердный поступок.

«Ладно, – сказал я себе, – раз так, будем действовать обычным путем. Оно и неплохо: развлекусь как следует».

К тому моменту я уже начал предполагать, что, весьма вероятно, влип в самую интересную историю со времен битвы с Лойсо Пондохвой^[4]. Теоретически, следовало бы сдвинуть брови и преисполниться серьезности, но я только что не плясал от радости. Вместо казенной скукотищи мне предстояла роскошная охота, и это было щедрым подарком судьбы.

С Темной Стороны я уходил кратчайшим путем. Есть один способ сэкономить время – не слишком надежный, потому что почти нет гарантий, что окажешься дома через полчаса после того, как исчез, а не, скажем, пять лет спустя. Но рискнуть стоило, благо у меня уже давно была на сей счет одна простая, но чрезвычайно практичная идея. Ну вот и пришло время ее проверить.

Вообще-то, по всем правилам, на Темную Сторону следует ходить длинным, специально проложенным маршрутом, да еще и непременно со

Стражем. Впрочем, новичок туда иначе и не проберется. Но опытный путешественник вполне может просто сосредоточиться, представить себе знакомый пейзаж Темной Стороны, или, вот как я давеча, просто забыть о реальности и – хлоп! – ты уже на месте. Фокус в том, что вернуться к повседневной жизни можно точно так же. Это я и называю «кратчайшим путем». Достаточно во всех подробностях представить себе место, куда хочешь вернуться, сосредоточиться на желании туда попасть, и ты дома. Есть только одна проблема: точку возвращения ты выбираешь сам, а момент времени – это уж как повезет. Я же говорю, некоторые несколько лет теряют на таких путешествиях.

Будучи очень занятым человеком, я не мог позволить себе роскошь вот так взять, да и запропасться на годы. И мне казалось, что я изящно решил эту задачу – но только в теории, на практике пока не успел попробовать. Решение было очень простое, абсолютно в моем вкусе: выбирая место, куда хочешь вернуться, следует позаботиться, чтобы там были какие-то указания на время. Сперва мне пришли в голову часы, но я быстро сообразил, что, скажем, полночь наступит не только сегодня, но и два дня, и два года спустя. Поэтому нужна более надежная зацепка. Например, доверенный человек, который будет по вашей просьбе дежурить в заранее выбранном помещении на протяжении получаса. У меня, конечно, были по этому поводу некоторые сомнения, но попробовать стоило, причем уже давно.

А тут все как раз так удачно совпало: сэр Абилат остался в Сизом Доме. Я был почти уверен, что он больше не будет пытаться от меня сбежать, а куча заданий, которые я на него взвалил, не даст ему надолго отлучиться. Никаких гарантий, конечно, но шансы у меня, мягко говоря, неплохие.

Поэтому я неспешно пошел по тусклым темно-рубиновым булыжникам Темной Стороны Гажина, рисуя перед своим внутренним взором картинку следующего содержания: белобрысый заместитель покойного начальника Тайного Сыска снует по его кабинету; за окном еще светло, более того, видно, что полдень не так давно миновал (и это значит, что я не только не опоздаю на обед к бургомистрам, но и пару старых приятелей по дороге навещу, как и собирался с самого начала).

Надо отдать должное выдержке моего юного друга. Когда я шагнул навстречу ему прямо из огромного пустого шкафа, полки которого Абилат как раз собрался избавить от пыли, он только приветливо улыбнулся.

– Хорошо, что вы вернулись, сэр. Без вас мне как-то... ну, не по себе, честно говоря. Хоть и глотнул этого вашего бальзама, а все равно присесть

страшно: вдруг засну?

– Погоди-ка, а сколько ты уже не спал? – спрашиваю.

– Не очень долго, еще и двух суток нет. Так-то я обычно дольше выдерживаю. Такие сны снятся прекрасные и удивительные, знаете, что я от них очень устаю. Не люблю яркие впечатления.

Мне очень понравился его ироничный тон. Люди, способные глумиться над собственными неприятностями – и ведь кажется довольно серьезными неприятностями! – дорогого стоят. Верный признак.

– Ну, если все так запущено, сделай еще глоток бальзама, – великодушно разрешил я. – И пожалуйста продержись до моего возвращения, даже если это случится за полночь.

– Так вы уже вернулись, – удивился он. – Или вы мне сейчас просто мерещитесь?

– Можешь считать, что мерещусь, потому как я уже опять ухожу. Если дождешься меня, не прогадаешь: буду охранять твой сон. Это куда надежнее, чем спать в Холоми, вот увидишь.

– Ой! – сказал Абилат. – Правда, что ли? Здорово как!

Я, мягко говоря, нечасто испытываю желание купить кому-нибудь пирожное, да еще и сказку рассказать, чтобы не так страшно жить было. Но это был тот самый случай.

Тем не менее, я снова оставил Абилата одного. С Темной Стороны я, конечно, очень удачно и вовремя вернулся, просто молодец. Но это вовсе не повод плюнуть на дела, а, напротив, прекрасная возможность их быстренько переделать.

В первую очередь я отправился в трактир «Белый Клок», что на Торговом Острове. Собственно, я с самого начала туда и шел. Хозяин трактира мой старинный друг и даже наполовину земляк. Покойная матушка Зогги Хлакка по прозвищу Белый Клок была из Кеттари, зато отец у него – арварохский вояка, которого не пойми каким лихим ветром занесло когда-то в наши края. Смесь, надо сказать, вышла отменная. Зогги был высоченный, на полголовы выше меня, плечистый мужик, с глазами круглыми, как у бузивуха, но не желтыми, как у всех уроженцев Арвароха, а светло-серыми, как у большинства моих земляков, шимарских горцев. Шевелюра ему тоже досталась материнская, цвета темной меди, но арварохский папаша и тут отметился, выбелил одну прядь, которую Зогги не стриг с тех пор, как себя помнил. Так что «белый клок» давно уже стал длиннющей, почти до колен, косой.

Колдуном Зогги всегда был никаким: сказывалась отцовская кровь. Известно же, что арварохские храбрецы даже Безмолвной речи с трудом

обучаются, да и то, если будет на то строжайший указ Завоевателя Арвароха, в беспрекословном подчинении которому они, как правило, обретают нехитрое свое счастье. О прочем уж и не говорю.

Зогги был не столь безнадежно туп, как его предки по отцовской линии, кое-что он все-таки мог, но ни в один захудалый Орден его бы даже дворовым метельщиком не взяли, это всем было понятно. Впрочем, неумение колдовать с лихвой уравнивалось острым умом, рассудительной отвагой и самым благородным из сердец, которые я когда-либо знал.

Познакомились мы почти случайно, почти сразу после моего приезда в столицу, и поначалу сдружились только потому, что кеттарийское землячество – это нечто из ряда вон выходящее. Уехав из опостылевшего дома, мы, кеттарийцы, тут же начинаем страстно коллекционировать друг друга по всему Миру и искренне радуемся каждой новой находке.

Я в ту пору еще был скорее профессиональным картежником, чем наемником, а Зогги – довольно удачливым карманником, на это его колдовских способностей как раз хватало. А на досуге он возился с соседскими детьми, такое у него было хобби. Все жители окрестных кварталов знали, что спокойно могут оставить своих детей у Зогги и отправляться – хоть на праздник, хоть в Квартал Свиданий, да хоть к родне в Ландаланд до конца года. Дети будут умыты, накормлены и веселы, узнают великое множество интересных сказок и новых игр. С зажиточных соседей Зогги брал деньги за услуги, но добрая половина детишек гостила у него совершенно бесплатно. Думаю, в итоге ему едва хватало на покупку еды и игрушек, еще небось из своих воровских заработков докладывал кое-что. И ведь не то чтобы он сознательно стремился делать какие-то «добрые дела», просто Зогги нравилось иметь дело с детьми больше, чем со взрослыми. Ну и они отвечали ему тем же.

В ту пору я еще не был опасным гостем и поэтому частенько заглядывал к нему по вечерам. Так мы и подружились по-настоящему. Очень уж мне это все нравилось, я бы, наверное, и сам с детьми иногда возился, если бы жизнь иначе сложилась. Впрочем, мои юные сотрудники не так уж отличаются от питомцев Зогги – да вы сами на них поглядите...

В начале Смутных Времен, когда появились первые, так называемые «случайные» жертвы среди мирных горожан, не причастных к борьбе Короля с магическими Орденами, трое детишек из квартала, где жил Зогги, осиротели, и он поселил их у себя. Дюжину лет спустя его дом превратился в самый настоящий сиротский приют, где жили чуть ли не полсотни мальчишек и девчонок – с той только разницей, что они были куда более

счастливыми детьми, чем большинство их ровесников. Быть ребенком в Смутные Времена само по себе не слишком удачная идея, а уж сиротам приходилось и вовсе несладко: взрослым, по большей части, было не до них.

Зогги вряд ли смог бы прокормить эту ораву, все же тогда и для карманников настали совсем паршивые дни, но тут уж я помог земляку. Зарабатывал я в ту пору уже так много, что проще потерять, чем пересчитать. А тратить деньги времени, да и особого желания не было, так что для меня это был не ахти какой великодушный жест. Но Зогги его оценил. Я бы даже сказал, переоценил.

Потом, уже в начале Эпохи Кодекса, вышел знаменитый Королевский указ о бесплатном обучении и полном пансионе в Королевской Высокой Школе для всех осиротевших во время гражданской войны, вне зависимости от того, на чьей стороне были их погибшие родители. Так что все детишки из приюта Зогги отправились учиться. А он сам вдруг решил начать новую жизнь – если уж старая так внезапно и, в общем, счастливо закончилась.

Я предлагал ему несколько дюжин теплых местечек на выбор, благо у меня была возможность хорошо пристроить бесконечное число приятелей, и почти ни одного близкого человека, который бы в этом нуждался, но Зогги твердо заявил, что желает пожить у моря, и уехал в Гажин. Подозреваю, он не хотел отвлекать своих бывших питомцев от учебы, ну и заодно репутацию им портить не собирался, если я все правильно понимаю. Я с трудом всучил ему деньги на покупку трактира; мне, честно говоря, даже поворожить немного пришлось, чтобы заставить Зогги принять подарок. Глупо вышло бы, если бы мой друг перебивался с хлеба на воду в незнакомом городе, да еще и в Нунду угодил бы в финале какой-нибудь неудачной авантюры с чужим драгоценным браслетом.

Надо сказать, я сделал неплохой подарок, причем не столько самому Зогги, сколько вольному городу Гажину. Трактир «Белый Клок» стал лучшей забегаловкой Торгового Острова. Зогги здорово наловчился готовить, пока кормил целую ораву капризных детишек. А поскольку с магией у него всегда обстояло не лучшим образом, Кодекс Хрембера не слишком повредил его кулинарному мастерству, так уж все удачно совпало.

Ну и потом, Зогги всегда был довольно эксцентричен, а с годами это только усугубилось. К примеру, он часто и с удовольствием шарил по карманам своих постоянных клиентов. Когда дело завершалось успешно, записывал украденную сумму в специальную тетрадь и потом долгое время кормил пострадавшего бесплатно, на все позаимствованные деньги, да еще

и прибавлял что-нибудь сверху, от всего сердца. Посетителям такое положение дел очень даже нравилось – все равно, что заплатить вперед, а потом пользоваться скидкой, поэтому они всегда брали с собой в трактир старые кошель, набитые мелкой монетой, и даже обижались, если Зогги не спешил избавить их от этой ноши.

Ну и самое главное: разумеется, в трактире была большая детская комната, а на заднем дворе – сад с качелями. Это сейчас в добрую половину столичных трактиров можно ходить с детишками, а по тем временам такая идея казалась совершенно революционной. Но в Гажине она пользовалась большим успехом; собственно, я совершенно уверен, что столичные трактирщики переняли у Зогги этот трюк, наслушавшись восторженных рассказов приезжих из Гажина.

Вот с каким человеком я собирался поговорить по душам. Я ни на секунду не сомневался, что бы не творилось в городе, но Зогги не околдован, не очарован и не заморожен. Его и в Смутные Времена все опасности такого рода стороной обходили – все же арварохская кровь, а эти ребята чужим чарам почти неподвластны, даром, что сами ничего не умеют.

И я очень надеялся, что мой старый друг сможет хотя бы в общих чертах рассказать мне, что творится в городе.

Народу в «Белом Клоке» почти не было. За барной стойкой скучала умопомрачительная красавица средних лет. Ну да, женщины всегда сходили с ума по Зогги, его арварохская красота настолько их обезоруживала, что они были готовы на все: идти за ним на край света, нянчиться с его бесконечными детишками, или вот, к примеру, за барной стойкой торчать дни напролет. На моей памяти Зогги всегда искренне удивлялся такому доброму к себе отношению и совершенно не умел пользоваться своим природным преимуществом. Ну вот, с годами, кажется, научился.

Сам Зогги, надо полагать, обретался на кухне, поэтому я отправился прямо туда, без лишних расспросов. Красавица открыла было рот, чтобы осведомиться, куда это я попер без приглашения, но пригляделась повнимательней и махнула рукой. Поняла, что останавливать меня – только время зря терять, все равно ведь зайду, куда вздумается. Вот и умница.

Зогги действительно был на кухне. Компанию ему составляли двое совсем мелких детишек, мальчик и девочка. Кажется близнецы. Меня старый друг приветствовал так, словно мы расстались вчера вечером, прервав на середине душевный разговор.

– О, Джуффин! Как всегда вовремя. Я тут такой пирог с пумбой от скуки зажарил, пальчики оближешь. Только одна беда: его горячим надо

жрать, а клиентов нет. Первый день года как-никак, небось дрыхнуть до полуночи будут... И вдруг ты. Молодец, что тут скажешь!

Я принял из его рук кусок горячего пирога, откусил, распробовал – не шедевр старой кухни, конечно, но по нынешним временам ничего, сойдет.

– Это вот Ильса и Лотка, – Зогги указал на близнецов. – Мама их, говорят, давным-давно сбежала с каким-то укумбийским пиратом, а отец связался с безумным шкипером и теперь отдыхает на дне моря Укли. В Корабельную Высокую школу их отдавать рано, а с дядей мы жить не хотим и, скажу тебе по секрету, Джуффин, правильно делаем. Тот еще у нас дядя... Так что поселились у меня. Вроде пока не скучаем, да?

Детишки дружно закивали. На Зогги они смотрели с обожанием, что, впрочем, совершенно не мешало им потихоньку привязывать полу его лоохи к ножке кухонного стола.

– Ты поговорить хочешь, или так, поболтать? – деловито спросил мой друг.

– Скорее поговорить.

– Так я и подумал. Лотка, Ильса, отвяжите мою одежду от стола и отправляйтесь в сад. Качели я с утра починил, заодно и проверите, хорошо ли вышло. Вечером еще раз попробуйте меня привязать: пока никуда не годится. Я сразу все заметил, вы еще и начать толком не успели. Можете пока потренироваться на леди Нарине, но только глядите, чтобы она не обиделась, а то опять будет реветь, как маленькая, придется ей ваши конфеты отдавать, чтобы перестала.

Я от души посочувствовал красотке у барной стойки. Связаться с Зогги – сомнительное счастье, если ты уже не ребенок.

– Что стряслось? – осведомился Белый Клок, вытирая руки огромной салфеткой и снимая с жаровни кувшин камры. – Нет, погоди, сперва скажи: ты пряное укумбийское бомборокки пить будешь? Потому что если будешь, я за ним в подвал сметаюсь, а если не будешь, тогда можно не суетиться.

– Спасибо, но бомборокки в меня нынче вечером губернаторы заливать будут, бочками. И не только бомборокки. Так что не бегай никуда.

– Ладно, тогда пей камру. Ты от моей камры раньше вечно нос воротил, но теперь у меня послаще выходит. Попробуй. И рассказывай.

Что касается камры, мой друг явно себе льстил, но ради хорошего человека еще и не такое можно вытерпеть.

– Я скорее расспрашивать тебя буду, чем рассказывать, – начал я. – Я в Гажине со вчерашней ночи и...

– Я чувствовал, что у нас в городе что-то не так, но неужели настолько, что ты помчался сюда в последнюю ночь года? – перебил меня Зогги. – Ну

ничего себе дела!

– Именно. Собственно, меня интересует это твое «что-то не так». Расшифруй.

– Да ну, чего тут шифровать... Так-то вроде все хорошо, спокойно, но шишки наши городские ходят мрачнее тучи. Смотреть на них тошно. И чем больше шишка, тем хуже ее дела. Да ты сам сегодня на бургомистров поглядишь: хороши! Зеби Хипелосис сильно сдал. Был такой бодрый дядя, а теперь почти старик. Валда Кунук похудел вдвое, представляешь? Ну увидишь, чего я расписываю... Приятель твой Голех, величайший Тайный сыщик этого грешного побережья, тоже хорош...

– Мой покойный приятель, – сухо сказал я.

– Ага, уже, значит. Ну, я не удивляюсь: к тому шло. Он сильно сдал. С начала зимы слонялся по городу как неприкаянный, дела забросил, говорить ни о чем не хотел, а ведь какой был шустрый и общительный, бедняга!.. Грустно это. И вообще тут стало грустно, Джуффин. И дети плохо спят, – неожиданно закончил он.

– Как это «плохо»? – насторожился я. – Кошмары им снятся?

– Да вроде нет. Не кричат, не плачут, не жалуются, одни в спальне оставаться не боятся. Но... Ну что я, не знаю, как спят нормальные, здоровые дети? У меня на глазах их вон сколько выросло, ты же помнишь. И эти отлично спали, хоть и плакали сперва из-за отца, а еще больше от страха, что их дядя заберет. Ну, поплакали и перестали. А в последнее время что-то не так. Днем-то они нормально себя ведут, дети как дети, веселые, дружные и жрут как индюшата, но спят как-то... Ну, как маленькие взрослые. Лежат в кроватках строгие такие, печальные и даже дышат как-то размеренно, солидно. Ну не знаю я, как объяснить!

– Ты очень хорошо объяснил, Зогги. А сам как спишь?

– Я? Да что мне сделается... Ты же знаешь, я в отца пошел, мне только буривухи снятся изредка, а так-то вообще ничего. Зато отдыхаю хорошо.

– Ага, – кивнул я. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло с наследственностью!

– А что, всем в Гажине, кроме меня, снятся кошмары? – изумился Зогги.

– Всем, не всем, но кое-кому – пожалуй.

Белый Клок неопределенно хмыкнул и тут же нахмурился:

– Детей надо бы отправить отсюда, раз так. Но куда? Не к тебе же?..

– Ну почему, ко мне как раз вполне можно, в крайнем случае. У меня теперь дворецкий хороший, есть кому присмотреть... Но думаю, не нужно их никуда отправлять. Я с этими кошмарами быстро разберусь. Завтра –

послезавтра. В любом случае, больше времени у меня нет, а оставить все как есть я не готов.

– Тогда ладно, – тут же успокоился Зогги.

Он меня не первый день знал, а потому решил, что на меня можно положиться даже в таком непростом деле, как борьба с ночными кошмарами.

– А, да, – вдруг вспомнил он. – Тебя же наверное все новости интересуют, не только мое самочувствие? Так вот, сюрприз, сюрприз! Знаешь, кого я видел этой осенью в Гажине?

Я вопросительно поднял бровь.

– Лаздея Махикалу! – торжествующе объявил мой друг.

Я чуть камрой не подавился.

– Лаздея Махикалу? Которому не то что к Соединенному Королевству, а к любому берегу Хонхоны ближе, чем на пушечный выстрел приближаться запрещено? Я-то надеялся, его уже благополучно продали в рабство где-нибудь на задворках Куманского Халифата... Но ты-то хорош, Зогги! Почему тут же не прислал мне зов и не рассказал эту новость?

– А я прислал тебе зов в тот же день, когда сам увидел его в порту, – он пожал плечами. – А ты сразу сказал, что сидишь в засаде, поэтому если у меня не очень срочное дело, лучше поговорить о нем завтра. И я оставил тебя в покое. Засада – занятие серьезное, я же понимаю... А потом закрутился, забыл. Ну и ты не переспрашивал.

Когда я говорю приславшему зов, будто сижу в засаде, в одиннадцати случаях из дюжины это означает, что я играю в карты. Не так уж часто я позволяю себе это удовольствие и, конечно, не слишком люблю отвлекаться на всякие пустяки. Засада-то, честно говоря, Безмолвному диалогу как раз не помеха, но это мало кто понимает. А я пользуюсь общей неосведомленностью в свое удовольствие.

– Эх! А дело-то у тебя было вполне срочное, – вздохнул я, прикидывая, сумею ли укусить собственный локоть – а что еще теперь делать?

– Да ну, Джуффин. Какое же оно срочное? – искренне удивился Зогги. – Все же не Лойсо Пондохву видел, а всего лишь старину Лаздея. Я его, помнишь, от своего дома мигом отвадил? Так то я, мне же в ваши дела вообще соваться заказано было.

– Ох, Зогги, – вздохнул я. – Просто Лаздей прекрасно понимал, что с тобой лучше не связываться, потому что ты мой друг... Ладно, не будем спорить. Хорошо ты хоть сейчас это вспомнил. Покончу с делами и попробую поискать Лаздея, вдруг он еще тут. Холоми по нему плачет горячими слезами, я это с самого начала говорил, когда великий мудрец

Нуфлин вдруг сделался великим же гуманистом и решил, что свободных камер в Холоми мало, поэтому пусть отправляется в изгнание.

Это был, как понимаете, довольно старый спор. И если бы только мой с Зогги! Лаздей Махикала был такой специальный хитроумный злодей, которого почти никто не принимал всерьез – кроме меня. Потому что я знал его гораздо лучше, чем кто бы то ни было. Так уж вышло.

– Еще что-нибудь расскажешь мне, Зогги? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Вроде нечего рассказывать. Все-таки ко мне сюда по большей части простые люди ходят. А у них, в отличие от больших шишек, все более-менее в порядке. Кажется. Хотя...

– Ладно. А старая Манта жива, здорова? Давно ее видел?

– Давно. Нет у меня времени в гости ходить, ты же знаешь. А она меня навещать перестала.

– С начала зимы, небось?

– Кстати, кажется да. В День Середины Осени она ко мне точно заходила, и потом еще раз. И все.

– Ясно. Попробую сам ее разыскать, если так.

– Ладно. Заглядывай еще.

– Ага, – кивнул я и направился к выходу.

– Джуффин! – окликнул меня Зогги.

– Что?

– Не «ага», а заглядывай. Я знаю, что у тебя мало времени. Но ты же не я, ты же Темным Путем ходишь. Выходит, тебе все равно, в каком трактире ужинать: возле дома на углу, или тут у меня. Верно? – и он дважды стукнул себя по носу указательным пальцем.

Это наши фирменные кеттарийские штучки, специально придуманные, чтобы чужаки не поняли про нас главное: мы твердо знаем, что два хороших человека всегда могут договориться, а если не получается, то и грош им цена.

Я тоже прикоснулся пальцем к носу, кивнул, улыбнулся и вышел. Хотя будь моя воля, я бы еще часок с ним посидел, несмотря даже на дрянную камру, которую все же время от времени приходится прихлебывать. Потому что самолюбие Зогги – это святое. Надо его щадить.

Но закат неумолимо приближался, а я еще хотел повидаться с леди Мантой Кревис, самой грозной ведьмой на этом удаленном от Сердца Мира побережье Соединенного Королевства. Хотя с виду, конечно, не скажешь: сколько ее помню, Манта всегда выглядела как старая развалина, годная лишь на то, чтобы разослать приглашения на собственные похороны. Ей

так удобнее.

Дом моей старой приятельницы, как и трактир Зогги, располагался на Торговом Острове, но не возле Моста Королевы Вельдхут, а на дальней окраине. Остров, надо сказать, довольно велик, ненамного меньше, чем континентальная часть города, так что мне пришлось здорово прибавить шагу.

По дороге я все думал про Лаздея Махикалу. Я-то, честно говоря, надеялся, что у него хватит ума держаться подальше от Соединенного Королевства. Изгнание – не сахар для тех, кто привык к Очевидной магии, которая почти не работает вдали от Сердца Мира. Но тому, кто всерьез занимается Истинной магией, должно быть абсолютно все равно, где жить. А Лаздей специализировался именно в этой области. Как ни странно.

С ним вообще все было непросто.

Среди моих могущественных коллег бытует мнение, что человек, посвятивший себя Истинной магии, не может долго оставаться злым, даже если уродился сущим демоном. Впрочем, добряками от таких штудий тоже не становятся. Глубокое погружение в Истинную магию скорее просто выводит человека за рамки системы координат «добрый – злой» и за рамки многих других систем координат заодно. При большой необходимости наш брат может быть убийцей, или великим благодетелем, или сочетать эти занятия в любой последовательности, но при этом не станет ни терзаться муками совести, ни наслаждаться чужими страданиями, ни гордиться собой. Все остальные обычные и даже, вроде бы, обязательные в таких случаях эмоции тоже довольно быстро сходят на нет. Действия и события оцениваются не по шкале «хорошо – плохо», а по каким-то другим шкалам. Скажем, «полезно – бессмысленно», или «интересно – скучно». Потом, говорят, и это проходит, но на своей шкуре я такого пока не испытал. В общем, фокус в том, что Истинная магия быстро превращает практикующего в какое-то иное существо, которое не «лучше» и не «хуже» человека. Оно просто другое.

Так вот, Лаздей Махикала был совершенно ослепительным исключением из этого правила. Истинной магией он занимался на моей памяти чуть ли не сотню лет, причем имел в этой области совершенно незаурядные способности, а его злобный нрав с годами только крепчал. Честное слово, просто до смешного иногда доходило.

Я знаю, потому что когда-то Лаздей был моим учеником.

В ту пору, когда гражданская война еще не началась, но уже была неизбежна, и меня в глаза называли Чиффой, а за глаза – Кеттарийским Охотником, или просто Кеттарийцем (думаю, не для краткости, а потому

что очень уж удобно произносить это прозвище с ненавистью, как бы сплевывая его под ноги), главной моей проблемой были не назначенные мне могущественные жертвы и даже не вельможные заказчики, а толпы юношей с горящими глазами, которые просились ко мне в ученики. Таково бремя всякой сомнительной славы.

Виски некоторых «юношей» блистали сединой, другие «юноши» щеголяли роскошной грудью и крутыми бедрами, но сути проблемы это не меняло: глаза их непременно были горящими, а голоса от волнения срывались на фальцет; все они мечтали о подвигах, приключениях, победах, больших заработках, грандиозных вечеринках и путешествиях между Мирами в придачу, чтобы мало не показалось. В какой-то момент все эти желающие приобщиться к чудесам из моего кармана так меня достали, что я, памятуя о священном принципе наемников: «бесплатно не убиваю», купил на Сумеречном Рынке огромную мухобойку из Умпона, отлично приспособленную под великанский рост тамошних жителей, и отгонял ретивых неофитов исключительно этим символическим предметом. Но их число лишь возрастало.

Лаздей был одним из таких соискателей, но когда я привычно замахнулся на него мухобойкой, парень тут же исчез. Ушел Темным Путем. Я был сражен наповал: мастеров, которые умеют прокладывать Темный Путь откуда угодно, по своему желанию, а не просто чужими маршрутами ходить, по пальцам пересчитать можно. А этот какой прыткий!

Так что ночью, когда вышеупомянутый прыткий юноша (на самом деле, невысокий импозантный мужчина средних лет) возник передо мной снова, я не потянулся к мухобойке, а согласился с ним побеседовать. Чего скрывать, парень меня заинтересовал.

Лаздей Махикала оказался бывшим Младшим Магистром Ордена Колючих Ягод. Его выперли из Ордена после того, как этот красавец всласть поизмывался над юными послушниками. Собрал их однажды ночью, когда Орденское начальство было занято какими-то неотложными делами, сказал, что будет проводить особый, тайный урок колдовского искусства хождения сквозь стены. Уводил детишек по одному в самый дальний подвал, был с ними терпелив и ласков, но нужное заклинание произносил не полностью, так что несчастные юные колдуны застревали в стене. Выручать их Лаздей не спешил.

Мне он объяснил, что собирался выпустить через несколько дней всех одновременно, на радость Великому Магистру Ордена, обеспокоенному судьбой пропавших послушников. Впрочем, так далеко не зашло, его коллеги сами нашли всех детишек на следующее же утро и привели в

чувство. Все-таки не перепуганные обыватели, а могущественные колдуны. О чем он вообще думал, когда планировал иной исход? Впрочем, мыслитель из Лаздея был тот еще.

Причем вот что важно понимать: Лаздей вовсе не искал выгоды. Не собирался шантажировать соратников по Ордену, обменивать заколдованных послушников на какие-нибудь блага, или привилегии. Он просто наслаждался ситуацией: абсолютным доверием детей, их робостью, неумелой ворожбой, диким, неопишущим ужасом, который охватывал их в последний момент, когда древняя каменная стена смыкалась за спиной, и тут вдруг обнаруживалось, что впереди нет обещанного наставником прохода.

Он с удовольствием вспоминал свою идиотскую выходку и говорил мне, что ему было интересно: все ли дети сойдут с ума после этого приключения, или их рассудок крепче, чем кажется? Смогут ли они когда-нибудь в будущем заниматься магией, или им придется покинуть Орден, потому что страх навсегда сковал волю?

Я и сам любопытен, как горная лиса, но тут недоумевал: неужели можно искренне интересоваться такой ерундой? Да еще и за чужой счет.

А вот, оказывается, можно.

Я, честно говоря, не понимаю, как Лаздея вообще в живых оставили после того, как разоблачили. Все же у многих членов Ордена среди околдованных послушников имелись младшие братья, племянники и даже сыновья. Но нравы в Ордене Колючих Ягод были очень мягкие – не только по тем временам, а даже по нынешним. Поэтому Лаздея просто выгнали вон, а он, не особо огорчаясь, решил начать сольную карьеру. Немного потерся среди наемников, сразу понял, что в этой среде он, мягко говоря, не круче всех, быстренько выяснил, кто считается «круче», и пошел проситься ко мне в ученики.

Я его взял, поскольку ребятами с ярко выраженными способностями к Истинной магии не разбрасываются. А Лаздей в этой области был практически гением. Его злобный нрав и искреннее желание умучить как можно больше народу поначалу меня не смущали, я свято верил, что Истинная магия изменяет людей. Ярчайший пример каждое утро взирал на меня из зеркала: я давным-давно перестал быть тем, что считал «собой», а потому мог становиться кем угодно, по необходимости. Я не предполагал, что может быть иначе. Но этот тип оказался крепким орешком.

Я возился с ним пару дюжин лет, не обращая внимания ни на дикие выходки, ни даже на регулярные попытки покуситься на мою собственную шкуру. Довольно жалкие, но остроумные попытки, надо отдать ему

должное.

А потом парень пропал. Нет его, и все тут. Я регулярно слал ему зов, он не отвечал, прикинувшись покойником. Впрочем, это меня не особо тревожило: Лаздей быстро научился ограждать себя от Безмолвной речи, даже от меня как-то ухитрялся спрятаться. Я же говорю, гений. Кроме того, я допускал, что он вполне мог застрять на Темной Стороне, это для новичков обычное дело. Вернется небось, рано или поздно.

Я бы, пожалуй, все равно его разыскал, но все так неудачно сложилось, что именно в тот момент меня коснулся Бич Магов. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что я временно утратил могущество и был вынужден несколько лет скрываться в Ирраши от своих врагов, заказчиков и коллег – словом, от всех сразу. Кстати, именно тогда я осуществил свою заветную мечту: открыл трактир, маленький, но по тамошним меркам, очень неплохой. С тех пор живу, как сухой лист на ветру, без долгосрочных планов и возвышенных целей: о чем мечтать, когда все самое прекрасное осталось в прошлом?

Да не смотрите вы на меня так. Шучу я, шучу. Хотя...

Когда мои дела поправились, и я вернулся в Ехо, Лаздей уже был на месте. К тому времени он стал довольно заметной фигурой среди тамошних наемных убийц. Заметной в том смысле, что парень считался самым ненадежным представителем этого цеха: все знали, что из трех заказов он выполняет в лучшем случае один. Впрочем, я-то понимал, что дело не в недостатке мастерства. Просто Лаздею до такой степени нравилось глумиться над заказчиками, что это удовольствие перевешивало даже его врожденную любовь к убийствам.

Если бы он только захотел, его репутация была бы почти безупречной, а гонорары в несколько раз больше. Моя наука пошла парню на пользу, но нрав его, мягко говоря, не смягчился. От встреч со мной он уклонялся, как мог; я, впрочем, не слишком настаивал.

Зато от общих знакомых я наконец узнал причину его давешнего исчезновения. Оказывается Лаздей случайно угодил в тюрьму, да не в Холоми, не в Нунду даже, а в самую обычную тюрьму на острове Муримах, которая хороша только для местных карманников. То есть, он, как и всякий человек, изучивший искусство Темного Пути, мог бы удрать оттуда в любую секунду. Я уже не говорю о нескольких дюжинах способов разрушить тюремные стены, которые тоже были в его распоряжении. Но Лаздей предпочел остаться ради удовольствия мучить и запугивать своих товарищей по заключению. Не знаю в точности, что именно он вытворял с беднягами, но действовал умело и продуманно, растягивал удовольствие.

То есть, результаты его развлечений проявились не сразу, а немного погодя. К концу третьего года его отсидки несколько узников наложили на себя руки, добрая половина загремела в Приют Безумных, а уцелевшие балансировали на тонкой грани между первым и вторым вариантами. Наконец тюремный комендант почуял неладное и распорядился отправить опасного узника в столицу; нечего и говорить, что Лаздей уколошил своих конвоиров прямо у тюремных ворот и исчез, послав ошарашенному коменданту воздушный поцелуй на прощание. Что-что, а чувство стиля у него всегда было.

Словом, парень вел себя как настоящий безумец, с той только разницей, что безумием от него не пахло. Это было самое удивительное. Мои могущественные старшие товарищи, и те не могли толком объяснить, почему Истинная магия не пошла Лаздею на пользу. Пожимали плечами, дескать, вот оно как бывает! В конце концов, мы единодушно решили, что вполне можем прожить на свете и без ответа на этот вопрос. Плюнули и забыли.

Впрочем, я-то продолжал опекать своего бывшего ученика на расстоянии – так, чтобы ему и в голову не пришло, что его спина прикрыта. Жизнь каждого посвященного в тайны Истинной магии казалась (впрочем, до сих пор кажется) мне величайшей драгоценностью. Поэтому я следил, чтобы парень не лишился своей дурацкой башки раньше времени, подстраховывал его понемножку. Думал: лучше я сам его убью, когда окончательно пойму, что он неисправим.

Но я его так и не убил. Уже в самом конце войны за Кодекс сгрел это чудо природы в охапку и приволок в Холоми, чтобы охолонул. Лаздей сразу понял, что может противопоставить мне – ну, разве что свое умение скрываться от Безмолвной речи. Во всех прочих видах нашего кровавого спорта мы по-прежнему выступали в разных категориях. Поэтому он вел себя смирно, даже пытался разжалобить меня сентиментальными воспоминаниями о старых временах и бурными сожалениями, что слишком рано решил покончить с ученичеством. Все это выглядело как дешевый фарс: уж что-что, а лирические сцены Лаздею никогда не удавались.

Кажется именно тогда я окончательно понял, что возиться с ним – пустая трата времени. Мне довелось иметь дело со многими колдунами той эпохи. Почти все они достойно сражались со мной даже в самой безнадежной ситуации, освежая драку оскорблениями и угрозами – вполне нормальное поведение, когда тебя хотят убить. Некоторые предпочитали сдаться, предварительно выторговав для себя приемлемые условия капитуляции. Но они всегда делали это, сохраняя достоинство, не

опускаясь до мелочной лжи, вроде комплиментов и прочих изъятий никому не нужной личной симпатии. А Лаздей повел себя как-то совсем уж по-идиотски. Кажется, он искренне полагал, что меня интересует его мнение о моей драгоценной персоне, вот и старался как мог, льстил и подлизывался, доставлял удовольствие сильному противнику, чтобы тот позволил ему выжить. Нечего сказать, выбрал себе ученика, молодец, Чиффа, великий знаток человеческих душ!

Впрочем, всерьез ненавидеть Лаздея было бы и вовсе бессмысленно. Единственное, что я мог сделать в этой ситуации – как можно скорее избавиться от своей обузы. Я сдал Лаздея Махикалу на руки стражам Холоми, подписал бумагу, где сообщал, что настоятельно рекомендую для своего пленника пожизненное заключение, и занялся другими делами, которых было невпроворот.

Несколько лет спустя, когда война за Кодекс наконец благополучно закончилась, я узнал, что пожизненное заключение Лаздею Махикале заменили пожизненной же ссылкой. Эта новость меня раздосадовала, но и только. Ну да, ясно, что рано или поздно он вернется, и мне (кому же еще?) придется его ловить, но не прямо же сегодня? И Магистры с ним, раз так.

Ну вот, этот светлый день настал.

Вот почему сюрприз Зогги меня не шибко вдохновил. Во-первых, Лаздей объявился очень уж некстати. Я бы предпочел, чтобы он погостил с возвращением еще пару лет, дал мне разобраться с более неотложными делами (в ту пору я наивно полагал, что поток этих самых неотложных дел и правда когда-нибудь иссякнет). А во-вторых, обидно, что я узнал о его возвращении с таким опозданием. Ищи его теперь. Небось опять в какую-нибудь тюрьму пробрался, или даже в Приют Безумных. Вот уж где есть кого помучить...

Меж тем я пришел. Двухэтажный особняк на Крайней улице еще издали показался мне запущенным и даже обветшавшим, но сперва я не придавал этому особого значения. Я знал Манту не первый год и был в курсе, что время от времени у нее случаются периоды беспросветной, безобразной лени. В такие дни она с постели почти не встает и только что под себя не ходит. С ней бывает.

Но распахнув дверь, я сразу понял, что дело неладно: дом был пуст. Мне даже комнаты осматривать не потребовалось, чтобы это понять. Запаха достаточно. Вдохнув воздух, я уже знал, что дом пустует не одну дюжину дней. Обыск, собственно, ничего не прибавил к этому знанию. Правда я выяснил, что в доме не творилось никакого насилия – ни магического, ни даже бытового. Никто никого не убивал, иначе говоря.

Великое открытие, ничего не скажешь.

Я попробовал встать на след Манты и почти сразу понял, что в этом удовольствии придется себе отказать. Моя старая приятельница была мертва. Ничего себе новости.

Я мог бы задержаться в доме, повозиться с безделушками в спальне и кухонной утварью, разузнать у них, что здесь творилось. Но тогда плакал бы мой ужин у бургомистров. Поэтому я решил сэкономить время и поболтать с соседями – для начала. Предметы, равно как их способность воспроизводить события прошлого, имевшие место в их присутствии, никуда не денутся. Дома ведьм, даже покойных, грабители обходят стороной, а городские власти будут ждать еще несколько лет, не объявятся ли наследники.

Соседи в один голос сообщили мне следующее: старушка мирно скончалась во сне, еще в самом начале зимы. Никто не удивился: Манта, как я уже говорил, выглядела дряхлой развалиной, а знать, что под этой личиной скрывается полное жизни могущественное существо, никто не обязан. Кроме меня, разумеется.

Мне-то эта самая подозрительно мирная кончина во сне ужасно не нравилась. Но разбираться с ней пока не было времени: солнце уже клонилось к закату, а значит господа бургомистры скоро того гляди начнут на меня обижаться. Конечно, не в моих привычках бросать дела ради светских обязанностей, но мне было любопытно на них поглядеть. Если уж Зогги говорит, что на беднягах лица нет...

Поэтому я распрощался с соседями покойной леди Манты и отправился в бургомистерский особняк, построенный в самом начале Пестрой Линии специально для того, чтобы господа Валда Кунык и Зеби Хипелосис прекратили вечные споры на тему, в чьем доме им следует принимать очередного высокого гостя. Ясно ведь, что каждый хотел обстряпать хлопотное дело в апартаментах коллеги.

По дороге я послал зов своему юному другу Абилату. Убедился, что у него все в полном порядке, тем и ограничился. Даже не стал делать вид, будто меня интересуют результаты его трудов над полицейскими отчетами. Отмахнулся: «Потом как-нибудь расскажешь на досуге». Я так рассудил: если мальчик почувствует себя идиотом, которого засадили за никому не нужную работу – тем лучше. Он, пожалуй, так обидится, что точно до моего прихода не заснет. А мне того и надо. Вернее, ему. Нам обоим.

Зогги был прав: Зеби Хипелосис действительно заметно сдал. Вообще-то он из тех редких людей, кому старость к лицу: в юности они обычно обладают заурядной внешностью, зато с возрастом обретают некую особую

живость черт и пронзительность взгляда – проверенный рецепт обаяния. Но вот живость и пронзительность Зеби как раз и подрастерял. Что до его коллеги Валды Куныка, на мой взгляд, отощание пошло бургомистру на пользу. Когда я видел его на Королевском приеме, он был слишком уж округлый. А теперь – в самый раз. Кислое выражение лица и вялость жестов однако скверно сочетались с обретенной стройностью. Я-то запомнил его лукавым весельчаком, на мой вкус, несколько утомительным, но приятным.

Впрочем, я, разумеется, сделал вид, что все в полном порядке. Ну и бургомистры не спешили доказывать мне обратное. В течение двух часов они кормили меня самыми изысканными блюдами гажинской кухни и не самым изысканным враньем: наперебой расписывали, как хорошо идут у них дела, как спокойно стало в Гажине, какая прекрасная настала жизнь – даже удивительно, что господин Голех Облона позволил себе трагически погибнуть нынче утром. С чего бы это он?

Да уж, действительно, с чего бы?..

Я жевал и слушал. Кивал флегматично, то и дело подносил к губам стакан с пряным укумбийским бомборокки. Кому какое дело, что подпоить меня невозможно, если я давным-давно выучился изображать все положенные стадии опьянения, включая падение на пол якобы бесчувственного тела. Впрочем, тут мне этот трюк был без надобности, вполне достаточно продемонстрировать щедрым хозяевам расслабленность лицевых мышц. Все же не вечеринка с портовыми нищими, каких в моей жизни тоже случалось немало.

Я сразу понял, что задавать вопросы на интересующую меня тему бесполезно. То есть, спрашивать-то можно, а вот ждать, что бургомистры кинутся мне на шею и начнут жаловаться на жизнь, не стоило. Они хорошие, надежные люди, но ясно, что сейчас от их доброй воли мало что зависит. Следовало действовать иначе.

– Не нравится мне, как вы держите голову, Зеби, – сказал я, улучив момент, когда старший из бургомистров начал понемногу клевать носом. – Застудили на сквозняке?

Зеби Хипелосис начал было уверять меня, что с шеей все в порядке, но я строго покачал головой.

– Это вам сейчас так кажется, а вот завтра поутру – погляжу, что вы запоете. Но до утра лучше не ждать. Вы же знаете, я опытный знахарь. Сейчас быстренько все поправим.

Старик не стал сопротивляться. Во-первых, по собственному опыту знал, что я действительно неплохо разбираюсь в болячках и могу поставить

верный диагноз еще до того, как болезнь станет причинять беспокойство. А во-вторых лечение застуженной шеи – такой пустяк, что никому просто в голову не придет подозревать знахаря в каком-то тайном умысле. Поэтому Зеби рассыпался в благодарностях, а я вскочил с почетного места и взялся за дело.

Положив руки на основание шеи, можно не только вылечить простуду, но и, при известной сноровке, определить, не связан ли пациент чужими заклинаниями. Ну и выяснить, какими именно. Другое дело, что в наше время мало кто это умеет, наука-то древняя, почти совсем забытая. Но у меня был очень хороший учитель. Такой хороший, что до сих пор опомниться не могу от такого несказанного счастья.

Впрочем, ладно. Важно, что я тут же понял: на Зеби наложено отменное заклятие. В смысле, чрезвычайно действенное. Одно из тех, которые не позволяют человеку добровольно разгласить чужую тайну. И очень быстро и качественно уничтожают беднягу, если кто-нибудь попытается разговорить его силой. Я не сомневался, что с моим приятелем Голехом Облоной дело обстояло ровно так же. А мне-то и в голову не приходило, что в Гажине околачивается колдун, достаточно могущественный, чтобы все это проверить. Такова плата за столичный снобизм, правда платить пришлось не мне, а Голеху. Но так часто бывает, ничего не поделаешь.

К Валде Куныку я и соваться не стал с ухаживаниями: и так ясно, что оба бургомистра влипли в одну и ту же беду. Чего время зря терять?

Планы мои на ночь окончательно оформились. Допрашивать бодрствующих бургомистров бессмысленно, это ясно. Но есть в моем распоряжении один беспроегрышный фокус. Стоит мне оказаться рядом со спящим человеком, и я без всяких заклинаний узнаю о нем все, что меня интересует. Тоже азы Истинной магии, к слову сказать. Правда я знаю ребят, которые над этими «азами» по тысяче лет бьются. Такая уж это прекрасная наука: труднее всего даются именно азы, потом-то все уже как бы само собой выходит.

Я распрощался с бургомистрами, ссылаясь на незавершенное расследование и общую усталость. Они, разумеется, приложили некоторые усилия, чтобы подольше побыть в моем обществе, но не больше, чем этого требует этикет. Так что я благополучно встал из-за стола и отправился в Сизый Дом. Решил, что сперва попробую разделить сон с горемычным сэром Абилатом, а потом, после полуночи, проникну Темным Путем в бургомистерские спальни и узнаю, наконец, какое именно положение дел они вынуждены описывать как идеальное.

Я только что руки не потирал на радостях: вот уж везет так везет! Далеко не каждое расследование дает мне возможность заниматься исключительно любимыми трюками, пренебрегая всякой рутинной скукотищей, вроде засад, погонь и драк.

Сэр Абилат ждал меня, приплясывая от нетерпения. То есть, он неподвижно сидел в кресле, но в то же время было совершенно очевидно, что парень именно приплясывает. А я-то думал, он станет обижаться, осознав, на какое бессмысленное поручение угробил весь день.

– Вы были правы. Полицейские отчеты действительно совершенно неинтересные, – сказал он, зевая. – А самые бессмысленные я сложил в отдельную стопку, чтобы вы даже от скуки не вздумали их читать. Такая несусветная ерунда...

Молодец, что тут скажешь.

– Ладно, – говорю, – так и быть, взгляну на твою «ерунду». Просто любопытно: какая разновидность ерунды считается полной ерундой у вас в Гажине? Своего рода исследование нравов и обычаев, это всегда интересно.

– Ну разве что, – согласился Абилат, сияя от удовольствия.

Все самопишущие таблички, собранные в отдельную стопку, содержали отчеты Мастера Сопровождающего Мертвых, а проще говоря, полицейского знахаря, в чьи обязанности входит констатировать и должным образом объяснить всякую смерть, попавшую в поле зрения служителей закона. Беглого ознакомления с первой полудюжиной записей хватило, чтобы понять: мой помощник собрал вместе все отчеты о случаях мирной, ненасильственной смерти в собственной постели. Так часто бывает: одинокий человек, вроде моей приятельницы Манты, умирает у себя дома, и его соседи вызывают полицию, а та уже разбирается, что случилось.

– Все об одном и том же? – на всякий случай уточнил я.

– Ага. Говорю же: невероятная ерунда, а вы зачем-то читать стали...

– Резвиться потом будешь, ладно? Я уже все понял, – я пересчитал таблички. – Шестьдесят восемь таких случаев с начала зимы, верно?.. Ничего так число, не маленькое. И это, надо понимать, капля в море: к большинству покойников родственники вызывали не полицию, а домашнего знахаря, и эти случаи в полицейских отчетах не фигурируют. Так?

– Мне трудно говорить с вами о такой ерунде, – помолчав, сказал Абилат. – Правда трудно. Но возражать вам я, в любом случае, не собирался.

– Ну и правильно. Что тут возразишь?.. Ясно мне все с твоей ерундой,

сэр Абилат. Знаешь, давай-ка я спать тебя уложу. Да не смотри ты на меня такими дикими глазами. Я буду рядом. Больше того, я разделю твой сон. Знаешь, что это такое? Читал об этом в своих книжках?

Он растерянно помотал головой.

– Это значит, что мы с тобой будем смотреть один сон на двоих. Причем будем находиться там вместе, как вот в этой комнате. В случае чего, я и за руку тебя взять смогу, и обидчикам твоим по морде дать сумею. Да-да, можешь не возражать, я помню: нет никаких обидчиков. Сны жителей Гажина прекрасны и удивительны. Я же просто так, для примера... Ну что, рискнешь поспать на таких условиях?

– Пожалуй, – решился Абилат. – И если хоть половина того, что о вас рассказывают, правда, я ничем не рискую.

– Все, что обо мне рассказывают, это половина правды, – поправил его я. – Или даже четверть. Можешь мне поверить.

Он, впрочем, и так мне верил, это было видно невооруженным глазом. Конечно, сам-то я полагаю, что по большому счету, верить не стоит вообще никому. И не потому что вокруг нас сплошь злодеи да мерзавцы, просто у каждого в любом деле свой интерес, да и манера выражаться своя, уникальная, из-за этого тоже немало путаницы бывает.

Но я решил, что это объясню Абилату как-нибудь попозже. Все хорошо в свое время.

– Только здесь, в Сизом Доме, негде спать, – вздохнул он. – Может, я просто домой пойду? А вы со мной... То есть, я хотел сказать, будьте моим гостем, но в данных обстоятельствах это как-то глупо звучит, да?

– Какая разница, как оно звучит? – отмахнулся я. – Конечно, пошли к тебе. Тем более, у тебя тут Темный Путь проложен, время на дорогу терять не надо. Давай, вперед. А я за тобой.

Легко мне было говорить: «вперед». Бедный мальчик чуть ли не полчаса топтался на пороге Сизого Дома. Тоже мне, сэкономили время. Понятное дело, для него это был все еще очень сложный фокус, а тут еще я болтаюсь, гляжу, оценку, небось, емуставляю: «сэр Абилат – никуда не годный колдун». Так он себе, надо думать, это представлял, обычное дело. Поэтому нервничал, не мог сосредоточиться.

Но я терпеливо все это перенес, не стал предлагать свою помощь. Хотя, чего греха таить, язык чесался.

Оценок я ему, понятно, выставить не собирался. Но когда мы, наконец, очутились в просторном холле огромного старинного дома, я не без удивления констатировал, что худо-бедно, а ходить Темным Путем парень действительно научился. Не наврал.

Оглядевшись, я понял, что в доме скорее всего пусто, но на всякий случай спросил:

– Тут кто-нибудь есть, кроме нас?

Абилат помотал головой.

– Я живу один. Раз в три дня приходят соседи, муж и жена. Наводят порядок, чинят, если что-то сломалось, и уходят домой. Так дешевле, да и не мешает никто.

– Ясно. Ну и славно, значит не нужно никого предупреждать, что в доме гость. Ты голоден, или сразу спать пойдешь?

– Если вы не возражаете, лучше спать, – честно сказал он. – Вас же наверное кормили у бургомистров? А я думать ни о чем, кроме подушки не могу, хотя этот ваш бальзам Кахара отличная вещь. Но он не очень долго действует. Наверное я просто слишком давно спал.

– Наверное. Ну и пошли в твою спальню, чего мы стоим?

Когда я улегся рядом, Абилат изрядно удивился. Думал, наверное, что я буду стоять у его ложа с каким-нибудь волшебным мечом наперевес. Ну или хоть некий варварский танец под потолком исполню. А я под одеяло лезу, какое разочарование!

– Наши головы должны лежать на одной подушке, – объяснил я. – Желательно, чтобы макушки соприкасались, так проще достичь нужного эффекта. Мы заснем одновременно и увидим один и тот же сон. Обычно заранее трудно сказать, чей именно. Но я умею управлять этим процессом.

– Ой, а нельзя просто посмотреть ваш сон? – с надеждой спросил Абилат. Помолчал и неохотно прибавил: – Просто для разнообразия.

Я его отлично понимал. Любой на его месте ухватился бы за возможность поспать без привычных кошмаров. Но мне надо было браться за расследование, а не усталых детей баюкать, поэтому покоя бедняге Абилату не светило. По крайней мере, не в ближайшее время.

Но вслух я сказал:

– Там видно будет. Может оба сна посмотрим, по очереди. Как пойдет. Давай, закрывай глаза. И ничего не бойся.

– Я не боюсь, – вздохнул он. – Просто устал за последние дни. А так-то все в порядке.

Ох уж это мне «все в порядке»...

Как я и обещал, мы заснули одновременно. И, как всегда происходит в таких случаях, одновременно открыли глаза по ту сторону повседневной реальности, в небольшой комнате с голубыми стенами и оконными занавесками самых что ни на есть веселых расцветок. За окнами зеленел сад с аккуратно подстриженными лужайками, на круглом столе стоял букет

полевых цветов. Впрочем, не только на столе, букеты были повсюду: на книжных полках, заставленных тонкими томиками стихов из «Библиотеки Древней Поэзии», на подоконниках, даже в напольных вазах. Низкие диваны пестрели шелковыми подушками, на ковре лежали большие мягкие игрушки, из тех, что обычно покупают для подросших уже детей, малышам такую красоту портить не дают. Словом, идеальная девичья горенка, да и только!

Я изумленно присвистнул: при всей простоте и обыденности обстановки сон Абилата был соткан вовсе не из той материи, что обычные сны – хоть сладкие грезы, хоть кошмары. Природа его сновидения была скорее сродни природе вот этого пространства, где мы с вами сейчас сидим, хотя, конечно, есть великое множество различий. Коротко говоря, это была достоверная реальность, в подобном месте и пищей насытиться можно, и руку поранив, проснуться в крови, и умереть, честно говоря, ничуть не сложнее, чем в обыденной жизни. Нормальным людям такие сны с бухты-барахты не снятся; молодому гению, недавно начавшему изучать основы Истинной магии по отцовским книжкам, тоже не должны бы. По крайней мере, без посторонней помощи.

Понятно, что эта самая посторонняя помощь имела место. В том-то и беда, что без нее не обошлось.

Пока я удивлялся, Абилат тоже смотрел по сторонам круглыми от недоумения глазами.

– Все-таки мы видим ваш сон? – наконец спросил он.

– Нет. Твой. А что, все не как обычно?

– Это, – выразительно сказал Абилат, – вот именно то самое место, которое снится мне каждую ночь. И выглядит оно в точности так же, как всегда. Ну просто ни малейшего отличия. Ни малейшего!

Так мило с его стороны и во сне помнить наш давешний уговор насчет вранья! Нет, правда, молодец.

Я сунулся к окну, и парня потянул за собой. Решил, что надо обследовать пространство этого сновидения. В комнате сидеть, букеты нюхать – дело, конечно, хорошее. Но быстро надоест, уж я-то себя знаю.

Окно не открывалось. Я решил не своевольничать в чужом сне без особой нужды и некоторое время просто разглядывал сад. Он показался мне совершенно безвкусным, лишенным даже того скромного обаяния, которым щеголяют запущенные сады небогатых и ленивых, но душевных обывателей пригородов все того же Гажина. Словно бы садом занималась даже не гипотетическая хозяйка девичьей комнаты, а, скажем, ее пожилой ухажер, книжный червь, которому лишь теоретически известно, что юные

девицы любят аккуратно подстриженную *травку* (а не нормальную буйнорастущую траву), *фруктики* (садовые деревья плодоносили с отчаянием обреченных на скорую гибель, непонятно, как ветви выдерживали такую тяжесть), *цветочки* (их в саду, мягко говоря, хватало) и *птичек* (причудливые разноцветные вариации на тему воробья в огромном количестве сидели на ветках деревьев, но вели себя как-то вяло, даже крыльями махать не пытались).

Трудно в нескольких словах объяснять такие тонкости, но этот сад действительно казался состряпанным на скорую руку, в надежде угодить чужому вкусу и с потаенным желанием как можно скорей покончить с неприятной работой. Объяснить-то трудно, а вот не заметить – невозможно, такие вещи и во сне – даже в чужом сне! – бросаются в глаза.

– Ерунда какая-то, – вздохнул Абилат.

Впрочем, он выглядел вполне довольным. Очевидно текущее сновидение выгодно отличалось от обычного положения дел.

Окончательно убедившись, что окно проще уничтожить, чем распахнуть, я направился к двери. Любопытная деталь: когда я только отвернулся от окна, никакой двери в помещении не было, готов поклясться. Уж рассеянностью и невниманием к деталям я и в худшие свои дни не страдал. Но миг спустя дверь все-таки появилась в дальнем конце комнаты. Аккуратная такая небольшая дверца, выкрашенная в яркий синий цвет. Мне, пожалуй, пришлось бы пригнуться, чтобы ею воспользоваться, но человек, который открыл дверь и вошел в комнату, мог не беспокоиться о своей макушке: он был не слишком высок.

– Ну вот, наконец-то мы опять встретились! – взволнованно сказал он. – Я страшно нервничал, поджидая тебя, Джуффин... вас, сэр. Как мальчишка. Впрочем, ученик всегда остается учеником, а учитель учителем, правда?

Ну да. Это был Лаздей Махикала, собственной персоной. Нельзя сказать, что я сильно удивился, хотя когда мы расстались, он вряд ли мог вот так запросто объявиться в чужом сне, да еще и в качестве гостеприимного хозяина. Но – мало ли, что было раньше...

И вот еще странность. За те годы, что мы не виделись, его манеры разительным образом переменились. Прежде Лаздей в лучшем случае буркнул бы: «Ну что?» – и, надо сказать, как раз это его качество я числил скорее достоинством. Все лучше, чем вымученно улыбаться без крайней нужды – вот как сейчас.

Чтобы хоть отчасти уравновесить неожиданно проявившийся в парне дар салонной дипломатии, я решил сразу брать быка за рога.

– Серая дрянь на Темной Стороне Гажина – твоя работа? То-то я смотрю сны у местных жителей стали такие плотные и упругие – хоть криком кричи.

– Правда здорово вышло? – Лаздей спросил это с плохо скрываемым самодовольством. Тут же понял, что перегнул палку, и пустился в объяснения: – Это не дрянь, поверьте. Мало ли, как она выглядит... Я тут большое дело затеял, и пока все очень хорошо получается. Я не для себя стараюсь. Просто мне, пока я сидел в Холоми, вот что пришло в голову: ну не будет теперь в Соединенном Королевстве Очевидной магии. Или почти не будет... Да вы садитесь, сэр Джуффин, и вы, господин... простите, не знаю вашего имени, но вы все равно садитесь, что же мы стоя разговариваем?

Я остался стоять, но Абилат тут же поспешно уселся на диван. Вид у него при этом был тот еще. Мой юный друг безусловно видел Лаздея не впервые. И столь же безусловно был огорошен его поведением. Явно ожидал чего-то другого. Я решил, что надо будет потом его расспросить, когда проснемся. Пусть совет что-нибудь так, чтобы мне все стало понятно, у него это лихо получается.

– Продолжай, Лаздей, – попросил я. – Мне, видишь ли, снится, что я стою, а не сижу, и я пока не хочу ничего менять. Но не думаю, что это должно помешать разговору. Ты остановился на том, что в Соединенном Королевстве больше нет Очевидной магии. Не самая свежая новость, но не беда. Я готов слушать дальше.

Лаздей адресовал мне укоризненный взгляд, но тут же понял, что это вполне бессмысленно, и торопливо продолжил.

– Я подумал, что это очень скверно: людям нельзя жить совсем без магии. Нет, я понимаю, что Кодекс Хрембера – необходимость, вы мне с самого начала очень убедительно объяснили, что Мир может рухнуть. Но ведь кроме Очевидной магии есть Истинная, она любому Миру только на пользу, не только нашему, вы сами говорили...

– Говорил. И это чистая правда.

– Ну вот. Беда в том, что мало кто из людей имеет способности к Истинной магии, так? А то все бы с утра до ночи ею занимались и были счастливы, верно?

– Насчет счастья не уверен. Но всякое случается.

– И тогда я подумал, что если помочь людям сделать первый шаг... Ну, чуть-чуть подтолкнуть их в этом направлении, пусть даже насильно... Потом ведь может оказаться, что дальше они пойдут сами? Вы же мне объясняли, с Истинной магией обстоит так, что главное – начать, а потом

само пойдет, и я убедился, так оно и есть.

– Ну-ну, – вздохнул я. – Хочешь сказать, ты вернулся из изгнания, чтобы обучать граждан Соединенного Королевства Истинной магии? Великая миссия, вот уж действительно... Честно говоря, не надеялся когда-нибудь услышать от тебя столь возвышенную херню. Кстати, тебе не приходило в голову, что если бы такое было возможно, в этом Мире нашлось бы немало куда более опытных и умелых учителей, чем ты?

– Ну, вы же не очень интересуетесь другими людьми, – скромно пожал плечами Лаздей. – А я ими всегда интересовался.

– О да! – обрадовался я. – Еще бы! Отлично помню твой искренний интерес к людям. Вот, к примеру, с сокамерниками твоими на Муримахе тебе было так интересно, дальше некуда! А уж им-то с тобой...

– Я знаю, что вы все это обо мне помните, – Лаздей покаянно опустил голову. – Хвастаться нечем, в ту пору, когда вы меня знали, я был абсолютно безумен. Но с тех пор я очень изменился. Истинная магия действительно меняет людей, просто со мной это почему-то происходило очень медленно. Вернее, сперва не происходило вовсе, а потом вдруг – раз, и все! Проснулся другим человеком – после одного сна, подобного этому, кстати. Вы же понимаете, о чем я говорю, правда?

– Ну, понимаю. И что с того? – сказал я, прикидывая, как бы мне сграбастать этого беглеца, чтобы проснуться в спальне Абилата не вдвоем, а втроем. И был вынужден признать, что этодохлый номер. Если бы это был мой сон – нет проблем. Но, к сожалению, это был сон Абилата, и моя инициатива была ограничена его представлениями о возможном. А молодой человек почему-то считал Лаздея очень могущественным колдуном. Куда более грозным, чем я. И даже заискивающий тон моего бывшего ученика ничего не менял, вот что удивительно!

Эх, знать бы заранее, кого мы тут встретим, и как дело обернется, уж я бы позаботился о репутации Лаздея. Рассказал бы Абилату пару-тройку забавных историй, глядишь, и руки сейчас были бы развязаны.

«Ладно, ничего, – оптимистически подумал я, – сейчас проснемся, я ему все быстренько объясню и усыплю снова. Никуда Лаздей от нас не денется. Если уж эта реальность его рук дело – а ведь похоже на то! – он сидит тут, как паук в паутине, отлучиться не может. Знаю я, как это бывает.»

– Я действительно вернулся из изгнания, не получив на это соответствующего разрешения, – повинулся Лаздей. – Но я сознательно пошел на такой риск. Решил, что должен хотя бы попытаться что-то сделать. На Уандуке мне удалось кое-чему научиться. Некоторым вещам, о

которых я от вас даже не слышал. Предки нынешних жителей Уандука любили жить во сне куда больше, чем наяву. Они только и делали, что ткали сновидения – для себя, для друзей и соседей. Дарили их друг другу, обменивались и даже торговали. Но не обычные иллюзии, которые можно получить в лавке нашего Мастера Совершенных Снов, а что-то вроде этого...

– Да-да, я понимаю, о чем речь, – сухо сказал я. – Не отвлекайся. Рассказывай лучше, что ты затеял и зачем. Хочешь врать – можешь врать. Но сперва вспомни, было ли такое, чтобы я не смог тебя раскусить.

– Зачем мне вас обманывать? – парень упорно гнул свое. – Я пошел на огромный риск, чтобы подарить людям возможность видеть чудесные сны вместо обыкновенных. И сами поглядите, у меня все получилось. Надеюсь, некоторым это пойдет на пользу, и они смогут что-то сделать сами – потом, со временем. А пока – что ж, пусть просто наслаждаются недоступными прежде чудесами. Все лучше, чем ничего!

Я только головой качал. Все это была не просто чушь, а какая-то удивительная, нечеловеческая ахиня. Самое странное, что Лаздей, кажется, искренне полагал, что я скушаю его объяснения и останусь доволен. И ведь вроде бы не один год меня знал...

– Ладно, – говорю. – Значит, жители Гажина наслаждаются чудесами. То-то на моих знакомых лица нет. И горожане мрут как мухи – во сне, между прочим. От невыносимого счастья, надо полагать. Ну-ну.

– Без жертв обучение не обходится, вы же знаете, – вздохнул Лаздей. – Если кто-то умер во сне... Ну, наверное они были не очень осторожны. Возможно, от всего сердца пожелали остаться здесь навсегда. Вы же знаете, чем бывают чреваты страстные желания.

– Чушь, – отрезал я. – От нежелания просыпаться не умирают. Кому ты голову морочишь?

– Ну, я только пытаюсь найти объяснение. Я же вынужден действовать наощупь, как всякий, кто берется за великое дело. И потом, я не могу контролировать всех, кто видит этот сон. Но я стараюсь!..

Он искоса поглядел на меня и, как я понимаю, окончательно убедился, что я ему не верю, следовательно, разговор принимает нежелательный оборот. И вместо того, чтобы снова пускаться в бессмысленные объяснения, вдруг рявкнул на Абилата: «Просыпайся!»

И мы проснулись. Оба, ясное дело. Остаться в чужом сне после того, как сновидец проснулся, невозможно. Сколько раз пробовал – нет, не выходит. По крайней мере, пока.

На Абилата было жалко смотреть. Мало того, что не выспался, так еще

и мучился теперь сознанием собственного несовершенства.

– Я вас подвел? – спросил он. – Но я не мог не проснуться.

– Ничего, – сказал я, – все в порядке. Сейчас уснем снова, дурное дело нехитрое. Но сперва надо поговорить. Так вот, имей в виду, я хорошо знаю этого типа. Он мой бывший ученик; впрочем, с тех прошло очень много лет. Я сам отвел его в Холоми, когда пришел срок и, будь моя воля, он бы оттуда не вышел.

– Вот оно в чем дело, – хмуро кивнул Абилат. – Кстати, обычно ваш ученик выглядит совсем иначе. Таким, как сегодня, я его всего пару раз во сне видел. В самом начале. Потом он заметно подрос и в лице заметно переменялся. Но я все равно его узнал.

Я перебил его, не дал отвлекаться на пустяки.

– Неважно, как он выглядит. Ты пойми главное: я бы справился с ним в два счета, но это был твой сон. А в твоих глазах авторитет этого господина, кажется, чрезвычайно высок. Ты считаешь его неуязвимым, и поэтому в твоем сне он действительно неуязвим. Это весьма досадно, так что постарайся переменить мнение.

– Постараюсь. Но это будет непросто, – ответил Абилат.

– Правда? Почему?

Он явно очень хотел объяснить, но не смог. Судорожно вдохнул воздух, сглотнул слюну и с досадой стукнул кулаком по собственному колену.

– Не можешь говорить? – посочувствовал я. – Этот тип не позволяет благодетельствованным сновидцам рассказывать правду о чудесах, которые он вам якобы подарил? Можешь не отвечать, и так понятно. Лучше соври что-нибудь по существу вопроса. У тебя неплохо получается.

– Этот человек, ваш бывший ученик... Так вот, он невообразимо добр и милосерден. Сны, которые я вижу, воистину прекрасны... Когда я вспоминаю эти видения, меня охватывает чувство глубокого умиротворения, – сказал Абилат. Подумал и прибавил: – Да, что особенно приятно, он не имеет надо мной абсолютно никакой власти, пока я сплю. Абсолютно никакой, понимаете? И – я ведь уже говорил? – когда я просыпаюсь, я по-прежнему ничем не связан, ничего ему не должен. Никаких особых требований, представляете, да?

Я ухмыльнулся. Ну дела! Неужели поганец действительно кое-чему научился на Уандуке? А ведь похоже на то. Очень похоже. Понятно, что жители Гажина – все, или просто многие – каждую ночь видят кошмары. И понятно, что Лаздей старается манипулировать их поведением наяву. Интересно, что он от них требует? Неужели просто денег? А собственно,

почему бы и нет? Не такая уж бесполезная вещь деньги. Хотя хотелось бы надеяться, что запросы Лаздея идут хоть немного дальше. Все же бывший ученик, самое грандиозное пятно на моей репутации, и без того не самой белоснежной.

– Ладно, – говорю, – будем считать, мне более-менее понятно. А теперь я хотел бы, чтобы ты уяснил вот что, сэр Абилат: этот твой «добрый волшебник», Лаздей Махикала, в подметки мне не годится. Чему бы он там не выучился после того, как мы расстались, а встретиться мы на городской улице, я бы его в считанные секунды по рукам и ногам связал. Или просто раздавил бы, как съедобного моллюска. Я это не к тому рассказываю, чтобы ты проникся ко мне глубоким почтением, а только для того, чтобы ты помнил сей факт во сне. На улицу-то его оттуда не выманишь теперь. А сон, хоть и создан им, это все же твой сон. Пока ты веришь, что Лаздей Махикала – самое могущественное существо во Вселенной, он будет неуязвим. И я его разве что попугаю, но толком ничего не смогу сделать. Ясно?

– Наверное, – задумчиво согласился Абилат.

– Попробуешь?

– Попробую. Но скажу честно: это будет очень трудно. Про вас я только истории разные слышал, а его в деле видел, – честно сказал он. – Но я правда постараюсь.

– Намерение в таком деле очень много значит, – успокоил его я. – Можешь не верить мне всем сердцем, просто тверди как заведенный: «Джуффин сильнее, Джуффин круче, он Лаздея одной левой сделает», – что-то в таком роде. Очень мне этим поможешь.

– Ну, если этого достаточно...

– Вполне. Давай, ложись. Вернемся туда, чего тянуть?

– Но я вряд ли смогу быстро заснуть, – огорчился Абилат. – Я себя знаю, если вот так среди ночи вскочил, до рассвета буду с боку на бок ворочаться.

Я уж не знал, сердиться мне, или смеяться. И как всегда выбрал второе. Ну, почти как всегда.

– Грешные Магистры! Неужели ты думаешь, я тебя не усыплю?!

– О! А вы и это можете?! – восхитился парень.

Мы с ним как нанялись друг друга удивлять. Причем счет в нашей партии пока был равный.

– Усыпить тебя, – говорю, – одна из самых простых вещей на свете. И вообще, хватит рассуждать. Закрой глаза, расслабься и не мешай работать.

Усыпил я его и правда в два счета. Дальнейшие события доставили,

как я понимаю, море удовольствия Абилату, но, увы, не мне.

Начать с того, что в голубую комнату мы больше не попали. Ну, это как раз ладно бы, нетрудно было догадаться, что и комната, и аккуратный садик за окном были наскоро состряпанным видением, предназначенным специально для того, чтобы убедить меня в добрых намерениях Лаздея. Он даже полки томиками стихов уставить не поленился, припомнив, что в начале Смутных Времен я любил шокировать клиентов и жертв признаниями, будто испытываю слабость к хорошей поэзии. А вот моих вкусов в области садового дизайна и домашних интерьеров бедняга не знал, потому и вышла у него какая-то сентиментальная невнятица.

Но речь не о том. К моей немалой досаде Абилату приснился самый обыкновенный пустой сон. Всякая приятная, но совершенно бессмысленная чепуха. Солнечный летний день, опушка леса, качели; по небу с лязгом и звоном пронесся летающий амобилер, клочья облаков вылетали из-под колес и падали в наши ноги – ну я же говорю, дурацкий пустой сон, время на такое терять жалко.

То есть, это мне было жалко терять время. А на парня смотреть было больно, когда я сказал, что придется проснуться и попробовать снова. Просить он конечно не стал, сам понимал, что у нас есть дела поважнее, но глядел, как побитый щенок.

– Еще насмотришься сладких снов, – пообещал ему я. – Неужели ты думаешь, что мой юный приятель Лаздей останется с тобой до конца жизни? Еще чего не хватало.

Короче говоря, я его разбудил. И тут же уснул снова. Мог бы и не стараться: на сей раз парню приснилось, что он переправляется через бурную реку, сидя на спине огромной серебристой лисы. Еще один бессмысленный сон, из тех, что и запоминать-то напрасный труд.

Следующая попытка позволила нам лицезреть покойного сэра Голеха Облону верхом на менкале. Рога ездового животного были украшены каменными колокольчиками и разноцветными побрякушками, как это принято у варваров из Пустых Земель.

Разбудив и усыпив Абилата еще раз, я был, можно сказать, вознагражден за долготерпение. Мы попали в комнату с зеркальными стенами и потолком; в центре комнаты танцевала грациозная юная женщина с медно-рыжими волосами. В иное время я, возможно, задержался бы там, чтобы дожидаться, когда она начнет снимать одежду, но решил не смущать мальчика. Все же это был его сон, а не мой. Да и толку от той красавицы, честно говоря...

После сна про рыжую танцовщицу я сдался. Мог бы и раньше понять:

отныне Абилат свободен от обязанности еженощно видеть во сне кошмары. А мне придется поискать другой способ закончить свидание с бывшим учеником. Лаздей и прежде не решался задирать моих друзей – после того, как понял, что дружеские узы значат для меня куда больше, чем может показаться. Сперва-то он думал, что мои друзья – просто будущие жертвы, а я забавляюсь, играю с ними, как кот с птенцами, растягиваю, так сказать, удовольствие. И, кажется, страшно завидовал моей изощренности. Тем горше было его разочарование.

– Досыпай в одиночестве, – сказал я Абилату. – Кошмаров больше не будет, вот увидишь. Излечить тебя от страшных снов оказалось куда проще, чем закончить беседу с их виновником. Не сказал бы, что я от этого в восторге, но – прими мои поздравления. Приятных сновидений. А я пошел. Попробую добраться до Лаздея другим способом.

– Каким? – сонно спросил совершенно счастливый Абилат.

– Ты представляешь, сколько в этом городе спящих людей?

– А. Ну да, – зевнул он. – А когда вы уйдете... То есть, вы уверены, что если я засну один, ничего не будет?

– Уверен, – кивнул я. – Лаздей понял, что ты мой друг, а к моим друзьям он относится трепетно.

– Как же хорошо, – вздохнул Абилат. – Я страшный эгоист, да. Но я так устал, что иначе не получается. Завтра утром до меня наверное дойдет, что у вас-то по-прежнему куча проблем, и я искренне огорчусь. Но сейчас – не могу, хоть убейте.

– Хотелось бы думать, что утром у тебя уже не будет никаких поводов для огорчения, – сказал я. – Разве что покойного начальника оплакивать, вот тут уж действительно ничего не исправишь.

– А разве вы не умеете оживлять мертвых? – недоверчиво спросил он.

– Умею, конечно. Но поверь мне, без особой нужды так лучше не делать. Им от этого очень хреново... Да ты спи давай, счастливчик. Пользуйся возможностью.

Я все же задержался в его спальне еще на несколько минут. Дождался, пока Абилат заснет, поглядел на него, убедился, что был прав: никаких кошмаров, опять разные детские глупости снятся. Ну, хоть кому-то хорошо.

Я отыскал зеркало, надел тюрбан, привел в порядок измятое лоохи и отправился Темным Путем напрямик в спальню Зеби Хипелосиса. Он, хвала Магистрам, был на месте и уже дрых без задних ног.

С Зеби Хипелосисом что хорошо: у них с женой отдельные спальни, причем с первого дня совместной жизни, он сам очень любит об этом рассказывать. Дескать любовь – это одно, а сон – совершенно другое, и

делить их с одним и тем же человеком – глупость. Здравый, в общем, подход, но мало кто из обычных, не связанных по рукам и ногам колдовскими обязанностями людей его разделяет.

Словом, мне здорово повезло, что у Зеби такие привычки, а то пришлось бы похищать его спящего и тащить куда-нибудь. Некоторые чудеса рассчитаны только на двоих, в присутствии третьего ничего не произойдет, хоть убейся.

Спальня бургомистра вольного города Гажина, где я никогда прежде не бывал, оказалась местом весьма примечательным. Начать с того, что на потолке было изображено море; на застывших волнах из дутого цветного стекла покоились маленькие макеты кораблей. Вверх тормашками, разумеется – все же потолок. Очень, надо сказать, необычное зрелище.

Стены комнаты сплошь состояли из бесчисленных выдвижных ящичков. Сейчас все они были заперты, но я почему-то не сомневался, что ящички эти не пустуют. Чутье подсказывало мне, что я нахожусь в настоящей сокровищнице. Вот вечно так: все случается невовремя. Доведись мне попасть в эту спальню полсотни лет назад, когда я еще не был служителем закона... Эх.

Но для полноты впечатлений следовало внимательно посмотреть на пол и обнаружить, что он вымощен монетами, как мостовая булыжниками. Причем не нашими коронами и горстями, а только иноземной валютой. Куманские унции, чангайские зоты, иррашийские финни, туланские клуклы, ташерские пелли, изамонские лячки – да все, что угодно! Не пол, а сладкий сон укумбийского пирата.

Да и мне потребовалась пара секунд, чтобы оторваться от созерцания этой несказанной красоты. Но я все же снова напомнил себе, что явился сюда по делу, причем дело это – не ограбление богатого простака, увы. Утомонись, Чиффа.

Я наконец уселся на пол, напротив спящего бургомистра, вернее, жалкого вполне холмика под грудой одеял. В своих просторных спальнях все люди выглядят маленькими, беззащитными даже существами, но Зеби Хипелосис смотрелся как-то особенно трогательно. Хоть усыновляй его.

От идеи разделить с бургомистром его сон я отказался с самого начала. Для этого потребовалось бы разбудить старика и снова усыпить, предварительно положив голову на его подушку. Причем мне пришлось бы либо действовать силой, либо объясняться с Зеби до самого утра. Он человек толковый, но очень уж осторожный. И все это, скорее всего, только для того, чтобы узреть, что мой юный друг Лаздей перекрасил голубые стены уютной девичьей гостиной в розовый цвет и выслушать его

дополнительные соображения о бесплатных сеансах магии для обездоленных сограждан.

Нет уж. В моем распоряжении имелся куда более простой и действенный способ узнать правду. Всякий, кто обучен воскрешать перед своим взором события, безучастными свидетелями которых были неодушевленные предметы, рано или поздно выясняет, что ровно то же самое можно проделать и с живым человеком. Правда, только со спящим. Считается, что для такого фокуса требуется куда больше могущества, да и просто опыта, чем для манипуляций с вещами, но мой учитель Махи Аинти в свое время забыл меня об этом предупредить, поэтому я выучился быстро и без проблем.

Я почти сразу погрузился в память Зеби. Как это всегда бывает в самом начале, когда процесс уже запущен, но еще не взят под контроль, передо мной замелькали суматошные картины его детства, потом я увидел несколько более любопытных эпизодов.

Молодой купец Зеби встречается с укумбийскими пиратами. Он, к слову сказать, чуть ли не первым в Соединенном Королевстве додумался, что проще и дешевле платить этим непобедимым мастерам Морской Охоты умеренную дань и чувствовать себя в полной безопасности, чем всякий раз выходить в море, зная, что твои шансы сохранить груз, корабль, а зачастую и жизнь – примерно пятьдесят на пятьдесят.

Зеби Хипелосис на приеме у куманского халифа Нубуйлибуни цуан Афии, хлопочет о снижении таможенных пошлин на вывоз уандукских пряностей – не для всех, а только для своего торгового дома. Несколько часов Зеби рассказывал халифу о своих приключениях, сохраняя при этом безмятежное спокойствие – единственное качество, которое чувствительный Нубуйлибуни действительно ценит в людях. Так что Зеби Хипелосис получил льготы, о которых хлопотал; неудивительно, что несколько лет спустя он уже входил в первую дюжину богатейших купцов Соединенного Королевства.

Старый пройдоха Зеби ведет тайные переговоры с Великим Магистром Ордена Семилистника Нуфлином Мони Махом о введении двойного бургомистерства в Гажине – при условии, что одна из городских голов будет его собственная. Мне, к слову сказать, всегда было интересно, во что обошлась Зеби его нынешняя должность, ну вот и удовлетворил любопытство. Пятьдесят тысяч корон Соединенного Королевства – почти немыслимая сумма. Я, пожалуй, столько за год в карты не выиграю.

Но сейчас меня интересовали не самые приятные, а самые свежие воспоминания Зеби Хипелосиса. Добраться до них оказалось не слишком

просто, все же сказывалась необходимость хранить тайну. Но поскольку Зеби не требовалось говорить ни слова, к тому же, он вовсе не осознавал происходящее, я одолел заклятие и наконец стал свидетелем событий его недавних дней. Вернее, ночей.

... Тьма сгустилась над вольным городом Гажином. Лишь дымные, смердящие факелы освещали острые, как маленькие скалы булыжники мостовых, обшарпанные стены и разбитые окна пустующих домов. В низком, затянутом свинцовыми тучами небе суетливо порхали плотоядные драконы размером с откормленного индюка. Время от времени одна из тварей спускалась пониже и вырывала кусок мяса из обнаженного по пояс тела одного из немногочисленных прохожих. Вопль раненого сливался с восторженным визгом удачливого охотника. По тротуарам текли бурые ручьи зловонных помоев, естественное происхождение которых не вызывало особых сомнений. Открывшаяся моему взору улица заканчивалась крепостной стеной, сложенной из черного камня; за стеной стоял замок, столь высокий, что его башни пронзали облака. В небе над замком пылала огненная надпись: «Добро пожаловать в Мормору!» Воздух то и дело сотрясали раскаты громового хохота, причем невидимый весельчак смеялся очень искренне, от души. Такие вещи сразу чувствуются.

Зеби Хипелосис сидел на краю сточной канавы и пытался просить милостыню. Обстановка, мягко говоря, не располагала прохожих к милосердию, поэтому старый кошель гажинского бургомистра был пуст уже много дней. На руках старика умирал от голода младший, самый любимый из внуков. Зеби зубами прокусил собственное запястье и пытался покормить его собственной кровью, но ребенок наотрез отказался от такой пищи. Еще недавно он тихо плакал, жалуясь на боль в животе, а теперь совсем ослаб и умолк. Трех старших внушек деловито насиловали здоровенные молодцы в черных лоохи из кожи арварохской рыбы рухас. Они устроились чуть поодаль, зато под самым факелом, чтобы дед мог сполна насладиться зрелищем. Зеби уныло думал, что, возможно, насильники потом покормят детей, во всяком случае, соседи говорили, что слуги Властелина Морморы иногда поступают так с жертвами, которые им понравились. Что ж, если так, оно и неплохо. Другого способа прокормиться все равно не существует: трупы достаются драконам, а вся остальная пища стоит огромных денег, которых нет. Зеби сам бы с радостью предложил себя насильникам – в обмен на еду для внуков, но слуг Властелина Морморы интересуют только маленькие девочки и совершенно не возбуждают дряхлые, ослабшие старики. Ничего не поделаешь.

Пока Зеби горевал о невозможности прокормить семью, крепостные ворота медленно распахнулись, издавая лязг и скрежет, столь ужасающий, что у некоторых прохожих из ушей потекла кровь, а я едва сдержал смех: экая комедия!

Когда шум умолк, на смену ему пришел человеческий голос, властный, как у прирожденного тирана, громкий и пронзительный. «Дорогу Властелину Морморы! – кричал он. – Дорогу Властелину Морморы!»

Это требование выглядело чрезвычайно забавно, потому что – ну не та в городе обстановка, чтобы дорогу себе силой прокладывать. Несколько жалких доходяг, которых заживо поедают мелкие драконы, да кучка насильников на обочине, вот и вся толпа.

Но старый Зеби Хипелосис не видел в происходящем ничего забавного. Он съежился, сжался в комок, еще крепче прижал к себе умирающего внука, хоть и не надеялся, что сможет его защитить. Немного подумав, припрятал за пазуху кошель: хоть и пустой, а все же имущество. Последнее, что у него осталось.

– Дорогу Властелину Морморы!

Теперь голос звучал над самым его ухом. Зеби Хипелосис вздрогнул и поднял голову.

Над ним стоял мужчина, огромный, как потомок эхлов^[5], но явно лишенный их природного добродушия. Его облик сразу показался мне знакомым; приглядевшись, я понял, в чем дело: лицо великана являлось почти точной копией моей собственной физиономии. Не нынешней стариковской маски, а настоящего Чиффы, Кеттарийского Охотника. Только это был, с позволения сказать, Чиффа исправленный и дополненный. Так я, вероятно, выглядел бы, если бы все самые идиотские городские легенды о моих злодеяниях вдруг одновременно стали бы правдой. Один глаз скошен к переносице – верный признак необузданной ярости – другой безостановочно перемещается по лицу, дико вращая огненным зрачком; рот искривился звериным оскалом, а подбородок так вырос и заострился, что его вполне можно использовать в качестве дополнительного оружия.

Если бы даже я не успел узнать, что виновник ночных кошмаров жителей Гажина – мой приятель Лаздей Махикала, я бы, пожалуй, догадался об этом, глядя на неземную красоту его нового обличья. Парень всегда очень переживал из-за своего небольшого роста. И ужасно завидовал моей роже, к слову сказать, вполне типичной для уроженца Кеттари. Бедняге казалось, что мое лицо просто специально создано для устрашения простаков, только я, дурень, не догадываюсь слегка его подправить, для пущего эффекта. Он еще в начале нашего знакомства хотел

состряпать себе фальшивую физиономию, точную копию моей, все разрешение выпрашивал, но когда я сказал ему: «Да выгляди как хочешь, на здоровье!», – быстро сообразил, что быть моим близнецом, не обладая аналогичными возможностями, слишком опасно. Ну а теперь, вишь, дал себе волю.

– На колени, старик! С тобой будет говорить Властелин Морморы! – Рывкнул тем временем мой огромный двойник.

Зеби Хипелосис немедленно выполнил приказ.

Я пожал плечами. Как на мой вкус, все это было вовсе не страшно, зато глупо и пафосно – дальше некуда. А уж говорить о себе в третьем лице – это какая-то запредельная степень идиотизма. Даже самые безумные короли древности не опускались до такой пошлятины. «Властелин Морморы», скажите пожалуйста... И этот человек ел со мной из одной тарелки! Ну, по крайней мере, однажды точно ел. В тот день когда Старший Магистр Ордена Водяной Вороны Ихис Колубаба возжелал разорвать меня на части, но сумел только перебить всю мою посуду, да произнести ровно четверть заранее заготовленного проклятия. Потом парню стало не до того. Смерть – трудная работа, требует всего нашего внимания и полной концентрации, тут уж не до глупостей.

Драматическая сцена тем временем приобретала накал. Что бы я сам ни думал о происходящем, а старик Зеби стоял на коленях перед моим бывшим воспитанником и дрожал от ужаса.

– Ты помнишь наш прошлый разговор, бурогомистр? – прорычал великан. – Как только ты издашь указ, о котором мы договаривались, тебе приснится, что ты можешь покормить внуков. И мои люди больше не будут крутиться возле твоих внучек. Ты давно мог бы все исправить, но ты не спешишь.

– У меня недостаточно власти, чтобы выселить всех с Торгового Острова, – забормотал Зеби. – И в городской казне нет средств, чтобы выплатить компенсации...

– Это твои проблемы. Я свое слово сказал: мне нужен Торговый Остров. Он должен быть пуст. Здания можно оставить, они мне не мешают, но людей там быть не должно. Пока Торговый Остров заселен, твой внук будет умирать от голода у тебя на руках. И помни, Зеби, ему тоже снится, что он умирает. И внучкам твоим снятся удивительно сладкие сны, можешь себе представить! – великан похабно ухмыльнулся и подмигнул старику. – Ты можешь избавить их от этих снов в любую минуту. Но не хочешь. И кто из нас злодей, Зеби? Эх ты, старый, никчемный дурень!

Лаздей Махикала развернулся и пошел прочь. Но сделав несколько

шагов, остановился и снова обратился к бургомистру:

– И не забывай, на быструю смерть, положенную нарушителям обета молчания, можешь не надеяться. Стоит тебе попросить о помощи, и следующий твой сон будет последним. Зато очень, очень долгим. В этом сне я, пожалуй, позволю тебе самостоятельно трахнуть и сожрать всех твоих внуков, по очереди. Сколько их у тебя? Восемнадцать? Это хорошо. То-то развлечешься. Хочешь, рискни. Хоть завтра.

И он величественной поступью отправился к своему замку, время от времени взреывая: «Дорогу Властелину Морморы!»

Я наконец понял, на что это похоже. Так же раскатисто и пронзительно орут грузчики в речном порту столицы Соединенного Королевства: «Дорогу! Дорогу!» Очевидно Лаздею казалось, что это очень, очень круто.

Я не стал больше углубляться в воспоминания Зеби Хипелосиса. Суть я уяснил, а подробности меня пока не слишком интересовали. Правда, я никак не мог сообразить, на кой Лаздею понадобился Торговый Остров. Ну прогонят оттуда горожан – и что дальше? А вот шума вышло бы много, проверяющие из столицы толпами зачастили бы... С другой стороны, может Лаздею этого и надо? Чтобы как можно больше придворных чиновников приехали в Гажин, насладились местными кошмарами и попали к нему на крючок? Лаздей парень не промах, в смысле, с большими амбициями, наверняка спит и видит, как все Соединенное Королевство пляшет под его дудку. Ночью в этой самой дурацкой Морморе, а днем – во власти сладких воспоминаний о своих сновидениях.

Ну да, он всегда был такой романтичный мальчик.

Покинув дом бургомистра Темным Путем, я оказался на улице.

«Властелин Морморы, это надо же! – ворчал я, вспоминая нелепый титул, который выдумал для себя Лаздей. – Трехметровый всемогущий злодей, замок у него, понимаете ли, до небес, драконы прохожих кусают... Тьфу! Глупость следовало запретить прежде Очевидной магии. И карать не заключением, а смертью. Вот от чего Мир уж точно может рухнуть в любую минуту! Но поздно, увы. Еще одну гражданскую войну Соединенное Королевство, пожалуй, не выдержит».

Впрочем, будем откровенны, в ходе той прогулки я сгорал вовсе не от праведного гнева, а от обычного любопытства. Зная себя, я мог быть уверен, что не успокоюсь, пока не выясню, какими кошмарами мучает «Властелин Морморы» второго бургомистра, почтенного Валду Куныка. И заодно еще нескольких моих знакомых «больших шишек», как их называет Зогги. Лаздея-то, небось, как-нибудь обезврежу и забуду, а с этими людьми мне еще дело иметь предстоит. Все же считается, что мы

вместе служим Королю, каждый на своем посту. Слабые места союзников знать еще полезнее, чем слабые места врагов, а в этом смысле нет зрелища поучительней, чем чужие ночные кошмары. Да и времени до утра у меня навалом: вот только-только час после полуночи пробил колокол на Большом Маяке, самом высоком строении Гажина.

Поэтому несколько минут спустя Темный Путь привел меня в спальню бургомистра Валды Куныка. Мне, кроме всего, чуть ли не с детства было интересно, чем можно пронять вот таких простых, недалеких, зато сметливых, жизнерадостных и чрезвычайно удачливых дядек. У нас, в Кеттари, считалось, что вовсе ничем, но я и в юные годы не шибко полагался на общественное мнение.

Распорядок дня досточтимого Валды Куныка в отличие от привычек старого знакомого Зеби был мне абсолютно неизвестен. Поэтому я появился на пороге его холостяцкой спальни, готовый ко всему. Вполне могло оказаться, что мне придется тут же тактично исчезнуть, или напротив, ждать возвращения загулявшего хозяина. Или дружески предложить ему хорошее средство от бессонницы.

Но Валда Кунык был в постели и дрых, как миленький. Не сказать, чтобы мирно: он то всхрапывал, то постанывал, то бормотал себе под нос жалкие обрывки старых заклинаний, которые и целиком-то годятся разве что детей пугать, и не потому что работают, а просто звучат довольно эффектно.

Главное, он был на месте и спал.

Я, впрочем, уже давно заметил: мне неизменно везет, когда я желаю удовлетворить свое любопытство, а вот если исключительно ради пользы дела стараюсь, всяко бывает. Ну и поскольку сейчас я отложил дела ради удовольствия побольше выведать о кошмарах Валды Куныка, кто бы сомневался, что он будет целиком к моим услугам!

Городские сплетницы погибли бы от зависти, если бы узнали, какие эпизоды частной жизни их бургомистра были мне открыты в самом начале исследования. Но я, неблагодарный, спешно продирался сквозь сонмы румяных лиц и аппетитных ляжек, щедро приправленные яркими сценами буйных холостяцких и роскошных великосветских пирушек – вперед, к страшным тайнам Морморы. В какой-то момент я всерьез засомневался: да полно, снятся ли молодому бургомистру кошмары? Возможно мои земляки были правы, и парень не по зубам Лаздею?

И все же усилия мои были вознаграждены. Память Валды Куныка открыла мне низкое темное небо Морморы, тяжкие свинцовые тени и дымные факелы; мгновением позже я увидел мощный черной сталью и

битым алым стеклом внутренний двор замка. Повсюду были расставлены жаровни с дымящимся мясом, бочонки с иррашийским вэром, плетеные корзины с грудями теплых деревенских пирогов – простая, грубая еда, не ахти какой праздник для изнеженных желудков, но есть в ней, конечно, своя прелесть.

Между жаровен и корзин метался причудливого вида зверек, больше всего похожий на огромную раскормленную мышь. Существо с аппетитом пожирало угощение; впрочем, приглядевшись, я понял, что оно не столько ест, сколько портит продукты: надкусывает мясо, швыряет куски пирогов в бочонки с вэром, а то и просто роняет продукты в грязь. Вот уж действительно смертный ужас, ничего не скажешь.

В центре двора стояла просторная клетка, в каких перевозят цирковых оборотней. В клетке томился сэр Валда Кунык. Причем не просто так томился, а очень деятельно. На его шее висела воистину огромная связка ключей – сотен пять, навскидку. Концы этого многопудового ожерелья свисали практически до земли. Бедняга бургомистр пытался открыть замок своей темницы, торопливо пробовал ключи, суетился, сбивался, начинал все сначала. Гигантская мышь явно была в курсе его терзаний. Я заметил, что она с особым удовольствием плюется кусками пирогов в сторону клетки и даже вполне по-человечески кривляется, передразнивает суетливые движения узника.

На мой взгляд, по сравнению с тем же Зеби Хипелосисом, Валда Кунык еще дешево отделался. Ну, подумаешь, клетка ржавая, жратва недоступная, мышь какая-то огромная скачет – бродячий цирк, да и только. Но Валда Кунык страдал, как дюжина юных вдов на похоронах, совсем извелся бедняга. Деятельная натура не позволяла ему прекратить тщетные усилия; зверский голод томил не привыкший к самоограничению организм, аромат простой, свежей пищи терзал его ноздри почище раскаленных клещей, а нахальное поведение диковинного прожорливого зверя заставляло трястись от бессильного гнева.

Еще немного, и он бы меня разжалобил.

Но любопытство мое было удовлетворено сполна, поэтому я прервал эту поучительную экскурсию и покинул спальню гажинского бургомистра. Были ведь и другие высокопоставленные чиновники кроме Валды Куныка, а время не стояло на месте.

К утру я был до краев переполнен интересными впечатлениями.

Я видел, как начальник гажинской городской полиции генерал Аброха Глык корчится в цепких объятиях скелета своей покойной супруги, которая пришла, чтобы возлечь с ним на булыжное ложе под стеной Морморы. Как

я понял, Аброха преданно любил погибшую несколько лет назад жену и очень без нее тосковал. В то же время он панически боялся мертвецов, никогда не ходил на кладбища, а вид человеческих скелетов и вовсе вгонял его в ступор – при том, что в остальных вопросах глава гажинской полиции был отчаянным храбрецом. Нечего и говорить, что близость обожаемой покойницы парализовала его волю и сводила с ума.

Вот уж воистину поучительная история роковой любви, что тут скажешь.

Я слышал пронзительные вопли хранительницы местной Канцелярии Больших Денег Хатти Лакис, когда призренные слуги Лаздея силой засунули ее в сундук, да и зарыли в землю. Потом, правда, откопали, чтобы швырнуть к ногам трехметрового Властелина Морморы, который требовал начать наконец процесс перевода казенных денег на его личный счет. Перепуганная Хатти клялась, что не обладает соответствующими полномочиями (и, как я понимаю, говорила чистую правду), но Лаздей ей не верил. Он и прежде-то скверно разбирался в бюрократических делах и, как большинство несведущих обывателей, полагал, будто все крупные чиновники имеют неограниченную власть над людьми, деньгами и документами. Вот так, очень просто.

Леди Глинни Гесс, чья должность официально именуется «Глаза Короля в Гажине», а проще говоря, придворная сплетница, отправленная в почетную ссылку в качестве высокооплачиваемой надзирательницы за местными нравами и происшествиями, лежала на острых камнях мостовой, голая, грязная, предусмотрительно распяленная, чтобы всякому желающему воспользоваться ее прекрасным телом, было удобно и комфортно.

Потенциальные насильники в черных кожаных плащах однако не спешили приступать к делу. Лениво пинали бедную леди Глинни носками тяжелых кованых сапог, громко обсуждали ее недостатки: дескать, старовата, страшновата, слишком худа, да еще и грязна, как кошка с заброшенной фермы. Позубоскалив, некоторые шли мимо, некоторые задерживались, чтобы помочиться; одни целились ей в рот, кто-то норовил попасть в глаз, находились затейники, метившие в ноздрю. В этом импровизированном соревновании не было проигравших, ибо все участники демонстрировали выдающееся мастерство. Любо-дорого глядеть.

Магистр Свидри Вапла, официальный представитель Ордена Семилистника в Гажине сидел на краю самой высокой из башен Морморы. Отсюда открывался дивный вид на остроконечные крыши, тусклые огни

факелов и деловитую возню драконьих стай внизу, у самой земли. Но бедняга вряд ли мог оценить эту несказанную красоту. Руки его были связаны за спиной, а ноги болтались в воздухе, сапоги насквозь вымокли в облачном киселе, бело-голубое орденское лоохи трепал ветер, недостаточно сильный, чтобы опрокинуть беднягу вниз, а вот чтобы как следует напугать такой перспективой – в самый раз. Руки-то связаны, не ухватишься, в случае чего.

Поучительное приключение для колдуна, который не только не выучился летать, но даже со своим страхом высоты так и не справился. Будь Свидри Вапла моим учеником, я бы пожалуй и сам ему нечто в таком роде устроил. Не ради собственного удовольствия, конечно, а в воспитательных целях.

Вот ведь, выходит и от Лаздея может быть какая-то польза, кто бы мог подумать...

Начальницу гажинской таможни Ахлу Гракк нарядили в липкое от грязи и чужого пота рубище и заставили отмывать от крови, мочи и драконьего дерьма мостовые города. Бесконечный труд ее был тяжел и лишен всякого смысла: надсмотрщики в черных плащах не только подгоняли ее пинками, но и не забывали помочиться на всякий более-менее вычищенный участок. Трехметровый Лаздей стоял рядом и укоризненно отчитывал красотку Ахлу за лень, то и дело называя ее неуклюжей коровой. Никаких конкретных требований он не выдвигал. Вероятно так и не придумал, какая может быть польза от главной таможенницы. Но это не мешало ему бескорыстно наслаждаться процессом.

Адмирал Королевского флота сэр Блакси Пин был заперт в лазарете Морморы. Да не один, а в компании родных и друзей. Все они были больны анавуайной^[6], тела их постепенно превращались в жидкость и тонкими струйками стекали на каменный пол палаты. Сам Блакси Пин был совершенно здоров, зато мучился не только состраданием к умирающим, но и жесточайшей жаждой. Его гортань пылала огнем, губы потрескались, как красная глина в центре Великой Пустыни Хмиро, а вокруг было полно ароматной жидкости цвета разведенного молока, и это постепенно сводило адмирала с ума.

Лаздей часто заглядывал в эту палату, приносил с собой тонкий хрустальный стакан, искушал, посмеивался. Выжидал.

Этот эпизод показался мне несколько более интересным, чем прочие. Адмирала я взял на заметку: видать, железный человек, если ничем другим его не пронять. Надо бы иметь это в виду.

Я бы и дальше любопытствовал, мне еще как минимум дюжину

знакомцев навестить хотелось, но близился рассвет, а это означало, что с развлечениями пора кончать. И так всю ночь на сущую ерунду угробил.

Две самые важные вещи мне были ясны с самого начала, еще тогда, когда я сидел в изголовье постели Зеби Хипелосиса.

Первое – мне необходимо срочно увидеть сон про Мормору, да не чужой, а собственный. Это единственный способ быстро ухватить за шиворот ее «властелина». Лаздей – единственный, кто увяз там целиком, со всеми потрохами, на правах создателя этой диковинной ловушки для сновидцев. Думаю, он все же планировал начать со временем вылазки в повседневную реальность; до сих пор не уверен, что он знал, как это сделать. Наверняка решил, что рано или поздно все случится само собой – и это, кстати, очень правильный подход. Иначе в таком деле и не бывает.

Второе – Лаздей, конечно, не шибко умен, но явно не настолько безумен, чтобы позволить мне видеть этот сон. То есть, он меня, конечно, с радостью помучил бы, но отлично понимает, что исход нашей встречи предрешен. И нарываться не станет.

Такое противоречие совершенно меня не смущало. Дело в том, что я знал способ обмануть Лаздея. Очень простой и вполне надежный способ.

Когда хочешь ввести в заблуждение могущественного и чувствительного, но не слишком опытного колдуна, показать ему, что ты слабый, никуда не годный неудачник, совершенно не опасный противник, следует выпить немного крови другого человека, действительно слабого и беспомощного. Ну и заклинание соответствующее произнести, как же без этого. Могущество не утратишь, зато проницательному наблюдателю покажется, что у тебя большие проблемы. Обман этот работает не очень долго, часа два-три, зато противник обязательно нутром почует твою слабость – на расстоянии, или вблизи, да хоть голову на его подушку клади, не имеет значения. Отличный трюк, я прежде им часто пользовался. Всего-то четвертая ступень Белой магии, не о чем говорить, но мало кто знает сей фокус. Вернее, почти никто. Маленький интимный секрет старого друга, славный был подарок, один из самых полезных в моей жизни.

Я не сомневался, что заподозрив во мне хоть малейший изъясн, Лаздей не устоит перед искушением. Он азартен, недальновиден и ужасно хочет меня победить, чтобы наконец перестать бояться – именно то, что требуется.

На рассвете я постучал в дверь Зогги Хлакка. Белый Клок не удивился и не рассердился на меня за столь ранний визит. Улыбнулся, зевнул, сказал: «Хорошее утро, сейчас будем завтракать», – и, протирая глаза, отправился на кухню, а я пошел следом.

– Зогги, – сказал я, устраиваясь на высоком самодельном табурете, – будешь смеяться, но я пришел пить кровь твоих детей.

– А вчерашняя камра тебя не устроит? – невозмутимо спросил он. – Я гостеприимный человек, Джуффин, ты это знаешь. Но всему есть предел.

– Ладно. Я парень скромный, могу обойтись одним младенцем. Мне крови-то всего пару глотков нужно. Для здоровья это скорее полезно, чем наоборот. И больно не будет, я все же неплохой знахарь.

– Да, знахарь ты отменный, – согласился мой друг. – Настолько, что я бы посоветовал тебе сменить профессию, если бы имел глупость думать, будто ты станешь слушать чьи-то советы...

– Я и так в некотором роде знахарь, – проворчал я. – Вот сейчас собираюсь вылечить жителей Гажина от ночных кошмаров. Всех одним махом. Ох, Зогги, как же тебе все-таки повезло с арварохским папашей!

Я вкратце пересказал ему содержание некоторых чужих сновидений. Зогги слушал внимательно, особо не ужасался, но сердито хмурил брови, а это для человека его темперамента немало.

– Какой все-таки паршивый, дрянной мальчишка этот твой Лаздей Махикала, – наконец сказал он. – Всегда это знал, но не представлял, насколько... Ладно, а кровь-то тебе зачем? Может возьмешь мою? Или ты так, для смеху сказал?

Пришлось обстоятельно объяснять Зогги, что я затеял, и почему его кровь не подходит. Я уж расстарался, вознося хвалу неуязвимости уроженцев Арвароха и их потомков. Знал, что мой друг по-детски любит лесть, хотя виду не подает, конечно.

– Хорошо, – наконец решил Зогги. – Ты меня убедил. Сейчас разбужу Лотку. Ильса у нас гораздо храбрее, как все девчонки в эти годы, а ему надо воспитывать характер. Только ты уж прости, Джуффин, мне придется сначала все объяснить и получить его согласие. С детьми иначе нельзя.

– Ладно, как скажешь, – согласился я, потрясенный его педагогическими приемами.

Я-то честно говоря, думал, что мы быстренько все провернем, пока дети спят, чего канителиться? В тех науках, которыми меня в свое время потчевал старый шериф Кеттари Махи Аинти, мнение ученика почти никогда не принимается в расчет, иначе пришлось бы столетиями толочь воду в ступе. С другой стороны, что я знаю о воспитании совсем маленьких детишек? Это вам не юношей вздорных колдовству обучать.

Зогги не было довольно долго. За время его отсутствия я успел набить трубку, выкурить ее, остудить, аккуратно вычистить, спрятать в футляр, немного подумать и снова достать. Но тут он как раз и объявился, да не

один, а со своим питомцем. Мальчик смотрел на меня исподлобья, хмурил брови совсем как его опекун, но робости не выказывал. Поздоровался, сказал: «Только глядите, чтобы не больно, Зогги обещал», – и протянул мне руку.

– Спасибо, сэр, – церемонно поклонился я. – Соединенное Королевство не забудет вашего великодушного жеста.

От такого обращения юный Лотка надулся, как придворный казначей Его Величества Гурига Восьмого и со сдержанным достоинством кивнул. Я счел это сигналом к действию, положил ладонь на его запястье, чтобы нейтрализовать боль, аккуратно прокусил вену – нож мне в таком деле ни к чему. Подождал, пока рот наполнится теплой солоновато-сладкой жидкостью. Двух небольших глотков крови, по моим расчетам, должно было хватить за глаза.

Минуту спустя у меня была только одна серьезная проблема: заставить этого непоседу сидеть смирно, пока я исцеляю его рану. Совсем пустяковое дело, но даже такую ерунду невозможно совершить, когда пациент пытается стащить вашу трубку, залезть на стол и выпрыгнуть в окно – одновременно.

Но я справился и с этим. Иногда мое могущество действительно почти безгранично. Сам поражаюсь.

– А теперь будим Ильсу, и завтракать! – решительно сказал Зогги.

Я покачал головой.

– Без меня. Мне нужно как можно скорее уснуть, а то все насмарку, я же тебе объяснял.

– Можешь лечь в моей спальне, чтобы никуда не ходить, – кивнул он.

– Спасибо. А я могу быть уверен, что меня никто не разбудит? Это может оказаться очень некстати.

– Я тебя запру, а ключ положу в карман. Ты-то и без него выйдешь, когда проснешься, верно?

– Пожалуй. Но замок может не пережить такого потрясения.

– Для дорогого гостя ничего не жалко, – махнул рукой Зогги. – Ну пошли, коли так.

Спальня Зогги оказалась небольшой комнатой под самой крышей. Строго говоря, это был чердак, чисто прибранный, уставленный деревянными сундуками, с пучками сухой травы под кровельными балками и старинной подзорной трубой, установленной у единственного треугольного окошка.

Я не раздеваясь улегся на просторное жесткое ложе, помахал Зогги рукой и закрыл глаза.

– Вмешиваться точно не надо? – спросил он прежде, чем уйти. – Если ты, к примеру, до ночи не объявишься, что, все равно не будить?

– Да сам проснусь, куда я денусь, – отмахнулся я. – И не к ночи, а гораздо раньше. Все же не с Лойсо Пондохвой разбираться буду... Ты, самое главное, вот что: непременно сообщи городским сплетникам, что я пью кровь невинных младенцев. И кому-нибудь из приятелей, кто в Ехо остался, пошли зов и Расскажи, только без успокоительных подробностей. Мне для работы позарез нужна плохая репутация, а в последнее время как-то руки не доходят до настоящих злодейств.

Он хмыкнул и ушел. Зная Зогги, я не сомневался, что новость быстро разнесется по Соединенному Королевству. Он всегда ответственно относился к просьбам друзей, даже к самым дурацким. Так что я мог спать спокойно.

Спать спокойно, о да.

Единственное, что меня решительно не устраивало – так это как раз перспектива спокойно спать до самого заката. А потом, после очередной порции детской крови – еще раз и еще. Вот уж было бы развлечение! Все-таки Лаздей меня хорошо знает и боится. Одна надежда на его азарт. И на его глупость, конечно.

Он бы, пожалуй, все же не решился пустить меня в Мормору. Но тут уж я расстарался, использовал все свое влияние на бывшего ученика, благо такая связь никогда не обрывается окончательно, причем от желания заинтересованных сторон мало что зависит. Иные и хотели бы покончить с прошлым, да не могут: тут требуется великое могущество и изощренное мастерство. Мой учитель, старый кеттарийский шериф Махи Аинти в свое время сумел разорвать связывавшие нас узы – так то Махи. Я ребят вроде него, честно говоря, вообще больше никогда не встречал.

Но нет худа без добра, на сей раз влияние на бывшего ученика сослужило мне хорошую службу.

Когда я осознал, что понемногу проваливаюсь в какой-то дурацкий сон о зеленых рощах, горных ручьях, певчих птицах и прочей задушевной хренотени, я сконцентрировался, представил, что стою за спиной Лаздея и вкрадчиво нашептываю ему на ухо: «Совсем сдал твой учитель, стар стал и слаб, плохи дела мои, парень, ох плохи!»

Усилия не были напрасны. Какое-то время спустя приятные, но бессмысленные видения рассеялись, и я оказался в той самой нарядной голубой комнате с запертыми окнами, куда меня привел давешний сон Абилата. Ясно почему: Лаздей не рискнул вот так сразу обрушить мне на голову темные башни Морморы. Решил для начала присмотреться ко мне

получше на нейтральной, с позволения сказать, территории.

Это была еще не победа, но серьезный шаг в нужном направлении.

Я собрал волю в кулак и как следует постарался изобразить растерянность. Разумеется, испугаться Лаздея я бы, пожалуй, не смог, даже если бы призвал на помощь все свое могущество. Оно и к лучшему: зачем перегибать палку? А вот ощутить смутное беспокойство, даже тревогу – это, при должной концентрации, очень просто. Тем более, я действительно был немного на взводе, как всегда в начале охоты. Почти всерьез волновался: а ну как парень не заглотит наживку целиком, подержит меня в этой комнате, да и отпустит восвояси, так и не пожаловав на свидание.

А мне позарез требовалась личная встреча – хоть в голубой гостиной, хоть под стенами Морморы, все равно. Лишь бы оказаться рядом с Лаздеем, всего на миг. Этого совершенно достаточно.

Плохо, что он, вероятно, и сам это понимал.

В надежде, что за мной внимательно наблюдают, я призвал на помощь все свое актерское дарование. Нарезал круги по периметру комнаты, нервно озираясь по сторонам, время от времени предпринимал жалкие попытки открыть окно. Тут важно было не перестараться: я-то не только окно открыть, но и комнату с садом уничтожить мог одним прикосновением безымянных пальцев к собственным векам – техника простая, но, хвала Магистрам, мало кому известная.

Но я разумеется держал себя в руках. Трудолюбиво метался из угла в угол, изображая мятежного Магистра в первый день заключения – уж этого добра я в свое время нагляделся по самое не могу. Вот и пригодилось, теперь я знал, что надо делать: жесты мои были неуверенными, глаза – злыми, а мысли – пронзительными, как вопли.

«Окно не открывается! – думал я, стараясь как можно более четко формулировать всякую паническую мысль. – Совершенно невозможно отпереть это грешное окно! И двери – где двери? Нет тут никаких дверей. Дверей нет, и это очень, очень скверно. Как же я не люблю, когда нет выхода! Даже если во сне – особенно во сне! Наяву я бы просто высадил это грешное окно, но во сне все не так. В этом сне все не так, как обычно бывает, и я не понимаю, почему. Хоть убей не понимаю!»

Таким образом я провел примерно час и, честно говоря, начал уже терять веру в более-менее осмысленное продолжение уготованного мне «кошмара». Заподозрил даже, что Лаздей оказался куда тоньше, чем я думал, вот и устроил для меня такое изощренное издевательство. Кстати, как на мой вкус, это был бы неплохой ход: я действительно очень не люблю находить свои капканы пустыми, а еще больше не люблю чувствовать себя

идиотом. Лаздей это отлично знал, вот и мог бы обеспечить мне оба удовольствия сразу, совершенно бесплатно. Но он прохлопал свой шанс, болван.

Как я теперь понимаю, все это время «властелин Морморы» вовсе не издевался, а просто ко мне присматривался. Счастью своему, надо думать, поверить не решался. Но наконец все-таки поверил: больно уж хотелось.

Окружавший меня безопасный мирок рухнул вполне внезапно, да с таким диким грохотом, что наяву, пожалуй, даже хороший колдун оглох бы. Но в сновидении человек куда более крепок. Не только я, кто угодно.

Так или иначе, но ожидания мои оправдались. Вместо мягких ковров под ногами теперь сверкали заостренные камни мостовой, обильно политые кровью и дерьмом, в черно-буром небе гостеприимно пылала уже знакомая мне надпись «Добро пожаловать в Мормору», тусклые факелы весьма выгодно оттеняли страдальческие лица немногочисленных истощенных статистов. При всем своем несовершенстве эта реальность была настолько более умелым творением, чем давешняя голубая комната, что я чуть было не пришел в хорошее настроение. Но вовремя заметил эту опасную тенденцию и взял ситуацию под контроль. Тщательно приуныл, умело встревожился. Может и не стоило из кожи вон лезть ради этого болвана Лаздея, но я не люблю делать что-то наполовину.

Пока я любовался пейзажем, тяжелые ворота замка распахнулись настежь, чтобы открыть моему взору поучительное зрелище: парадный выезд Лаздея Махикалы, специально приуроченный к прибытию почетного гостя.

Навстречу мне выступила целая армия отъявленных злодеев богатырского сложения, элегантно задрапированных в черные плащи из кожи арварохской рыбы рухас. Матерые убийцы и насильники, все как один – вполне безобидные наваждения, иллюзия чуть более достоверная, чем давешние разноцветные воробы и плюшевые игрушки. Но выглядели ребята очень и очень неплохо.

Некоторые воины Морморы держали в руках окровавленные тела младенцев, которых с аппетитом пожирали на ходу, как огромные бутерброды. Другие тащили за собой на цепях искусно сработанные копии моих друзей и врагов – причем только тех, о чьем существовании знал Лаздей; добыть дополнительную информацию, порывшись в моем сознании, он, конечно, не сумел. Ребята, надо сказать, вышли совсем как живые, человека чуть менее сведущего и более чувствительного, чем я, до слез могли бы довести их терзания. Копии друзей передвигались на четвереньках и флегматично покряхтывали, демонстрируя утробную муку.

Враги то и дело становились на дыбы, клацали зубами, как взбесившиеся хищники, норовили на меня броситься. Кстати, видел бы сэр Лойсо Пондохва своего двойника, он бы Лаздея, пожалуй, собственноручно за уши оттащил прежде, чем прикончить. Уж насколько он был равнодушен к забавам дилетантов, но тут и его проняло бы, не сомневаюсь.

Шествие озвучивалось душераздирающим воем труб, лязгом трещоток и рваным ритмом барабанов. Кстати, ничего так музыка вышла, вполне в моем вкусе, хотя приглашать этот оркестр для сопровождения детского праздника я, пожалуй, все же не стал бы. Всему свое место и время.

В небе парили драконы. Мелкие и упитанные держались ближе к земле, обильно удобряя ее жгучим, разъедающим камни мостовой пометом. Более крупные твари летали повыше и гадили пореже, зато время от времени затевали битву, тогда вниз летели кровавые клочья, а визг и рев ополоумевших тварей на время заглушали звуки оркестра.

Лаздей не возглавлял свое войско, как положено генералу на параде, а держался в арьергарде – похвальная осторожность. Трехметровый рост он за собой сохранил, но хоть от моей физиономии отказался. Глупо пугать человека пародией на его собственную внешность, это даже Лаздею было понятно. Поэтому он просто немного поработал над своей рожей, перекосив ее самым удручающим образом. Успеха у девушек ему бы эти усилия явно не прибавили, но довести до слез дюжину-другую младенцев парень смог бы без особого труда. В одной руке он держал точную копию Смертного Посоха моего приятеля Лойсо Пондохвы – ну, этот его знаменитый жезл, якобы заживо испепеляющий всякого, на кого укажет владелец. В другой – череп, наполненный не то кровью, не то просто компотом из алых ягод, во всяком случае, Лаздей то и дело подносил свою чашу к губам и с явным удовольствием прихлебывал.

Мне до сих пор любопытно: неужели бедняга всерьез рассчитывал потрясти меня этим выездом? Ну да, я конечно постарался на совесть, прикинулся ослабшим и беспомощным – но не выжившим же из ума!

Впрочем, возможно Лаздей не столько пугал меня, сколько хвастал своим нынешним могуществом и величием. Вот, дескать, полюбуйся, дорогой учитель, я уже большой мальчик и весьма преуспел в магии. Смотри, какой красоты в твоём – именно в твоём! – сновидении наворотил, и это только начало.

А что, очень может быть, что именно хвастался. С него бы стало. Вообще я уже не раз замечал, с большинством людей дело обстоит так: сколь плохо о них не думай, рано или поздно непременно выяснится, что ты все равно переоценил противника. Для дела так даже лучше, но за

человечество всякий раз становится немного обидно. Я понимаю, люди несовершенны, но надо же хоть немного стараться.

Вдоволь налюбовавшись парадным выездом Властелина Морморы, я понял, что пора прекращать это удовольствие. Чем скорее, тем лучше.

Собираясь в Мормору с дружеским визитом, я намеревался пообщаться с Лаздеем подольше. Попросить пощады в обмен на помощь, вызвать парня на откровенность, выслушать, поиграть, позабавиться всласть, и только потом прикончить вместе с его драгоценной Морморой. От идеи оставить Лаздея в живых я отказался почти сразу. Не то чтобы меня обуяла жажда крови, но убить создателя – самый простой способ уничтожить иллюзию, а я никогда не искал сложных путей.

Собственно, именно поэтому я и собирался затеять с ним долгий душевный разговор. Мало ли, а вдруг расскажет напоследок что-нибудь интересное. Чтобы, значит, не совсем уж впустую жизнь прожита была.

Но мало ли, что я там поначалу собирался. План, который нельзя изменить в любую секунду, повинуюсь необходимости, или прихоти, ничего не стоит. Мне вдруг стало скучно возиться с Лаздеем. В деревенском трактире представление посмотреть – и то куда как поучительней будет. И увлекательней заодно.

Поэтому я просто прикинул расстояние, убедился, что мой Серебряный огонь преотлично до него доберется, в последний раз поглядел на сияющую от счастья физиономию бывшего ученика, который только-только изготовился как следует на меня рывкнуть, и метнул в него молнию, так и не вступив в переговоры. О чем, собственно, переговариваться, когда и так все ясно?

Ну, то есть, мне тогда казалось, что ясно.

Прежде, чем просыпаться, я еще немного постоял, поглядел, как рушатся черные башни Морморы, как растворяются в воздухе призрачные вассалы ее властелина и нескладные пузатые драконы, как светлеет небо, а мостовая чудесным образом очищается от кровавых помоев, на радость любителям порядка. Меня, конечно, немного удивило, что наваждение не исчезло сразу же, как только я прикончил его создателя. Но что я в ту пору знал о природе древних уандукских наваждений? Правильно, ничего. Ну, почти.

Нечего и говорить, что я проснулся, совершенно довольный собой и спокойный за судьбу жителей города Гажина. Мормора теперь если кому теперь и приснится, так только потому, что некоторые кошмары довольно трудно вот так сразу забыть навсегда. Но Лаздея там уж точно не будет, и банды его призрачной, дурно воспитанной – тоже. Что, собственно, и

требовалось. Да здравствую я.

Без особых сожалений покинув жесткое ложе, я отправился вниз. Через стеклянную дверь заглянул в трактир, убедился, что зал не слишком полон, но и не пуст. Шесть посетителей – для утра второго дня года очень даже неплохо.

Но заходить в обеденный зал я не стал, пошел на кухню. Зачем и дружить с хозяином трактира, если не ради привилегии без спроса совать нос в его священное убежище?

Зогги, надо сказать, и без меня не слишком скучал. Дети-то играли в саду, по крайней мере, оттуда доносились их возбужденные голоса, зато на табурете возле плиты восседал сэр Абилат. В руках у него была кружка, парень поглощал хозяйскую камру в очень неплохом темпе и с явным удовольствием, из чего я заключил, что все остальные гажинские повара готовят этот напиток еще хуже, чем Зогги. Было о чем призадуматься. А я-то, дурень, старался, спасал этот город...

– Ты как тут оказался? – спросил я.

– Ну я же все-таки в Тайном Сыске работаю, – почти обиженно сказал Абилат. – Хорош бы я был, если бы не сумел отыскать такого заметного человека как вы!

– Как дела-то? – осведомился Зогги. – Все получилось, да?

– По крайней мере, мне приснился сладкий сон, в финале которого я грохнул этого засранца, Лаздея. Не так уж и плохо. Впрочем, это что! Говорят, некоторые во сне стихи сочиняют, вот этого я точно не умею.

– То есть, больше нет... Ну, этого места? – обрадовался Абилат. – И горожане больше не будут... э-э-э... видеть сладкие сны?

– Ну, по идее, да, – кивнул я. – Кошмары кончились.

– Знаете что странно? – спросил Абилат. – Вы его убили, а я по-прежнему не могу называть вещи своими именами. Даже вот имя этого... м-м-м... замечательного места выговорить не могу. Почему так?

– Действительно странно, – нахмурился я. – Когда колдун мертв, наложенные им заклятия тут же утрачивают силу. Не на следующий день, не через год, а немедленно. Ты уверен, что действительно не можешь ничего сказать? Это не привычка?

Абилат помотал головой.

– Точно не могу. И вряд ли это просто привычка. В горле ком, пальцы судорогой сводит, когда пытаюсь выговорить название этого... э-э-э... волшебного города. О большем и речи нет.

– А ну-ка, дай мне тебя осмотреть, – потребовал я. – Сейчас поглядим, что это: заклятие, или нервы.

– Вы для этого руки на шею кладете? – удивился Абилат. – И что?..

– И все, – отрезал я. – Помолчи немножко, ладно? Потом расскажу подробно и даже покажу, если захочешь хоть что-нибудь полезное не по книжкам выучить.

Самый поверхностный осмотр показал: парень по-прежнему связан обетом молчания, в точности таким же, что и бургомистр Зеби Хипелосис, которого я осматривал вчера. Заклятие работало, да еще как, любо-дорого глядеть, словно бы и не убивал я никакого Лаздея, а так, сладкий сон о легкой победе видел на рассвете, с кем не бывает.

Ничего себе дела.

С другой стороны, так даже интереснее.

– Так, – сказал я. – Господа, вы присутствуете при историческом моменте. Кажется, я сваял дурака. По-хорошему, надо бы вас порешить, как свидетелей моего позора, но ладно. Ограничусь настоятельной просьбой не рассказывать об этом чудесном событии на всех углах и перекрестках.

– Что случилось-то? – нахмурился Зогги. – Хочешь сказать, ты его не убил? Тебе просто примерещилось?

– Очень на то похоже. Не примерещилось, конечно, но что-то пошло не так. По крайней мере, надо проверить.

– Что-то у вас от меня одни неприятности, – огорчился Абилат.

– Ничего, переживу как-нибудь. Что действительно плохо: в крак мне сегодня с Зогги, судя по всему, не играть. И в постели с книжкой не валяться. Во всяком случае, не прямо сейчас. Все остальное поправимо.

– А ты что ли в крак со мной играть собирался? Нашел дурака, – проворчал Зогги.

– Мало ли что я собирался. Все равно теперь не до того. Считай, повезло тебе. Сегодня не разоришься.

Я встал и направился к выходу.

«А мне что делать?» – спросили эти двое, хором.

– Пить камру и ждать хороших новостей, – строго сказал я.

Покинув «Белый Клок», я прямиком отправился в резиденцию Свидри Ваплы, Старшего Магистра Ордена Семилистника в Гажине. Рассудил так: из всех узников Морморы Магистр Свидри единственный более-менее стоящий колдун. Следовательно, бояться он должен гораздо меньше, а доверять мне – хоть немного больше, чем прочие, хотя бы потому, что мы говорим на одном языке. Мне, собственно, только и требовалось, что быстренько усыпить кого-нибудь из давешних страдальцев и заглянуть в его сон: что там творится? Потому что пока я, честно говоря, не знал, что и

думать.

С одной стороны, я очень качественно убил Лаздея. В возможностях своего Серебряного огня я, хвала Магистрам, мог не сомневаться. На Темной Стороне и в любом сновидении это – абсолютное, безупречное оружие. Единственный способ уцелеть – вовремя увернуться. А Лаздей не уворачивался, он даже не предполагал, что я способен напасть. Значит – что? Значит он должен быть мертв. Но если так, то почему работают его грешные заклинания? Что вообще происходит?!

«Паутина на Темной Стороне, – напомнил я себе. – То-то она мне так не понравилась. Лаздей парень не промах, без царя в голове, зато с воображением. Ясно же, что он пытался сделать Мормору новой реальностью, которая постепенно заняла бы место настоящего Гажина. Сны горожан – это только начало. Остается понять, насколько далеко ему удалось продвинуться.»

Резиденция Ордена Семилистника в Гажине находилась в высоком, очень красивом трехэтажном доме на Ветренной Набережной. Его яркосинюю крышу, увенчанную изящной башенкой в куманском стиле, было видно почти из любой точки города.

Дверь мне отворил юный щекастый послушник, румяный и, кажется, вполне довольный жизнью. Зато хозяин дома был мрачнее тучи. Положенное приветствие буркнул сквозь зубы, только что посудой в меня не кидался. Сразу видно, если бы толстый послушник не сваял дурака, не сообщил бы мне с порога, что Магистр Свидри дома, не видать бы мне аудиенции, как своих ушей. Но тут уж бедняге просто некуда было деваться.

Вот и славно.

Я делал вид, будто не замечаю его недовольства. Вот уж что я не только хорошо умею, но и люблю – игнорировать чужое недовольство. Будь моя воля, только этим бы и занимался. Уселся в кресло, неторопливо набил трубку, дождался, пока нам принесут камру, наговорил комплиментов искусству здешнего повара (надо сказать, совершенно незаслуженных). И, когда Магистр Свидри был готов лопнуть от гнева и нетерпения, подмигнул ему и сказал:

– Я все знаю, Свидри. Про Мормору, и про башню эту дурацкую. И что у вас не было никакой возможности сообщить об этих неприятностях Магистру Нуфлину, и что даже сейчас вы не можете говорить на эту тему – все знаю. Но слушать вы можете, ничего с вами не случится. Это я уже проверил на ваших товарищах по несчастью. Заклятие на вас наложено крепкое, но накладывал его легкомысленный болван. Он очень многого не

предусмотрел, и это к лучшему.

Магистр Свидри моргнул от неожиданности, вздохнул с явным облегчением, даже улыбнулся краешком рта.

– Слушать я и правда могу, – согласился он. – Грешные Магистры, как же хорошо, что не надо ничего рассказывать!

– Не надо, – подтвердил я. – Сам все расскажу.

Следующие полчаса я ораторствовал, а Свидри внимал. Очень благодарный и трепетный слушатель оказался. Оно, впрочем, и неудивительно.

Завершив доклад, я приступил к делу.

– Мне необходимо немедленно проверить, существует ли Мормора после того, как я убил Лаздея. Для начала – разделить ваш сон и поглядеть, что вам теперь приснится.

Он тут же улегся на ковер, подложил под голову диванную подушку и вежливо сказал:

– Прошу вас.

Кто бы сомневался. Одно удовольствие иметь дело с ребятами из Семилистника, уж эти свою выгоду не упустят. Любой другой еще час угрохал бы на расспросы, пытаясь выжать из меня как можно больше успокоительных объяснений и хоть какое-то подобие гарантии безопасности. А этот сразу оценил возможность навсегда отделаться от Властелина Морморы, если окажется, что тот все еще жив. Ну или хоть первым узнать, что опасность миновала, и посвятить вечер удовольствиям, а не тревогам, тоже ведь неплохо.

– Только одна просьба, – сказал я, укладываясь рядом. – Поскольку это будет ваш сон, а не мой, пожалуйста, не забывайте, что этот парень, Лаздей Махикала, всего лишь мой ученик, причем не шибко успевающий. Было бы обидно удирать оттуда, сломя голову, только потому, что вы верите в него больше, чем в меня.

– Думаю, с этим не будет проблем, – пообещал Свидри. – Я, знаете ли, весьма о вас наслышан, сэр Халли.

Я же говорю, приятно иметь дело с профессионалом.

Усыпив Магистра Свидри, я незамедлительно убедился, что Мормора по-прежнему цела и невредима. Даже очистившиеся у меня на глазах мостовые снова блестели от крови и дерьма, а исчезнувшие было драконы вернулись в небеса. Ну и красавчики в черных плащах носились по улицам, как угорелые, высматривали: вдруг кто-нибудь сидит под забором, неизбитый, неизнасилованный – непорядок! Правда парадный выезд нам не показали. Ну да, это же был не мой сон, а бедняга Свидри, надо

понимать, не заслуживал торжественной встречи.

На сей раз Лаздей не стал церемониться и приглашать нас в голубую гостиную. Какой смысл окружать меня плюшевыми игрушками после того, как я видел его во всей красе? Скажу больше: у него хватило нахальства поместить Магистра Свидри на верхушку все той же высоченной башни, где я его уже наблюдал. Как я понимаю, это сон снился ему каждую ночь, разнообразием своих узников Лаздей не жаловал.

Я не стал растягивать удовольствие: быстренько усмирил ветер, ухватил Магистра за шиворот, чтобы сдуру не сиганул куда-нибудь раньше времени, а потом просто заставил землю приблизиться к нам настолько, что вскоре мы смогли спрыгнуть на тротуар, как с высокого табурета. Наяву мне пришлось бы хорошо потрудиться, но во сне такие фокусы проделывать легче легкого. Даже в чужом сне.

– Ну ничего себе трюк, – завистливо вздохнул мой сновидец.

Я скромно пожал плечами, а про себя подивился: и это Старший Магистр самого могущественного (вернее, единственного уцелевшего) магического Ордена в Соединенном Королевстве! Чем они вообще там занимаются целыми днями, хотел бы я знать?! Свои знаменитые винные погреба инспектируют, так, что ли?

Тем временем мой приятель Лаздей Махикала наконец-то появился в поле моего зрения. На сей раз он не стал устраивать парад – и на том спасибо. Просто вышел тихонько из-за ближайшего угла. Вероятно, всерьез надеялся, что я его не замечу и можно будет украдкой подобраться к нам сзади. Для человека трехметрового роста довольно смелое предположение, что и говорить.

– Ты совершенно напрасно пытался убить меня, Джуффин, – торопливо сказал Лаздей, когда понял, что напасть сзади не получится. – Ты не понимаешь, я теперь бессмертен. Но со мной вполне можно договориться. То есть, тебе – можно. Если хочешь, мы поделим территорию, и я...

– Никогда не посягнешь на мою половину? Рехнуться можно, какое великодушное предложение! – ухмыльнулся я. Протянул руку, метнул сноп Серебряного огня и быстренько прикончил Лаздея: а чего тянуть-то? Если человек утверждает, что бессмертен, грех не проверить его смелое предположение на практике.

Черные башни Морморы рухнули к нашим ногам, но ни один камень не причинил нам ни малейшего ущерба. Солнце вышло из-за туч, злодеи с драконами дисциплинированно испарились, а между окровавленными булыжниками стала пробиваться весенняя трава.

– Мне приснилось, что М-м-мо... Что это место уничтожено? – изумленно спросил Магистр Свидри. – Или оно на самом деле?..

– Хороший вопрос, – откликнулся я. – Очень хороший вопрос. Но думаю, для вас эта история точно закончена. Можно просыпаться.

Разбудив своего помощника, я тут же снова его усыпил, чтобы удостовериться, что Мормора ему больше не приснится. Повторил эксперимент раза три и успокоился: сны Магистра Свидри Ваплы были просты и невинны. Впрочем, на его месте я бы, пожалуй, старался спать пореже: скука смертная. Зато никаких кошмаров.

Однако говорить о Морморе бедняга по-прежнему не мог. Чудеса, да и только!

Попрощавшись с Магистром Свидри, который смотрел на меня, как на своего спасителя и только что рук целовать не порывался, я отправился прямехонько в местное Управление Порядка, где после краткой доверительной беседы и убедительного совета верить в мое могущество усыпил генерала Гажинской Полиции Аброху Глыка прямо в его кабинете.

Мормора, как я и ожидал, была на месте; изменений в обычном сценарии не наблюдалось. Я помог бедняге генералу отбиться от мертвой жены, потом мы довольно долго скитались по городу в поисках Лаздея, который на сей раз не спешил выходить мне навстречу. Парня можно понять: в последнее время я был с ним недостаточно ласков.

В конце концов пешая прогулка по Морморе мне надоела. Трактиров здесь не было, а злодеи в черных плащах наотрез отказывались играть со мной в карты. Пришлось вспомнить старый добрый ритуал Призыва и вытащить Лаздея на свидание. На сей раз я не дал ему сказать ни слова. Ухватил за шиворот и немедленно проснулся.

До сих пор этот трюк срабатывал безотказно. Я из сновидения кого угодно могу за шиворот притащить; другое дело, что всякое иллюзорное существо наяву тут же становится призраком, причем совершенно бессмысленным и бестолковым. Зато настоящие живые люди и прочие чудовища остаются моей законной добычей – проверено, и не раз.

Но тут я проснулся с пустыми руками, зато в обнимку с генералом Глыком – вот уж действительно несказанное счастье. Пришлось снова его усыплять, бродить по Морморе, отправлять по новой ритуал Призыва, любоваться рожей Лаздея, перепуганной и торжествующей одновременно, метать Серебряный Огонь. Некоторые, с позволения сказать, «опасные приключения» бывают скучнее, чем уборка собственной кухни, уж поверьте специалисту.

В результате вышеописанного бессмертного подвига генерал Аброха

Глык был навсегда избавлен от необходимости видеть во сне Мормору (и свою покойную супругу заодно), а я – от последних иллюзий, что мне удастся покончить с Лаздеем без особого труда. К этому моменту мне стало окончательно ясно: созданная им реальность потому и живуча, что существует в сновидениях и в памяти огромного числа людей, питается их вниманием, страхом и истовой верой в подлинность кошмара. Лаздей, что бы он там ни говорил, вовсе не бессмертен, но у него ровно столько жизней, сколько сновидцев втянуто в созданный им кошмар. И только тот, в чьем сне Властелин Морморы погиб, будет избавлен от его назойливого гостеприимства.

То есть, понятно, какое им нужно лекарство. Но Гажин большой город, почти такой же большой, как Ехо, здесь тысяч семьдесят человек живет. И если хотя бы половина... впрочем, ладно, даже если только десятая часть населения видит сны про Мормору, дело плохо. Интересный поворот: мучитель, оставался в живых благодаря своим жертвам, которые многое отдали бы за возможность его уничтожить. Лихо закручено.

Я был почти по-настоящему сердит. Нечего сказать, отдохнул. Какая, дырку надо мной в небе, удачная была идея: хорошенько отоспаться в Гажине, распутывая так называемое «пустяковое дельце».

Впрочем, желание мое в каком-то смысле сбылось: в последнее время я только и делал, что видел сны. По большей части чужие, но это уже другой вопрос. Не следует быть слишком привередливым.

Покинув Управление Порядка, я понял, что не только сердит, но и голоден. Что ж, по крайней мере, хоть эту проблему можно было уладить быстро и совершенно бесплатно. Десять минут быстрым шагом, и я в «Белом Клоке», даже Темным Путем пользоваться ни к чему.

Зогги и Абилят за время моего отсутствия нашли общий язык, перешли на «ты» и только что не побратались – хотя кто их знает? Теперь они сидели за кухонным столом, уписывали сырный танг и увлеченно сплетничали. Правда мое появление вынудило их изобразить на лицах скорбную озабоченность. Ребята очень старались, но результат никуда не годился. Впрочем, оно и к лучшему.

– Ну как? – хором спросили они.

– Хуже не бывает, – отчитался я. – Когда я убиваю Лаздея в чужом сне, я избавляю от кошмаров одного-единственного человека: самого сновидца. Вот, двоих уже избавил. Небывалое достижение.

– И теперь вам придется спать со всеми жителями Гажина по очереди? – восхитился Абилят. – Вот это да!

– При всем желании не могу разделить твой энтузиазм. У меня были

несколько иные планы на ближайшие двадцать лет. Не хотелось бы вот так сразу от них отказываться. Нет, это не выход. Даже если я действительно плюну на свои обязанности в столичном Тайном Сыске и займусь врачеванием жителей Гажина, Лаздей за эти годы такого наворотить успеет... Не годится. Надо как-то иначе.

– А есть варианты? – поинтересовался Зогги, поставив передо мной большую деревянную тарелку.

– Варианты есть всегда. Другое дело, что среди них может не быть ни одного приемлемого. Самый простой способ: отправиться на Темную Сторону Гажина и уничтожить тамошнее небо, это я хоть сейчас. Вот пообедая, и можно отправляться. Правда, Гажин станет после этого воистину жутким местом, куда уж там этой вашей Морморе. Нет ничего страшнее города, Темная Сторона которого разрушена. От нынешнего Гажина это будет отличаться примерно как оживший мертвец от живого человека.

– Не годится, – сказал Зогги. – Одну мерзость на другую менять – какой смысл? А может просто людей отсюда увезти?

– Я об этом думал. Но, насколько я понимаю, это поможет только тем, кто еще спит спокойно, если такие еще остались. Я совершенно уверен, что первый кошмар про Мормору может присниться только в Гажине – по крайней мере, пока. Но если уж человек начал видеть эти сны, отъезд ничего не меняет. Верно, Абилат?

Тот ничего не сказал, только закивал энергично. Ну, ясно: уж он-то пробовал.

– Ясно, – вздохнул Зогги. – Догадываюсь, каков будет третий вариант: убить всех горожан и снести Гажин с лица земли, чтобы остановить заразу. Так?

– Ну ты загнул. Все-таки сейчас не Смутные Времена, а я не Лойсо Пондохва.

Мне не хотелось признаваться Зогги, что этот вариант я тоже обдумывал и отклонил только после некоторых колебаний, как преждевременный. Вряд ли мой друг оценил бы такую откровенность по достоинству.

Мы замолчали. Я воспользовался паузой, чтобы съесть наконец свою порцию. А вот мои сотрапезники совсем приуныли.

– Должен быть еще вариант, – сказал я, откладывая в сторону столовые приборы. – Не может его не быть. Давайте, что ли, действительно в картишки перекинемся, по маленькой, горсть за партию, ну? Мне так думается лучше.

– Знаю я твою «горсть за партию», – проворчал Зогги. – Все равно нескольких корон к вечеру не досчитаюсь... Ладно, если тебе действительно так лучше думается, Магистры с тобой, сдавай.

Он с размаху шмякнул на стол засаленную карточную колоду.

– Крак – это же игра на двоих, да? – опечалился Абилат.

– Ничего, не грусти, и твои карманы облегчу, – ухмыльнулся я. – Зогги небось после третьей партии к плите запросится. Скажет: «клиенты пришли, срочный заказ.» Наберись терпения, скоро придет твой черед.

Я недооценил Зогги: мой друг дезертировал к плите только после дюжины партий. Юный Абилат оказался достойным противником. То есть, играл-то он из рук вон скверно, как почти все люди в этом Море, зато совершенно не огорчился проигрышам, а меня это заводит. Сразу хочется взвинтить ставки до тысячи корон за партию, или как бы ненароком выболтать чужую страшную тайну, или потолок внезапно обрушить, да все что угодно сойдет, лишь бы вывести из себя невозмутимого партнера. И что интересно, именно в таком настроении я соображаю лучше всего – сам удивляюсь.

Я еще и полкороны у парня не выиграл, когда меня осенило.

– Слушайте, – сказал я. – Все может оказаться очень просто. Так просто, что о нас с Лаздеем сложат не легенды, а анекдоты. Нужна еще одна Мормора. Причем срочно.

– Чего-о?!

От неожиданности Зогги уронил тяжеленную чугунную крышку, которой собирался накрыть огромную сковороду. Крышка упала ему на ногу, да так, что бедняга охнул – кажется, впервые на моей памяти. Вообще-то он очень сдержанный и стойкий человек, я же говорю, арварохская кровь.

Абилат вскочил, бросил карты, метнулся к Зогги.

– Ой, как неудачно упала, два пальца раздробила, – поморщился он, прикасаясь к пострадавшей ступне. – Ничего, я мигом все поправлю, это как раз проще простого...

– Сапог, что ли, не надо снимать? – удивился Зогги.

– Ни к чему. Снимешь потом, когда больно не будет, чтобы кровь смыть, а вылечить я и так могу.

Я, признаться, с интересом наблюдал за действиями этого юного гения. Еще и знахарствуем помаленьку, оказывается, ну-ну.

– Уже не больно, – объявил Зогги.

– Стой на месте, – потребовал Абилат. – «Не больно» – это еще не значит, что все в порядке. Боль снять проще всего, а вот вылечить... То есть,

тоже не очень трудно, но мне нужно время. Я же не очень опытный пока.

Пару минут спустя он сказал:

– А вот теперь все.

Я только головой покачал. Этот «не очень опытный» знахарь справился с проблемой почти так же быстро, как это сделал бы я сам.

– А ну-ка дай проверю, – потребовал я. – Да, смотри-ка, действительно все в порядке. Что там было?

– Два пальца, в одном трещина, другой сломан, ну и кожа содрана, конечно, – доложил Абилат. – Ничего страшного, но очень неприятно.

– Ты и этому по книжкам выучился?

– Ну как – немножко по книжкам, потом поговорил со знающими людьми и как следует попрактиковался на наших полицейских, они вечно влипают в неприятности, а знахарь в Управлении Порядка один на всех. А я когда вижу, что человеку больно, просто не могу себя в руках держать. Потому, собственно, и учиться начал.

– Ясно, – кивнул я. – Похоже, у тебя к этому делу подлинное призвание – если уж чужую боль терпеть не можешь.

– Ой да, чужая бывает хуже, чем своя, – невольно поморщился Абилат. – Так что ж мне, по-настоящему на знахаря выучиться? А разве не поздно?

– Да ты уже, можно сказать, выучился. С чем тебя и поздравляю. Пятеро из шести ребят, выдержавших столичный экзамен на звание знахаря, помогли бы нашему другу Зогги, затратив на это дело как минимум час; немногие избранные управляются вдвое быстрее. Считается, что это не самый плохой результат, представляешь?

– Джуффин сам знахарь, каких поискать, – заметил Зогги. – Если уж он говорит, лучше прислушаться. Моя нога, впрочем, целиком разделяет его мнение... Джуффин, так что ты такое придумал? Как это – «нужна еще одна Мормора»? Тебе одной мало?

– Мало, – твердо сказал я.

– Объяснишь? – без особой надежды спросил он.

– Это долго. И трудно. Непонятно, с чего начинать. Читать тут лекцию о природе и могуществе человеческого внимания? Момент немного не тот... Давай так: сперва ты, вернее, вы оба мне поможете. Если все получится, как я задумал, потом объясню, почему оно так получилось. А если нет, тогда и объяснять-то особо нечего.

– Логично, – согласился Зогги. – Тем более, если у тебя снова ничего не выйдет, тогда уж ты нас с Абилатом точно пришьешь, как с утра грозился.

– Вряд ли, – успокоил я его, – если у меня ничего не выйдет, нам всем будет не до того. Мне – в первую очередь... Абилат, отправь-ка зов начальнику полиции. Он теперь мой вечный должник и вообще, вроде, неплохой мужик, так что он нам пригодится. Пусть будет тут – ну, скажем, через час. Прости, Зогги, но я собираюсь сделать твой трактир чем-то вроде штаба. Зато счет казне потом выставишь, какой захочешь, даже если мы всего по кружке камры выпьем.

– Казну потрясти – это святое, – с видом знатока подтвердил Зогги.

– Рад, что ты со мной согласен. К тебе тоже есть просьба. Мне нужна старшина гажинских портовых нищих. Такая резвая тетка, как ее... Тинна?

– Ага. Длинная Тинна.

– Вы же приятели, я ничего не перепутал?

– Ну, по крайней мере, кровь друг другу не портим.

– Вот и славно. Позови ее сюда. И первым делом расспроси, не снятся ли ей и ее подопечным кошмары. Очень рассчитываю, что еще нет. Зная Лаздея, я предполагаю, что о нищих он вспомнит в последнюю очередь – если вообще вспомнит. Они с его точки зрения и не люди вовсе.

– Может и так. Но зачем тебе нищие? Что ты задумал, Джуффин?

– Потом расскажу. А пока просто поверь на слово: они в накладе не останутся. Еще и развлекутся как следует. Так что зови Тинну. Пусть будет у тебя на кухне, желательно через полчаса, или еще раньше, ладно?

– Как скажешь, – согласился Зогги.

– А потом найми для меня какой-нибудь оркестр. Небольшой, но хороший. Главное, чтобы умели импровизировать по капризу заказчика. Денег не жалею. Пусть будут готовы поступить в мое распоряжение около полуночи и играть всю ночь.

– А танцоров тебе случайно не надо? – совершенно серьезно спросил он.

– Спасибо, пока нет, – мягко сказал я. – Но как только они мне понадобятся, ты узнаешь об этом первым, обещаю. И последнее – пока последнее – задание вам обоим. Подумайте, где мы можем достать пару сотен длинных черных лоохи. Лучше бы кожаных, с капюшонами, как моряки носят. За любые деньги.

– Ну, если за любые деньги, тогда не проблема, – сказали эти двое.

Опять хором, между прочим. Я ж говорю, спелись.

– Важно, чтобы никто в городе не узнал об этой покупке, – добавил я. – По крайней мере, сегодня, потом-то ладно. Но сегодня – никак нельзя. Поскольку я не могу поручить вам убить продавца, а заклятие молчания вы накладывать не умеете, придется просто обещать ему большую надбавку за

секретность. Справитесь?

На сей раз Зогги неопределенно пожал плечами, зато Абилат с энтузиазмом закивал. Подозреваю, сказывалась разница в знании жизни: Зогги все-таки опытный человек, ему-то ясно, что молчание, в отличие от кожаных плащей – не та вещь, которую легко купить.

– Ну гляди, – вздохнул я. – А лучше просто приведи его сюда, чтобы письменный контракт о надбавке за секретность составить. Я документ подпишу, аванс выдам, заклятие наложу незаметно, и всем будет хорошо.

– Приведу, – пообещал Абилат. – Контракт – святое дело, в его же интересах подписать.

– И вот что, – я вовремя вспомнил, что имею дело с человеком, который еще не научился понимать меня с полуслова. – Товар пока никуда волочь не надо. Пусть остается на месте. Вечером сами заберем. Надеюсь, у твоего торговца склад не на самом краю города? Мне надо в центре.

– На Пестрой Линии у него лавка и склады, отсюда четверть часа пешком...

– То что надо. Дуй к нему, раз так. И постарайся побыстрее все это уладить, ладно? Чтобы через час вы оба уже были здесь.

Мне показалось, что у Абилата на сей счет имеется множество возражений. Он наверняка собирался выступить с пламенной речью о неумолимом беге времени и ограниченных человеческих возможностях, но я не стал его слушать. Неинтересно.

Я воспользовался Темным Путем и отправился в Дом у Моста. Леди Ренива совершенно не удивилась ни моему внезапному появлению, ни обещанию снова исчезнуть через несколько минут, ни просьбе сохранить мой визит в секрете – а то знаю я, тут же нашлись бы охотники переложить на мои плечи свои пустяковые трудности. Только и спросила, удалось ли мне выспаться и сочувственно покачала головой, когда вместо ответа я скорчил зверскую рожу.

Я же говорю, она была идеальной помощницей.

Я потребовал кружку камры из «Обжоры Бунбы», рассудив, что честно заслужил такое удовольствие, и вызвал к себе Шурфа Лонли-Локли. Хвала Магистрам, он не ошивался неведь где, а дисциплинированно сидел в собственном кабинете. Это было как нельзя более кстати.

– Пойдешь со мной в Гажин, сэр Шурф, – сказал я. – Там все очень непросто. Объяснять долго, да и ни к чему пока. Но нынче вечером мне понадобится твоя помощь.

– Я правильно понимаю, что мне следует вернуться в кабинет и взять ларец с перчатками? – деловито спросил он.

– Ну возьми на всякий случай. Куда ж ты без них. Но, по правде сказать, сегодня ты мне нужен в другом качестве.

– Вот как? Это чрезвычайно интересно, – совершенно равнодушно сказал сэр Шурф.

Если бы я не знал его так хорошо, я бы решил, что он издевается.

– Чашку свою дырявую прихвати, – сказал я ему вслед. – Вот она точно пригодится.

– Да, я так и подумал, – кивнул он.

Когда-то давно, еще до нашего знакомства Шурф Лонли-Локли был Младшим Магистром Ордена Дырявой Чаши. Подробности его стремительной карьеры и более чем шумного ухода из Ордена пока можно опустить^[8]; важно знать вот что: все члены этого Ордена получали немалое могущество, когда пили из специальной ритуальной посуды, у которой не было дна. После принятия Кодекса Хрембера я выхлопотал для сэра Шурфа специальную привилегию, официальное разрешение по-прежнему пользоваться дырявой чашкой в случае необходимости. Это было кстати: наш сэр Шурф очень неплохой колдун и вообще безупречнейший из людей, но есть вещи, которые он способен проделать только предварительно приложившись к этой дурацкой дырявой посудине. Впрочем, у всех свои недостатки, и я даже рад, что у Лонли-Локли имеется такая слабость. Рано ему еще быть совершенством. Всему свое время.

Сэр Шурф вернулся всего через пару минут.

– Ну наконец-то, не прошло и года, – проворчал я.

Он и бровью не повел, хотя мой упрек был, мягко говоря, не совсем справедлив. Ему, знаю, даже нравится, когда я начинаю изображать строгого, придирчивого начальника. Он понимает, что это своего рода ритуал, необходимый вовсе не для поднятия моего авторитета, не для укрепления служебной дисциплины даже, а для того, чтобы поддерживать гармонию мира – всего лишь. А сэр Шурф как никто умеет ценить такие вещи.

В итоге у Зогги мы с Лонли-Локли оказались даже раньше, чем я рассчитывал. Абилата еще не было. Надо думать, он как раз обрабатывал продавца кожаных плащей. Начальник полиции, по словам Зогги, клятвенно обещал быть через четверть часа. Зато леди Длинная Тинна уже сидела на табурете в дальнем углу кухни и во все глаза глядела на нас с Шурфом. Все-таки искусство Темного Пути мало кому легко дается, так что внезапное появление незнакомцев в центре только что пустовавшего помещения – зрелище редкое даже для столичного жителя, а уж с гажинцев-то что взять.

Она была та еще дамочка, эта самая Тинна. Действительно очень высокая, ростом примерно с меня. Тощая, как кошка с разоренной фермы, с роскошной копной пепельных волос и разноцветными глазами: один синий, другой янтарно-желтый. Отчаянно некрасивая и при этом невероятно обаятельная – настолько, что стоило ей улыбнуться, и становилось ясно, что именно о таких женщинах писали поэты древности: *"Страшна, как смерть, желанна, как жизнь, Темная Сторона прелести"*, а современные красотки могут отправляться восвояси. Пока Тинна улыбается, о них и не вспомнит никто.

К этому сокрушительному обаянию следует добавить королевскую осанку, изумительно вылепленные кисти рук, драное лоохи явно с чужого плеча по-мужски застегнутое драгоценной старинной булавкой, продав которую, Тинна наверняка могла бы выкупить у Зогги его трактир, да еще пару соседних домишек впридачу. Но вряд ли она захотела бы возиться с покупкой недвижимости, знаю я эту породу.

Такова была Длинная Тинна, старшина гажинских нищих. Я видел ее прежде, пару раз, мельком, но тогда она не произвела на меня особого впечатления, поскольку не заметила, что я ее разглядываю, и не потрудилась обаять. Зато теперь расстаралась. И не потому, что я был важной персоной, или мужчиной ее мечты. Я был человеком, который пришел Темным Путем, и это сразило Тинну наповал. Впрочем, Лонли-Локли досталось еще пуще: он-то еще и в Мантии Смерти в ту пору расхаживал, а на некоторых эксцентричных дам это действует похлеще, чем рыжие волосы и пухлые губы.

Чтобы вам стало ясно, кем была леди Длинная Тинна, следует объяснить, что представляют собой старшины наших нищих. Многие – не только чужестранцы, но и жители Соединенного Королевства – наивно полагают, будто ничтожней и печальней такой судьбы мало что может быть. Ага, как же.

Достаточно трезво смотреть на вещи, чтобы понять: держать в абсолютном подчинении несколько сотен шалых пьянчуг, которым давным-давно нечего терять (среди них попадаются и неудачливые авантюристы, и беглые преступники, и просто люди, не сумевшие справиться, или не захотевшие смириться с жизнью), может только очень незаурядный человек. Немного поразмыслив, несложно прийти к выводу, что без некоторых магических навыков во главе такого войска долго не продержишься. А если я добавлю, что старшины нищих не только преуспевали в Смутные Времена, но и ни разу не привлекались за нарушения после принятия Кодекса Хрембера, можно догадаться, что с

ними все далеко не так просто.

Я не зря долго приятельствовал с Кобой, старшиной портовых нищих Ехо. На откровенность такого не особо вызовешь, но я, хвала Магистрам, узнаю все, что мне требуется, не из задушевных разговоров. С тех пор я в курсе, что старшины нищих – совершенно особый цех, объединяющий одиночек, посвященных в некоторые тайны древней магии Хонхоны и с тем или иным успехом применяющих свои знания на практике. Очевидная магия им ни к чему, а ничтожный статус только на руку. Можно, не особо скрываясь, творить все, что заблагорассудится, если уж окружающие болваны легкомысленно брезгают обращать на тебя внимание. Все старшины нищих очень богатые люди; при этом, насколько мне известно, желающих оставить нелегкое ремесло, приобрести особняк с садом и зажить припеваючи, среди них нет.

В свое время я и сам узнал немало любопытного, покрутившись рядом с Кобой и еще несколькими его коллегами из других городов. Не то чтобы краденые секреты перевернули мою жизнь, все же я не мальчишкой к ним пришел, но недооценивать этих господ я с тех пор зарекся.

Поэтому личное знакомство с Длинной Тинной представлялось мне – ну не самым выдающимся событием дня, конечно, но вполне интересным эпизодом. И не мне одному. Сэр Шурф, человек не только безукоризненно вежливый, но и сведущий в такого рода делах, произнося привычную формулу: «Вижу вас как наяву», отвесил ей глубочайший поклон. Так и с равными-то нечасто знакомятся.

После столь блистательного начала успех переговоров был нам обеспечен. Не сомневаюсь, что мы с Шурфом могли получить ее согласие на любое предложение. Думаю, леди Тинна сейчас легко подписалась бы на убийство Великого Магистра Нуфлина Мони Маха, или, скажем, ограбление знаменитой Невидимой Флотилии^[9]. Да что там, она пожалуй даже замуж за нас вышла бы, причем за обоих сразу, если бы вдруг выяснилось, что вежливые столичные джентльмены, в совершенстве владеющие искусством Темного Пути, нуждаются именно в этом.

Но мои запросы были куда скромнее.

Не вдаваясь в подробности, я быстро и четко объяснил Длинной Тинне, что от нее требуется, и сколько на этом можно заработать. Выслушав меня, она обольстительно улыбнулась, кивнула, попросила назначить место и время следующей встречи, попрощалась и стремительно вышла через заднюю дверь.

Зогги глядел на меня круглыми от изумления глазами, зато Лонли-Локли, которому я пока вовсе ничего не рассказывал ни о гажинских

событиях, ни о своих планах на ближайшую ночь, не выказал ни малейшего желания узнать, с какой стати его начальник вдруг возжелал окружить себя свитой из нескольких сотен портовых нищих.

Одно удовольствие иметь с ним дело, все бы так.

– От тебя, сэр Шурф, мне сегодня понадобится плохая погода, – сказал я ему. – Не прямо сейчас, а сразу после полуночи. Очень низкие грозовые тучи, желательно с громом и молниями, но без дождя. И в дополнение – огненная надпись в небесах, да такая, чтобы ее из любой точки города видно было. Ненадолго, самое большее – до утра. Ритуал, как ты сам знаешь, отнимает кучу времени, а его у меня и так мало. Но ты, насколько я помню, в совершенстве освоил этот фокус. Очень кстати.

– Да, – ответил он. – Есть только одна проблема.

Я укоризненно покачал головой. Сейчас, небось, начнет рассказывать, будто повернуть такое великое дело невозможно, не осушив предварительно несколько дырявых лоханок какого-нибудь древнего вина, последняя бутылка которого еще двести лет назад была зарыта в алый песок Великой Пустыни Хмиро, что на Уандуке. И ведь сам понимает, что уже давным-давно может обходиться без чего угодно, но занудствует по привычке. Или просто выгоду упускать не желает? А что ж, очень может быть, сэр Шурф та еще штучка.

Но я недооценил своего лучшего ученика.

– Для того, чтобы выполнить ваше распоряжение, мне придется нарушить Кодекс Хрембера, – объяснил он. – Поэтому мне требуется ваш письменный приказ. Без него я не могу действовать.

– Будет тебе письменный приказ, – я протянул ему самопишущую табличку. – Сам и составь, ни в чем себе не отказывай. А я подпишу.

– В таком случае все в порядке, – согласился Лонли-Локли и занялся табличкой. На какое-то время можно было считать, что его здесь нет.

Зато мой друг Белый Клок к этому моменту был готов взорваться от переполнивших его вопросов. Он пока молчал, но воздух в кухне звенел от его нетерпения.

– Зогги, у тебя сейчас пирог сгорит и суп выкипит, – проворчал я, принимая из его рук очередную кружку скверной камры. – Поверь на слово, ничего особенно интересного не происходит, по крайней мере, пока. Когда начнется интересное, я честно тебе скажу, что пора удивляться.

– Возьмешь меня с собой? – спросил он. – Ну, я так понимаю, ты же не прямо на моей кухне будешь всех спасать, на улицу выйдешь, так?

– Выйду, – согласился я.

– Ты знаешь, Джуффин, толку от меня немного, зато и под ногами

путаться не буду. Возьмешь поглядеть?

– Возьму, – легко согласился я. – У меня нынче каждый человек на счету. И толку от тебя будет побольше, чем от некоторых. Когда это я отказывался на чужом горбу прокатиться?

Друг мой хмыкнул, недоверчиво покачал головой и вернулся к плите. А я накрыл кружку ладонью и заставил камру исчезнуть. Достойный компромисс: и Зогги будет доволен, и я избавлен от необходимости поглощать сей несовершенный напиток. Хватит с меня на сегодня.

Рассиживаться без дела мне, хвала Магистрам, не дали. Сперва Абилат привел торговца, счастливого обладателя двух с лишним сотен длинных кожаных плащей, залежавшихся на складе с тех пор, как в моду вошли более короткие капитанские лоохи, до колена. Разумное нововведение: в таком даже спяну не запутаешься, не грохнешься на палубу на радость всей команде. Для моряков это довольно важное обстоятельство.

Пока подписывали контракт, я быстро и незаметно заручился молчанием продавца, выбрав самое простое и безопасное из заклятий: попытать-то этого красавца явно никто не будет. Мне только и надо, чтобы сам сдуру раньше времени не проболтался о сделке. А чтобы подсластить пилюлю, я увеличил заранее оговоренную сумму еще на дюжину корон. Мне не жалко, а человеку радость и польза.

Ошалевший от такой удачи торговец получил задаток, мне достался ключ от сарая, где был сложен товар, на том и распрощались.

Потом явился генерал Аброха Глык. Вид у главы гажинской полиции после нашего совместного визита в Мормору был малость пришибленный, а настроение – самое что ни на есть возвышенное, но, хвала Магистрам, соображать он не перестал, скорее наоборот. К тому же, сэр Глык испытывал страстное желание оказать мне любую посильную помощь, чтобы хоть как-то отблагодарить за оказанную услугу. Это, надо сказать, вызывало уважение. По моим наблюдениям, только сильные люди способны на искреннюю, деятельную благодарность. Прочие (часто втайне от себя) потихоньку ненавидят своих спасителей, приписывают им корыстные мотивы и низменные помыслы. Да все что угодно, лишь бы иметь возможность поскорей отделаться от неприятных воспоминаний о собственной слабости и чужом великодушии.

Так вот, генерал Аброха Глык был не таков. Он твердо обещал, что сегодня за час до полуночи две сотни его подчиненных поступит в мое полное распоряжение. А в заключение очень искренне добавил, что с радостью пожертвует жизнью, благосостоянием и даже добрым именем, если это может хоть как-то помочь делу.

Мне не хотелось вот так сразу обрубить генеральские крылья, поэтому я не стал говорить, что при всем желании не смогу в ближайшее время придумать для него задание, связанное хоть с каким-нибудь риском. Поблагодарил, пообещал иметь в виду его самоотверженную готовность, да и отпустил с миром, до вечера.

– А что теперь? – с энтузиазмом спросил Абилат, когда за начальником гажинского порядка закрылась дверь.

– Будешь смеяться, сущие пустяки, – ответил я. – Зогги, у тебя есть бумага? Или в лавку надо посылать?

– Чего-чего, а бумаги полно, – проворчал мой друг, извлекая из нижнего ящика буфета целую кипу разноцветных листов. – Ильса любит рисовать, а еще больше – комкать и рвать рисунки с воплями: «Опять не получилось!»

– Стремление к совершенству – прекрасное и редкое качество, – вмешался Лонли-Локли. – Отрадно слышать, что хоть кому-то оно свойственно с детства.

– Глядите на меня внимательно, – велел я. – И запоминайте.

Взял лист бумаги, сложил, загнул уголки, еще раз сложил, развернул и продемонстрировал своим помощникам изящную бумажную птичку. Они-то, бедняги, думали, я сейчас колдовать буду, да так, что Мир рухнет в одночасье, поэтому были совершенно шокированы. Даже сэр Шурф поглядел на меня с заметным интересом. Ишь ты, и его проняло.

– Поняли, как это делается? – невозмутимо спросил я. – Если не поняли, покажу еще раз. К ночи мне нужно несколько сотен таких птичек. У Зогги на кухне дел по горло, не будем его отвлекать, зато можно позвать на помощь его питомцев. Думаю, тут они обставят вас в два счета, господа чародеи.

– Мы должны делать бумажных птичек? И все?! – изумился Абилат.

Сэр Шурф к этому моменту уже восстановил душевное равновесие, у него это, хвала Магистрам, быстро получается, а Зогги благоразумно отправился в сад за детьми. Понял уже, что сверлить меня вопрошающим взглядом без толку. Все же не первый день знал.

– И еще одно ответственное задание имеется, – закончил я. – Как следует поесть и расслабиться. Ночка предстоит та еще, а вы нужны мне свежими и бодрыми. А ты, сэр Шурф, порасспроси на досуге этого молодого человека, тебе должно быть интересно. Он учился Истинной магии по книжкам и, можешь себе представить, добился некоторых успехов.

– Ну а зачем еще нужны книги, если по ним не учиться? –

флегматично спросил Лонли-Локли.

Увы, ему не хватало теоретической подготовки. Вот если бы парень несколько столетий кряду слышал от великого множества достойных уважения чародеев, что основы Истинной магии передаются только от учителя к ученику, он бы, пожалуй, оценил мою новость по достоинству и потрудился бы удивиться. А так – что с него взять.

Юный Абилат, неожиданно обретя единомышленника, оживился и жизнерадостно закивал. Я снисходительно подумал, что нет невежд более упертых, чем заядлые книжники, но вслух ничего говорить не стал. Посмеиваться над учениками – святое дело, но перегибать палку тут не стоит. Уверенность в себе в сочетании с неуверенностью во всем остальном – краеугольный камень настоящего могущества. Поэтому мой любимый метод – хвалить новичка за всякую малость, не забывая регулярно ужасать. Подталкивать к краю пропасти, преувеличенно восторгаясь мощью и размахом едва наметившихся крыльев, заставлять делать ошибки, а потом с должной искренностью восхищаться умением их исправлять, и так далее. Присутствующий здесь сэр Макс все это, надо думать, прекрасно помнит, иначе с чего бы он сейчас глядел на меня с такой укоризной... Однако даже он вряд ли станет возражать, если я скажу, что результат обычно выходит отменный. А я ведь пожалуй скажу.

Оставив эту троицу развлекаться изготовлением бумажных птиц и построением остроумных гипотез насчет моих ближайших планов, я отправился наверх, в спальню Зогги, и с превеликим удовольствием проспал целых три часа. В смысле, именно проспал. Без всяких дополнительных фокусов. Изредка это совершенно необходимо.

Проснувшись – практически родившись заново – я вернулся в кухню, где застал совершенно умирительную картину. Леди Длинная Тинна вернулась и теперь вовсю строила глазки сэру Лонли-Локли. Ничего удивительного: женщины и другие заинтересованные лица всегда прохода ему не давали, их даже смертоносные руки, Манития Смерти и маска безупречнейшего из живых существ, которую сэр Шурф вынужден был носить до самого последнего времени, не очень-то останавливали.

Старшина гажинских нищих, конечно, была дама серьезная, но тут и ее проняло.

Сэр Шурф сохранял обычную сдержанность, но я видел, что внимание Тинны было ему, мягко говоря, не слишком неприятно. Зогги по-прежнему хозяйничал у плиты и косился на эту парочку с почти суеверным ужасом, а на меня – с неммым упреком. Вот интересно, а я-то тут при чем?.. И только юный Абилат сохранял полную безмятежность. Сидел за столом, аккуратно

пристроив тарелку среди разноцветных бумажных птиц, и за обе щеки уписывал мясной танг. Выполнял, надо понимать, мое последнее ответственное поручение. Дисциплинированный какой, молодец.

– Мои люди уже понемногу собираются под мостом Королевы Вельдхут, – отрапортовала Тинна в ответ на мой укоризненный взгляд. – Я, собственно, потому и зашла, что мне пока делать нечего: они сами распрекрасно туда доберутся к назначенному сроку. Дюжина корон на брата без отчисления в общую казну – это достаточно серьезное обещание, никто своего не упустит, верьте мне. Ну и получить Щелчок Траппа за опоздание вряд ли кто-то захочет.

Щелчок Траппа – да, ничего себе способ держать людей в подчинении. Простой и действенный. Для такого наказания не нужно лично встречаться с виновным. Достаточно сконцентрироваться, почти как для Безмолвной речи, и представить себе, что вы особым образом щелкаете провинившегося по лбу – при условии, что вас в свое время обучили этому почти забытому древнему искусству, конечно. После этого бедняга несколько часов будет кататься по земле, завывая от непереносимой боли, но ни умереть, ни даже потерять сознание ему, увы, не удастся. Конечно, хороший знахарь может быстро поправить дело, поэтому шантажировать Щелчком Траппа богачей, властимущих и просто мало-мальски умелых колдунов – занятие вполне бессмысленное. Зато для того, кто хочет держать в узде целую армию беспутных балбесов, вроде Тинниных орлов, такое умение – неоценимое сокровище.

– Ладно, – согласился я. – Если так, молодец, леди Тинна. Советую тебе поужинать. Потом не до того будет.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она. – Но я ем только один раз в день, без свидетелей, и всегда сама готовлю себе еду. Я не могу отступать от этого правила даже ради счастья и чести разделить с вами трапезу. Впрочем, мне будет приятно получить стоимость предназначенного мне ужина деньгами...

Мне чрезвычайно понравилось такая запредельная наглость, поэтому я без разговоров вынул из кармана корону и вручил леди Тинне. Хотя на корону, конечно, мы бы у Зогги и вчетвером не нажрали, даже если бы очень постарались. Но она молодец, заслужила.

– О, да вы соблюдаете один из главных пунктов устава древнего Ордена Белой Пекарни, – заинтересовался Лонли-Локли. – А свою посуду всегда носите с собой?

– С детства, – гордо ответствовала она, доставая откуда-то из складок лоохи маленькую деревянную миску, столовый нож с раздвоенным концом

и ложку из драгоценного синего металла. – Эти вещи мне подарил отец, когда я прожила на свете первую дюжину лет. С тех пор они всегда при мне.

– Скажите, леди Тинна, вы где-то прочитали о существовании устава Белых Пекарей, или он был частью ваших семейных традиций? Или вы самостоятельно пришли к мысли о необходимости таких ограничений? – продолжал расспрашивать сэр Шурф.

Старшина гажинских нищих загадочно улыбалась, всем своим видом давая понять, что некоторые вещи о себе можно рассказывать только очень близким людям. Но это вовсе не означает, что она наотрез отказывается удовлетворить его любопытство. Напротив, от всего сердца надеется, что сможет сделать это в ближайшее время. По крайней мере, я именно так расшифровал ее ужимки. И сэр Шурф, будьте покойны, тоже расшифровывал их как надо. И, похоже, прикидывал про себя, хватит ли ему времени выяснить подробности про леди Тинну и Белых Пекарей – любой ценой.

Я всегда знал, что путь к его сердцу отыскать не так сложно, как кажется. Сэр Лонли-Локли вполне мог бы приторговывать своим телом за всякие бесполезные, но мудреные секреты, как куманские красотки за деньги и пряности. Просто до сих пор у него не было возможности как следует развернуться: никто не предлагал такого обмена. А Тинна молодец, сразу его раскусила.

Все это было просто замечательно, но наскоро поев, я разлучил эту парочку. Велел Шурфу как следует подготовиться к предстоящей работе с гажинскими небесами, а сам взял возбужденную леди Тинну под локоток и повел под мост Королевы Вельдхут, где, согласно моему приказу, нас ждали ее товарищи. Отличное место для того, кто хочет собрать большую толпу в самом центре города, да так, чтобы никто не заметил. Ну и от «Белого Клока» туда всего пять минут идти – это если не спешить.

А я спешил.

Выслушав мои указания, гажинские портовые нищие чуть не рехнулись на радостях. Думали, за дюжину корон на рыло им придется как следует потрудиться, а мне требовались сущие пустяки. Ласково пообещав лично прикончить каждого, кто вздумает выйти за рамки своей скромной роли, я оставил Тинну командовать их дальнейшими перемещениями по городу и вернулся в трактир. Поглядел на дешевые ташерские ходики, согласно которым полночь должна была наступить всего через полтора часа, удостоверился, что сэр Шурф уже выдул из своей дырявой чашки полбутылкипряного укумбийского бомборокки из погребов Зогги, связал в

огромный невесомый узел скатерть с бумажными птицами, уложил это сокровище в служебный амобилер Абилата, усадил туда своих помощников, и мы укатили.

Первым делом я доставил Лонли-Локли на Ветренную Набережную. Гажинская резиденция Ордена Семилистника – одно из самых высоких зданий в городе, это обстоятельство было для предстоящего дела довольно важно. А хозяин дома еще днем смиренно сообщил мне, что почтет за величайшую честь пустить на свою крышу одного из моих коллег. Впрочем, я не сомневался, что благодарность Магистра Свидри Ваплы могла бы открыть мне доступ и в куда более потаенные уголки резиденции, да только вот большой нужды в том не было. Какая досада.

Пожелав сэру Шурфу удачи, мы отправились в Управление Порядка. Генерал Аброха Глык не подкачал, на выбранных им для предстоящей операции полицейских глядеть было одно удовольствие. Все как на подбор высоченные, широкоплечие, красивые ребята. Я от души надеялся, что они еще и смышленные. Вообще заставить тупицу ненадолго поумнеть – фокус несложный, но муторное это дело. А уж сотню человек так точно проще убить, чем вразумить. Гораздо проще, я уж сколько раз проверял.

Но этот вариант сейчас явно не годился. Поэтому я спешно нацепил изобретенную специально для таких ситуаций маску очень строгого, но терпеливого начальника и принялся рассказывать бравым служакам, что от них потребуется.

К счастью, полицейские слушали внимательно, помалкивали, только пару вопросов задали, да и то по существу. Захочешь не придерешься.

Зато Абилат и Зогги пялились на меня с таким изумлением, что чуть лоохи мне не спалили. По крайней мере, запах дыма я в какой-то момент уловил. Поэтому я поставил их во главе небольшого каравана служебных амобилеров Городской Полиции и отправил на склад за плащами, от греха подальше. Ну и время уже поджимало.

Пока они ездили, заявили обещанные музыканты. Я потребовал выделить нам для репетиции комнату с хорошей звукоизоляцией. Генерал Глык немного помялся и отвел нас в морг. Смущенно объяснил, что ничего более подходящего, чем этот подвал, в Управлении Порядка нет, а мертвец в дальнем углу – ничего, смирный, не помешает.

Музыканты дико озирались по сторонам, но помалкивали. Решили, вероятно, что им предстоит участие в какой-то чудовищной совместной оргии полицейских, преступников и покойников. Страшно перепугались, бедняги, только об одном мечтали – сбежать отсюда немедленно. Но я спешно принял обличье всеобщего доброго дядюшки и всех успокоил.

Объяснил, что они будут озвучивать своего рода уличный спектакль, а покойник – ну что покойник? Он, хвала Магистрам, смиренный и безобидный, генерал Глык правду сказал, не помешает. Можно не обращать внимания. Зато я аванс заранее приготовил, получите, распишитесь, и за дело, господа!

Пересчитав деньги, музыканты немного расслабились. Можно было приступать к репетиции. Я объяснил, что мне требуется золотая середина между бравурным маршем и полной какофонией. Надо отдать должное Зогги, он подыскал действительно толковых ребят. После нескольких попыток у них начало получаться нечто вполне подходящее.

Я вздохнул с облегчением, велел музыкантам продолжать в том же духе, но силы расходовать экономно, и помчался наверх проследить за переодеванием полицейских. Убедившись, что черные кожаные лоохи с капюшонами превратили этих симпатичных ребят в сущих монстров, я выглянул в окно, увидел, что небо уже изрядно потемнело, и удовлетворенно хлопнул ладонью по колену. Еще немного, и можно начинать. То-то повеселимся.

Несколько минут спустя Длинная Тинна прислала мне зов и сообщила, что все фонари в городе благополучно погашены, без особого шума, как я и просил. Я поблагодарил нищих за проворство и велел им приступать ко второй части задания: привести себя в максимально жалкое и отвратительное состояние, полить мостовые заранее припасенными помоями, зажечь факелы, занять выгодные места и трудолюбиво страдать, не обращая внимания ни на какие внешние обстоятельства, пока не поступят новые распоряжения.

Надеюсь, вы уже поняли, что за карнавал я затеял; возможно, кое-кто из присутствующих даже догадывается, зачем. Но самое интересное было еще впереди.

Перво-наперво я вынес во двор узел с бумажными птицами. Исполнил должный обряд, прочитал поочередно несколько заклинаний, и драконы всех мыслимых размеров и мастей взмыли в ночное небо. По правде сказать, в таком деле вполне можно обойтись и без бумажных заготовок, но создать достоверную иллюзию из ничего, на пустом месте – куда более долгая и трудоемкая процедура, чем превращение одних вещей в другие. Да и Кодекс Хрембера благодаря моей уловке почти не пострадал. Все же двадцать вторая ступень Черной магии, не сто восемнадцатая. Есть разница.

Надо отдать должное моим драконам, они вышли не только красивыми, но и куда более устрашающими тварями, чем пузатые монстры

Лаздея. Некоторые, самые отборные экземпляры вполне стоились бы даже для запугивания Младших Магистров все того же Ордена Семилистника. Рев, визг и клекот тоже были недурны. Словом, отменная вышла иллюзия, даже не ожидал, стряпая их на скорую руку.

Я заставил своих красавцев ненадолго умолкнуть, разбил их на несколько стай и отослал кружить над городом. Полчаса спустя они должны были спуститься пониже, орать погромче, драться, кувыркаться, биться в окна жилых домов и пикировать на прохожих.

Нет ничего проще, чем управлять собственноручно состряпанной иллюзией, поэтому возня с драконами отняла у меня всего пару минут. Я еще и вслед им поглядел умиленно, никак не мог налюбоваться. Подумал, что неплохо бы завести парочку таких красавцев дома: никакого ухода им не требуется, а удовольствия не меньше, чем от собаки. А уж соседям-то счастье...

Проводив драконов, я собрал во дворе полицейских, облаченных в устрашающие кожаные лоохи. Надо было еще раз проинструктировать их, напоследок.

– Сейчас, как я предупреждал с самого начала, возле каждого из вас появится несколько двойников. Еще раз прошу вас не бояться: эта иллюзия совершенно безобидна. Двойники не причинят никакого вреда ни вам, ни окружающим. Они способны лишь копировать ваши движения, и нужны, чтобы создать иллюзию огромной толпы там, где появятся всего полдюжины человек. Лучше всего просто не обращать на них внимания. Каждый помнит состав своей группы и маршрут?

Некоторые громко крикнули: «Да», другие просто покивали. По крайней мере, общее настроение мне понравилось. Бодрость, энтузиазм и веселое любопытство – именно то, что требуется активным участникам большого карнавала.

– Как только появятся двойники, все группы расходятся на заранее определенные места. Скрываться особо не надо, но и шуметь пока не стоит. Шуметь начинаем через полчаса, медленно двигаясь по намеченным маршрутам. Все ясно? Можно приступать?

На этот раз «да» у них вышло погромче и позвонче. Вот и молодцы.

Создать по несколько иллюзорных копий для каждого из присутствующих было не намного труднее, чем превратить бумажных птиц в драконов. Лет двести назад этот фокус знала всякая смышленная девица, желающая поводить за нос своих кавалеров – не только в столице, но и у нас, в Кеттари. Да и на городские карнавалы, которых в ту пору устраивали великое множество, мало кто являлся в одиночестве. Считалось, что с

двойниками веселей плясать: они так забавно с небольшим опозданием повторяют всякое движение оригинала!

А теперь, выходит, даже такой пустяк кроме меня некому проверить, вон как золотая молодежь в лице сэра Абилата на этакое диво таращится. О полицейских уже и речи нет, какой с них спрос. Впрочем, ничего удивительного, и даже не в Кодексе Хрембера дело, с момента его принятия прошло всего-то двенадцать лет. Просто в Смутные Времена так много колдовали, чтобы убивать врагов, или спасти собственную шкуру, что мирные обыватели почти перестали воровать для собственного развлечения. Притихли, затаились, лишь бы под горячую руку какому-нибудь подозрительному Магистру, или Королевскому наемнику не подвернуться. А то ведь и объяснить не успеешь, что детишек хотел позабавить. Станешь горсткой пепла, и привет.

Ну вот, а теперь эти самые детишки выросли и на всякий простенький фокус плятятся, как на величайшее чудо всех времен. Бедняги.

Но, надо отдать должное гажинским служителям порядка, к появлению двойников ребята отнеслись вполне хладнокровно. Их это скорее забавляло, чем пугало. Поглазели друг на друга, посмеялись, разбились на группы и живо отправились по местам. Все же генерал Аброха Глык неплохо их вымуштровал, молодец. Хоть столичных полицейских к нему на стажировку отправляй.

С музыкантами, которых я оставил напоследок, было немного труднее. Перспектива появления двойников их, мягко говоря, не обрадовала. К счастью, ссориться со мной им хотелось еще меньше, а когда я пообещал утроить заранее оговоренную плату за концерт, господа артисты справедливо рассудили, что толпа безобидных копий – не самое страшное, что может случиться с человеком. Так что они безропотно нарядились в устрашающие кожаные плащи и позволили мне творить все, что вздумается.

Генерал Аброха Глык, Зогги и Абилат разделили участь музыкантов. Я изготовил для каждого по целых две дюжины двойников, рассудив, что чем больше будет моя свита, тем лучше.

– И последнее испытание для ваших нервов, господа, – ласково сказал я своим помощникам. – Сейчас я стану вдвое выше ростом, и несколько переменюсь в лице. Пожалуйста, помните, что внешний облик – просто условность. Сущая ерунда, от которой ничего не меняется. То есть, если вам вдруг покажется, что монстр, в которого я превратился, желает сожрать вас живьем, помните: я сегодня довольно плотно поужинал. И вообще не большой любитель сырого мяса. Готовы?

Мои друзья храбро пожали плечами, готовые ко всему. Генерал Глык даже поглядел на меня с укоризной: дескать, за кого вы меня принимаете, всякой чепухи пугаться?

И то верно.

Собственно, моя речь по большей части предназначалась музыкантам. Впрочем, они были так потрясены появлением двойников, что теперь приготовились ко всему. Ну, то есть я надеялся, что действительно ко всему. Нянчиться с упавшими в обморок мне было недосуг.

Вернуть себе прежний облик, стать старым добрым Кеттарийским Охотником – это проще простого. Собственно говоря, от меня только и требовалось, что расслабиться, дать себе волю и перестать наконец казаться «господином Почтеннейшим Начальником». Приятная, чего греха таить, передышка.

Вырасти вдвое, как я и думал, оказалось ненамного сложнее, хотя я никогда прежде не занимался такой ерундой. Вот меньше становиться доводилось, и не раз: высокий рост для наемного убийцы скорее помеха, чем достоинство – ну, на первых порах, конечно. Потом-то все это утрачивает значение.

В финале я немного подкорректировал свое лицо, чтобы совсем уж не отличаться от морморского Лаздея. Хотя дурость это, конечно, несусветная: глазами окосевшими вращать, рот кривить, зубы скалить. Но надо, так надо.

Трое из семерых музыкантов взирали на мои превращения с понятной робостью, но сохраняли спокойствие. Зато остальные переполошились не на шутку. Ну ясно: значит, побывали в Морморе, видели моего приятеля Лаздея во всей красе. Да и на Абилата с генералом глядеть было жалко, хотя их-то я уже раз и навсегда избавил от ночных кошмаров, могли бы и расслабиться.

– Это просто маскарад, – напомнил я. – Если кто-то из вас решил, что я – Властелин Морморы, это хорошо. Именно такого эффекта я и добивался. Но бояться не надо: я – не он. Мало ли, кто как выглядит. Было бы времени чуть побольше, да заняться нечем, я бы всех вас мог такими же красавцами сделать. Но ни к чему.

Худо-бедно, они успокоились.

– Главное – не бояться, – ласково сказал я своей свите после того, как плотный строй оригиналов и копий окружил меня со всех сторон. – Помните: мои драконы не кусаются, мученики только изображают страдание, а кошмарные типы в черном, которые, в соответствии с моим приказом, носятся по всему городу – просто ребята из городской полиции.

Разве что, помои на тротуарах должны быть самые настоящие, если Тиннины орлы сдержали обещание. Ну так подумаешь – помои, тоже мне великое горе... И в любом случае, самые страшные существа в этом городе – мы с вами. Что бы ни случилось, не забывайте: это просто карнавал. Новый городской праздник, Ночь Оживших Кошмаров. А что, может еще традицией станет, чем только Темные Магистры не шутят. Ну а теперь – вперед. Приятной всем ночи.

Я вывел их на улицу, а сам простер руки к дому, где располагалось Управление Порядка. Яростно, как того требует ритуал, выкрикнул краткую, но грубую формулу древнего заклинания. Кирпичные стены и зеленая черепичная крыша исчезли, теперь на месте приземистого строения вырос замок из черного камня, столь высокий, что его башни пронзали грозовые тучи. Идеальная подделка, думаю, сам Лаздей Махикала не сумел бы отыскать ни единого отличия. Даже внутрь войти можно и бродить по лабиринтам комнат, рискуя исчезнуть под утро вместе с наваждением – известно же, что зачарованные дома тем и опасны.

Я, в общем, подозревал, что охотников внимательно исследовать мой волшебный дворец не найдется, но решил не халтурить, постарался на совесть. Исключительно ради собственного удовольствия.

Стоило мне закончить с замком, как в низком пасмурном небе вспыхнула огненная надпись «Добро пожаловать в Мормору». У сэра Лонли-Локли идеальное чувство времени, не хуже чем у меня самого. Я всегда это знал, и все же совпадение меня обрадовало. Все, что может быть сочтено добрым знаком, будет им сочтено – я сам изобрел это правило и до сих пор доволен им чрезвычайно.

– Дорогу Властелину Морморы! – дурным голосом заорал я.

Когда-то очень давно подражание чужим голосам было для меня непростой наукой. Помню, страшно сердился на своего наставника, что требует от меня тратить время на сущую ерунду. Ну вот, пятьсот с лишним лет спустя пригодилось. Вопль получился что надо, как будто и правда Лаздей Махикала собственной персоной в Гажин пожаловал. Еще немного, я бы и сам себе поверил.

Абилат нервно заржал, миг спустя его двойники присоединились к веселью. Две дюжины Зогги встревожено зыркнули на меня из-под капюшонов. Белый Клок всегда немного опасался, что однажды моя эксцентричность станет настоящим безумием и теперь, надо думать, спрашивал себя, не проморгал ли это выдающееся событие? Я улучил момент, поймал его взгляд и тихонько стукнул себя по носу: дескать, со мной все в полном порядке, а ты мужайся, приятель. И снова взвыл, как

пьяный оборотень: «Дорогу Властелину Морморы! Дорогу!»

Оркестранты схватились за дудки и барабаны. Когда миг спустя к ним присоединились двойники, музыка стала по-настоящему жуткой. Даже мне не по нутру пришлось, а уж как мои помощники это выдержали – загадка. Лаздей, бедняга, от зависти рехнулся бы, послушав наш концерт. Тоже мне, повелитель зла, принц хаоса, романтик хренов...

Окрестные жители, ясное дело, были в полном восторге.

Окна в домах загорались одно за другим. Некоторые тут же гасли снова, из иных выскакивали полураздетые люди. Разбуженные грохотом и воплями горожане, завидев нашу процессию, обмирали, другие начинали биться в истерике, третьи бросались бежать. Я не сомневался, что есть еще и четвертые, которые сейчас лезут в погреба и подвалы, плюнув на Кодекс Хрембера читают над замками и щеколдами самые действенные из семейных заклятий, словом, прячутся, как могут, бедняги.

Потому что кошмар, преследовавший их по ночам, стал явью – ну, так им казалось. На то и был мой расчет. На всех улицах Гажина сейчас творилось нечто в таком роде: в тот момент, когда в небесах появилось издевательское приветствие, полицейские должны были поднять шум и имитировать дебош, а нищие – пронзительно стонать, корчась от страха. Драконы мои как раз спустились пониже и включились в общее веселье. Ну и я сам планировал как следует прогуляться по городу с оркестром, чтобы все получили удовольствие, созерцая перекошенный лик Властелина Морморы. Сейчас – вот прямо сейчас – я и думать не думал об исходе операции, не планировал, как бы половчее перехватить Лаздея, который должен был, по моим расчетам, стать совершенно беспомощным, растеряв своих клиентов. Знал без тени сомнения, что все как-нибудь само сложится надлежащим образом: начало положено, и это событие неминуемо повлечет за собой последующие, а я погляжу, что из этого выйдет. Интересно же.

Давненько я так не разминался.

От необходимости орать дурным голосом и возможности наслаждаться произведенным эффектом меня отвлек Абилат. Хвала Магистрам, хоть кричать не стал, а воспользовался Безмолвной речью.

«Там, вы видели, мужчина в домашнем лоохи, без тюрбана упал? Ну, неважно на самом деле... Он не потому упал, что споткнулся, это у него сердце от страха прихватило. Довольно серьезный случай, без вмешательства знахаря он точно умрет. Я могу помочь, если вы разрешите. Только надо очень быстро».

Парень вполне мог испортить мне спектакль. По крайней мере, вселить сомнение в сердца случайных свидетелей: насколько мне известно,

гостям Морморы не полагалась медицинская помощь. Разве что на уровне «догнать и добить», да и то сомневаюсь.

Можно было рывкнуть: «Потом!» – и забыть. Но есть вещи, которые я никогда не стану делать. Например становиться на дороге у знахаря, который идет осуществлять свое призвание. Я же знаю, что это такое – настоящее Призвание, помню, как это бывает. Неумолимая сила, которая влечет тебя вперед, не разбирая дороги. И если на пути обнаружится серьезное препятствие – что ж, значит голова твоя будет разбита об эту стену. Не повезло. Призвание на такие пустяки внимания не обращает, его дело – тащить человека, куда жив, да и потом какое-то время, если получится. Я знаю, о чем говорю.

«Валяй, но так, чтобы со стороны это выглядело, будто ты его мучаешь, – посоветовал я. – Позу какую-нибудь угрожающую прими – ну постарайся, придумай что-нибудь. И ничего не объясняй, не успокаивай. Мне надо, чтобы он продолжал верить, что находится в Морморе. Устрани смертельную опасность и бегом догоняй нас... погоди, только уберу твоих двойников, а то совсем цирк получится.»

«А потом новых понаделаете?» – восхищенно спросил Абилат, оглядываясь по сторонам.

«Понаделаю, не переживай, – пообещал я. – Давай, поторопись».

Абилат догнал нас через пару минут. Сообщил мне, что все в порядке. Пациент будет жить. Вылечив пострадавшего, мой юный друг погрозил ему кулаком и скорчил якобы «страшную рожу». Да уж, могу себе представить... Но бояться дядя, вроде бы, не перестал: вон как припустил к ближайшему дому, одно удовольствие глядеть.

Ну вот и ладно.

Этот неугомонный спаситель всего живого теперь то и дело совался ко мне с просьбами: «А можно я еще той даме помогу? Он споткнулась, упала и сломала бедро, жалко ее... А можно я еще во-о-о-он того дедушку подлатаю? А мальчика, который с крыши свалился?»

Я уже не рад был, что с ним связался: очень уж отвлекал. Не то чтобы у меня была задача умертвить и искалечить как можно больше горожан; строго говоря, я был даже рад, что Абилат может своевременно позаботиться о случайных жертвах переполоха. Но настроение он мне, конечно, сбивал. А восстановить нужное настроение – это вам не какая-нибудь Очевидная Магия. Дело серьезное и требует времени. Секунды полторы, никак не меньше.

Зато гажинские нищие проявили себя наилучшим образом. Блестяще справились с операцией по ликвидации уличных фонарей и в кратчайшие

сроки, без особого шума загадили мостовые города, да так качественно, что я – на что уж ко всему привычный, а и то диву давался. А как они страдали! Грешные Магистры, как красиво и убедительно они страдали! Корчились на замызганных булыжниках, грациозно заламывали руки, стонали и причитали, хрипели, изрыгали проклятия. Настоящая мука, пожалуй, не способна заставить человека страдать столь эффектно, но вусмерть перепуганные, да еще и заспанные жители Гажина именно на красоту их жестов и покупались. Чего ж еще желать?

Подчиненные генерала Глыка тоже не подкачали. Я немного опасался, что их пассивность и добродушие скверно скажутся на общем эффекте. Но нет. Они лишний раз доказали, что самые качественные преступники обычно получают именно из служителей порядка. Во всяком случае переодетые полицейские весьма убедительно пинали моих платных мучеников и профессионально шугали немногочисленных зазевавшихся прохожих – тех горожан, которые пока не видели снов о Морморе и, соответственно, были скорее ошеломлены, чем напуганы.

Может показаться, что веселье растянулось на полночи. На самом деле с того момента, как я превратил Управление Порядка в копию резиденции Лаздея, прошло от силы четверть часа. Все это время я не только истощно вопил, да чужими страданиями наслаждался, но и чутко прислушивался к общему настроению в городе, *прощупывал его пульс*. Техника сама по себе не слишком сложная, а уж во время паники, когда огромная толпа охвачена примерно одними и теми же эмоциями, это совсем просто. Достаточно дышать в одном ритме с городом, чтобы чувствовать, как нарастает общий ужас и растерянность.

Когда я понял, что накал достиг апогея – все, кто мог проснуться, проснулись и обнаружили себя в Морморе, – я обратился к своим спутникам:

– Сейчас я ненадолго исчезну. Вместо себя оставлю с вами двойника. Орать он, надеюсь, будет не хуже, но обращаться к нему с вопросами бесполезно. Ну и вообще лучше его не трогать. А то знаю я своих двойников... Приглядывайте за музыкантами, продолжайте движение. Если захочется издать пару свирепых воплей, или, скажем, наемного сироту обидеть, ни в чем себе не отказывайте. А я скоро вернусь.

– Точно скоро? – строго спросил Зогги. – А то помню я, как ты однажды своего двойника в Квартале Свиданий оставил, чтобы сэра Йоха с панталыку сбить. И какое побоище он там учинил, тоже хорошо помню. Не хотелось бы мне с ним связываться. С тобой-то – еще ладно...

– Ну ты сравнил! – я почти возмутился. – Заварушка началась после

того, как Кофа решил его арестовать. Мои двойники не любят, когда посторонние люди пытаются ограничить их свободу. Но эту дурынду трехметровую вряд ли кто-то обижать полезет.

– Ну, может быть, – неохотно согласился мой друг. – Но ты все равно возвращайся поскорее. Не нравится мне это веселье. Верю тебе на слово, что так надо, но сердце у меня не на месте.

Ну, положим, это заявление я вполне мог пропустить мимо ушей. Что-то, а интуиция у Зогги хреновая. Вернее, нет у него вовсе никакой интуиции, как и у всех его арварохских предков. У них там даже шаманы только изредка, ценой огромных усилий могут испытать нечто вроде смутного предчувствия, и если оно вдруг оправдывается, все вокруг от почтения на месте помереть готовы. Причем некоторые, особо чувствительные герои в итоге натурально умирают, если верить знатокам арварохских нравов и обычаев.

Конечно, состряпать двойника, который будет производить хоть какие-то более-менее осмысленные действия в отсутствие оригинала, гораздо сложнее, чем создать толпу карнавальных болванов. Но, в общем, ничего особенного. Поэтому пару секунд спустя мой трехметровый заместитель возглавил шествие, а я отошел в сторону, сосредоточился, сделал еще несколько шагов, и очутился на Темной Стороне Гажина.

Первым делом поглядел на небо и получил наглядное свидетельство, что действовал в верном направлении. Пепельно-серая паутина, еще вчера такая прочная, что уничтожить ее можно было только вместе с небом, которое она оплела, теперь изрядно пообтрепалась. Висела драными клочьями, хоть уборщиков со швабрами на Темную Сторону проводи.

Но наводить порядок мне пришлось самому, благо теперь это было не трудней, чем прибраться в заброшенном доме. И даже сам ритуал, кстати, до смешного похож. Что ж, я уже давно привык к мысли, что при моей работе с чистыми руками особо не погуляешь. Вот и на сей раз я воздел их к небу и сохранял полную неподвижность, пока гнилые обрывки колдовской паутины падали к моим ногам. Еще и заклинание соответствующее читал в приличествующем случаю ритме. Нечего сказать, отлично провел время.

Я, кстати, не раз замечал любопытную закономерность: разрушительная магия, как правило, веселая и очень приятная работа. Чтобы успешно убивать, крушить, ломать, надо действовать быстро и азартно, на пределе своих возможностей – именно то, что я люблю больше всего. И, напротив, нет худшей тягомотины, чем созидание, упорядочивание, или, скажем, очищение, вроде того, чем я занялся на

Темной Стороне Гажина. В этом смысле я, конечно, неправильно организовал свою жизнь. Да чего там, из рук вон скверно. Но тут уж ничего не поделаешь.

Вычистив небо, я поджег серые хлопья, устлавшие землю, а сам взлетел на несколько метров и с безопасного расстояния любовался пожаром. Изредка огонь на Темной Стороне становится похож на разноцветную воду, которая струится снизу вверх, и это одно из моих любимых зрелищ. Часами глядел бы. Но и пару минут – тоже неплохо. То есть, можно считать, что я получил от города Гажина щедрые чаевые за безупречную уборку.

Когда огонь угас, я опустился на землю, сел, прислонился спиной к ближайшей стене, закрыл глаза и уснул. Хотел самолично полюбоваться на крушение Морморы. И не сомневался, что уж теперь-то ее горемычный властелин не сможет препятствовать моему визиту.

Куда ему.

Я сразу увидел, что пространство сна о Морморе почти утратило былую достоверность. Ну, то есть, опытный сновидец, вроде меня, еще мог ощутить холод, прикоснувшись к щербатым булыжникам мостовой, а вот оцарапать руку о камень – это уже вряд ли. Страдальцев тут больше не было; воины в черных плащах имели потерянный вид и походили скорее на призраков, чем на живых людей, а драконы перестали драться и гадить. Кружили в низком небе, как огромные несуразные птицы, только и всего. Я мог быть доволен – да я и был. Хотя, чего греха таить, победить собственного непутевого ученика, да еще и не с первой попытки – не ахти какое достижение.

Ну, хоть так.

Я не стал тратить время на прогулку по Морморе, а с должным тщанием исполнил ритуал Призыва. Рано или поздно Лаздей должен был объявиться, и не таких из щелей выманивали.

Теперь только и оставалось – постоять, подождать немного. А чтобы не скучать, я заключил с собой пари на одну корону: в каком виде появится Лаздей? Если трехметровый, с моим лицом, перекладываю монетку из левого кармана лоохи в правый. А если такой, каким его создала природа – монетка остается, где была. Не самый азартный спор в моей жизни, но лучше, чем вовсе ничего.

Он пришел уже через пару минут. Куда быстрее, чем я предполагал. Совсем вымотался, бедняга.

Корона могла оставаться в кармане: мой бывший питомец выглядел точно так же, как в день нашего знакомства. Чуть больше помят, давно не

брит, но в целом – старый добрый Лаздей Махикала.

Держался он скромно, вид имел пришибленный. Увидев его, я сразу понял, что никакой драки не будет. Лаздей дурак дураком, но некоторые совсем простые вещи понять и принять к сведению все же способен. Ну и хвала Магистрам. Не то чтобы жизнь Лаздея Махикалы представлялась мне таким уж бесценным сокровищем, но было бы досадно вот так сразу прикончить человека, который, как минимум, трижды ушел от меня живым. В таких случаях я всегда стараюсь хоть немного повременить, поглядеть, разобраться: зачем все это случилось? К указаниям судьбы имеет смысл прислушиваться. По крайней мере, к указаниям моей судьбы. Она у меня умница и не злодейка, хотя, конечно, со своими причудами и интриганка, каких мало.

– Ну что? – миролюбиво спросил я. – Допрыгался, «Властелин Морморы»?

Лаздей смиренно молчал, потупив голову. Но робкую улыбку утаить все же не сумел. Понятно, почему он радовался. Если уж я сразу его не убил, значит можно еще попрыгать, за шкуру свою поторговаться и, чем только Темные Магистры не шутят, выкупить ее по дешевке, оставив меня в дураках.

Но о его шкуре и цене за этот товар я уже успел подумать, пока болтался тут, дожидаясь явления Его Морморского Величества.

– В живых остаться ты безусловно хочешь, – сказал я. – Но пока не очень вижу, как тебе тут помочь. В Холоми, сам понимаешь, я тебя теперь не поволоку. После всего, что ты здесь вытворял, тебе там не место.

– Но по закону ты... вы же обязаны отправить меня именно в Холоми!

Лаздей говорил тихо, но очень твердо, со знанием дела. Никак Кодекс Хрембера последние полчаса штудировал, искал там статью, гарантирующую ему чудесное спасение. Это было очень глупо, но даже трогательно отчасти, как всякий союз утопающего и соломинки.

– Нет, не обязан. Если тебя действительно волнует юридическая сторона дела, у меня скверные новости: с некоторых пор любой мой поступок считается законным и полезным для Соединенного Королевства деянием. Двадцать седьмая поправка к Кодексу Хрембера, сам писал. Поэтому отдохнуть в Холоми после всех этих подвигов тебе не светит, извини, дружок. И не особо раскатывай губу: если я не убил тебя до сих пор, то лишь потому, что у меня есть несколько вопросов. Но задавать их я буду в другом месте. Пошли.

Я ухватил его за шиворот и как следует встряхнул. Старомодный и не самый элегантный трюк, но я питаю к нему некоторую слабость. Очень уж

много народу перетаскал из сновидений именно таким способом: как кошка котят переносит, ухватив за загривок.

Миг спустя мы оба проснулись на Темной Стороне Гажина. Во-первых, просыпаться там, где осталось твое тело, полезно для здоровья, а во-вторых, я хотел, чтобы мой пленник своими глазами увидел, как обстоят дела. А то знаю я его дурацкую привычку вечно надеяться на лучшее.

Лаздей сразу понял, где мы, возвел глаза к небу и побледнел. Ну да, надо понимать, он до самого последнего момента надеялся, что его неприятности – явление временное, и все еще можно переиграть. Починить Мормору, накормить драконов, приободрить охламонов в черных плащах, а в финале снова заполнить улицы и дворцовые подвалы мучениками да страдальцами. Думаю, именно так парень представлял себе простое человеческое счастье.

Но теперь Лаздей увидел, что от сплетенной им колдовской сети не осталось и следа. Для него это был серьезный удар.

– Ты действительно думал, что твоя паутинка до сих пор в полном порядке? – спросил я. – Сидел в Морморе, видел, что вокруг происходит, и все равно надеялся, что сеть уцелела? Ну-ну, молодец. Учишь вас учишь, никакого толку!

– Столько труда, – горько сказал Лаздей. Кажется, он вовсе меня не слушал. – Столько тяжелого, кропотливого труда... Я никогда в жизни так не выкладывался!

Глаза его блестели от слез, губы дрожали. Ребенок, чей дворец из щепок и камней только что порушили подгулявшие родители, и тот не мог бы выглядеть более несчастным. Расскажи кому-нибудь, как это прекрасное дитя на досуге развлекалось в волшебном своем королевстве, так ведь не поверят. Он и меня-то не разжалобил только по той причине, что это в принципе невозможно, а вовсе не потому, что плохо старался.

– Да, паутинка ничего, на славу была сработана, – миролюбиво согласился я. – Ты не зря трудился. Если бы не эта сеть, я бы с тобой и разговаривать не стал, а теперь может и побеседуем. Да не смотри ты так на меня! Пытать тебя я не собираюсь, по-дружески выпрашивать – тем более. Что я, вранья на своем веку мало слышал? Вернемся домой, призову твою Тень, она мне все живо расскажет. Заодно погляжу на нее наконец-то. Любопытная должно быть тварюшка. Вкусная, надеюсь.

Теперь Лаздей глядел на меня совсем уж дикими глазами. Его можно понять. Это мы, посвященные, знаем, что представляет собой Тень, которая есть у всякого человека; умеем ее подманить, расположить к себе, договориться. А среди всех прочих граждан Соединенного Королевства, от

неграмотных фермеров, до Великих Магистров, ходят самые диковинные небылицы об охотниках на чужие Тени. Одна другой страшнее, хоть криком кричи. Я в свое время Великого Магистра Ордена Колючих Ягод разоружил одной лишь угрозой, что нынче же ночью сожру с потрохами его Тень, если он добром не сдастся. И ведь поверил, как миленький. Сложил оружие и в изгнание потом отправился без возражений, на все был готов, лишь бы я его Тень не трогал. Смешной человек.

К счастью, с предрассудками Лаздея я в свое время бороться не спешил. Поэтому он был совершенно уверен, что я схрупаю его Тень живьем и без соли. А это, как утверждают завиральные старинные легенды, до которых Лаздей всегда был великим охотником, гораздо хуже, чем просто умереть. Почему «хуже» и кто, собственно, сравнивал, – дело десятое, все вопросы пусть остаются на совести сочинителей этих побасенок, которые, чего греха таить, очень помогают мне в работе.

Убедившись, что мой бывший ученик уже изготовился хлопнуться в обморок, я немного смягчил тон. Пусть чуть-чуть успокоится, а то на человека уже не похож. Тоже мне, гроза сновидцев.

– Ты мне пока вот что объясни, – предложил я. – Чего ты, собственно, хотел-то? Ну, по большому счету. Просто так гажинцев мучил, или из стратегических соображений? Вот, к слову сказать, зачем тебе сдался Торговый Остров? И деньги – зачем? Ты же, как я понимаю, на рынок за покупками не бегал. Или собирался?

– Да, я объясню! – оживился Лаздей. – Я все-все объясню, Джуффин! И ты... вы поймете, что были ко мне несправедливы!

– То есть, считал тебя меньшим болваном, чем ты есть? – удивился я. – Надо же, как лихо закручен сюжет! А хочешь, я сам расскажу, как ты себе представлял исход дела? Слушай. Во-первых, ты рассчитывал, что твоя драгоценная Мормора в ближайшее время станет единственной и неповторимой достоверную реальностью, верно? А нынешний город Гажин должен был уйти в небытие, превратиться в прекрасное сновидение для избранных мучеников. Сладкий сон о былом – для контраста оно и неплохо, потом только горше страдать будут. Ну а Торговый Остров ты, как я понимаю, намеревался сделать форпостом Морморы, первой пограничной заставой между сном и явью, началом новой и, не сомневаюсь, в высшей степени интересной жизни. А потом – вперед, к завоеванию новых территорий. Такая была задумка, я угадал? Небось надеялся за несколько лет прибрать к рукам все Соединенное Королевство? Но неужели ты действительно думал, что я узнаю обо всем в последний момент, когда ничего нельзя будет исправить? Ну-ну, давненько я не

встречал таких оптимистов.

Лаздей мог не отвечать, я и так видел, что не ошибся ни в одном из предположений. Но он, разумеется, пустился во все тяжкие. Его можно понять: когда человек думает, что продолжительность его жизни будет равна протяженности монолога, он может болтать без умолку сутки напролет. Даже на Темной Стороне, которая, честно говоря, не самое подходящее место для разговоров. Я, собственно, именно поэтому больше всего люблю в одиночестве туда ходить: за болтовней самые прекрасные зрелища и тонкие ощущения пропустить можно.

Но Лаздею все эти «тонкие ощущения», надо понимать, были до одного места. И не только сейчас.

Я даже приблизительно пересказать не берусь чепуху, которую он нес. Но что-то очень возвышенное, это точно. О «магической реальности» и о «сверхспособностях», которые якобы открываются у людей если мучить их как следует. Это, к слову сказать, Лаздей не сам сочинил. По крайней мере, не совсем сам. Существует такая популярная теория: якобы из человека только тогда и выйдет толк, если он пострадает как следует. Великие Магистры самых разнообразных Орденов во все века с удовольствием твердили эту чушь на разные голоса; думаю, исключительно для того, чтобы нещадно эксплуатировать своих юных послушников.

На самом-то деле, мучения мало кому идут на пользу. Сломать можно почти кого угодно, было бы желание. Зато привести сломленного человека в порядок – тяжкий труд, не каждый за такое возьмется. Ну а покорным трусишкам о магии лучше даже на кухне не вспоминать. Не про них эта веселая наука.

Вот, разве что, как способ совсем уж конченного безумца в чувство привести страдания иногда годятся. Я знаю несколько таких примеров, но никогда не пытался выдать исключения за правило. А так-то – от хорошего настроения в сочетании с ясной целью и здравым рассудком в нашем деле куда больше толку. Как, впрочем, и в любом другом.

– Ладно уж, – сказал я, утомившись слушать нечеловеческую чушь в исполнении Лаздея Махикалы. – Хватит с меня.

Лаздей побледнел, но послушно заткнулся.

– Потом продолжим разговор, – милосердно пообещал я. – А пока будешь париться в моей пригоршне, обдумай свое будущее выступление, мой тебе совет. Чтобы давешние глупости по второму разу не повторял. Потому что от скуки я зверею. И, как следствие, утрачиваю добродушие.

Высказав свои пожелания, я уменьшил Властелина Морморы до размеров кончика иглы и спрятал в пригоршне, между большим и

указательным пальцами. Тоже, к слову сказать, старомодный трюк, но пользы от него куда больше, чем от полудюжины талмудов, составленных нынешними популяризаторами дозволенной магии из Ордена Семилистника. Годится для транспортировки багажа и пленников – кроме, разве что, совсем уж могущественных колдунов. Но таких, мягко говоря, не слишком много; к тому же, почти все – мои добрые приятели.

Теперь, когда творец кошмаров был надежно спрятан у меня в кулаке, следовало как можно скорее вернуться в Гажин, навести порядок и успокоить горожан. Собственно, успокоить – в первую очередь. Все же многим пришлось нынче пережить самое страшное пробуждение в своей жизни. И чем скорее люди узнают, что это был последний визит в Мормору, тем лучше. А то знахарей потом на всех не напасешься, да и новые Приюты Безумных на окрестных островах строить не хотелось бы.

Я сосредоточился, воскресил перед внутренним взором живописный строй музыкантов и генералов полиции, две дюжины совершенно одинаковых Зогги и собственного трехметрового двойника, страшного, как взбесившийся болотный оборотень. Я заранее позаботился о возможности вернуться как можно быстрее: созданный мною двойник должен был просуществовать всего полчаса, а потом исчезнуть. Следовало признать, что новый метод возвращения с Темной Стороны я изобрел и опробовал более чем вовремя. Сейчас у меня не только каждый час, но и всякая минута на счету была. А уж на полгода исчезнуть – вот это, я понимаю, катастрофа, почище новой гражданской войны.

– Ты что-то забыл? – осведомился Зогги, когда я положил руку ему на плечо. Его двойники дисциплинированно повторили все движения и жесты оригинала. Дурацкая, но забавная пантомима; глядя на них, я вдруг подумал, что надо бы возродить в Соединенном Королевстве традицию больших карнавалов с переодеваниями, масками и двойниками. Вреда от них никакого, а радости много. Не мне, конечно, но большинству людей такое нравится – вот и пусть их.

– Так забыл? Или что-то случилось? – Зогги настойчиво добивался ответа.

– Ты о чем? – удивился я.

– Ну, ты же, вроде, только что уходить собирался, а теперь вернулся...

– Ага. «Только что», значит...

Я понял, что могу поздравить себя со своеобразным рекордом: насколько мне известно, еще никто не возвращался с Темной Стороны через пару секунд после исчезновения. Хоть памятник себе в полный рост устанавливай. Не на городской площади, конечно, а на том самом

перекрестке, где, если делать все по правилам, обычно остается Страж. Самое место.

– Я уже вернулся, – объяснил я. – Все в порядке, как и следовало ожидать. Морморы больше нет, а ее грозный властелин смиренно сидит у меня в пригоршне. Балаган можно прекращать. Эй, и не вздумайте говорить, что вы только вошли во вкус, – сурово добавил я, увидев на лице своих спутников некое подобие разочарования.

Вот уж действительно, когда еще доведется весь город на уши поставить?

– Но как? – хором спросили Абилат, Зогги и генерал Глык.

– Потом, – отмахнулся я. – Важно, что я это сделал. Теперь нужно город в порядок привести, или хоть людей успокоить.

Не откладывая начало добрых дел в долгий ящик, я ухватил своего огромного уродливого двойника за ноги и разорвал пополам. Не столько из любви к эффектным жестам, сколько ради нескольких капель мутной зеленоватой влаги, которая остается на ладонях того, кто сумеет уничтожить собственного двойника раньше срока. Эта жидкость называется «призрак крови» и существует всего долю секунды; некоторые герои даже заметить ничего не успевают. Но если изловчиться и слизнуть зеленую муть прежде, чем она исчезнет, получишь такой заряд силы и бодрости, что небо на землю обрушить – пара пустяков.

Моя задача, впрочем, не отличалась столь грандиозным масштабам. Мне всего-то и требовалось: поговорить со всеми жителями Гажина одновременно. Не орать во всю глотку, конечно, а сделать так, чтобы каждому показалось, будто я лично ему послал зов и все объяснил. Не самый хитроумный трюк, но сил отнимает немало, так что я был рад возможности заблаговременно подкрепиться.

«Хорошая ночь, – вежливо сказал я. – Это Джуффин Халли, Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыскного Войска столицы Соединенного Королевства. Рад сообщить всем, кому в последнее время плохо спалось, что с Морморой покончено раз и навсегда, а виновник ваших ночных кошмаров арестован. Вынужден попросить прощения за небольшой спектакль, который мне пришлось устроить на улицах вашего города. Сожалею, если доставил вам несколько неприятных минут. Советую вернуться домой, успокоиться и отдохнуть. Страшных снов о Морморе, повторяю, больше не будет, поэтому можно ложиться спать без всяких опасений. К утру город будет в полном порядке. Если вам, или кому-то из ваших близких нездоровится, пришлите зов мне, или сэру Абилату из Тайного Сыска, мы будем рады вам помочь. Всех свободных от

дел знахарей настоятельно прошу оказывать необходимую помощь своим соседям, родичам и постоянным пациентам, или же присоединиться к нам. Мы находимся на углу Алой Линии и Стекло́йной улицы. Спасибо за внимание, хорошей ночи всем.»

Ответом мне был тихий, но отчетливый вздох облегчения. То ли множество человеческих вздохов слились воедино, то ли это действительно был голос города Гажина, избавленного от незавидной, прямо скажем, участи. Впрочем, одно другому вовсе не противоречит.

Веселье закончилось, теперь нам предстояли приятные, но утомительные хлопоты. Пока сэр Шурф разгонял тучи, а портовые нищие и полицейские совместными усилиями приводили в порядок улицы, мы с Абилатом и дюжиной городских знахарей врачевали истерики, галлюцинации, сердечные приступы, раны, переломы и ушибы. К счастью, пациентов у нас было не так много, как я предполагал, да и травмы попадались все больше пустяковые. Гажинцы, надо понимать, обладали крепкими нервами, здравым смыслом и завидным запасом стойкости. Катастрофа катастрофой, но с мостов да крыш кидаться, шеи ломать мало нашлось охотников.

Зато под конец к нам доставили теплую компанию хрупких с виду старичков, которые, почуяв, что дело плохо, тут же вломились в ближайший трактир и принялись уничтожать чужие припасы. На хояву, да напоследок – изумительное сочетание. Исцелить этих джентльменов было не так просто, как может показаться: слишком уж перепили, да еще и обожрались до полусмерти, в их годы такое даром не проходит. Но Абилат справился почти без моего вмешательства. Что тут скажешь – молодец.

Под утро, когда поток страждущих иссяк, я отправился к Зогги, который уже успел испечь полдюжины пирогов и сварить целый котел своих фирменных помоев. Впрочем, на сей раз я благосклонно решил, что дрянная местная камра – это гораздо лучше, чем вовсе никакой. Вот ведь как умаялся и присмирел. Ну, известное дело: ничто так не выматывает, как добрые дела.

За столом сидели бледный от усталости, но счастливый Абилат, которого я отпустил отдыхать всего полчаса назад и Шурф Лонли-Локли. Этот герой педантично уничтожал последний, самый жаряристый пирог, которому не хватило места на блюде. Собственно, к моему приходу он почти закончил. Могу спорить, им двигал не столько голод, сколько любовь к порядку. Этот парень терпеть не может, когда на столе бардак, уж я-то его знаю.

– Ты бы тучи так истреблял, как пироги, цены бы тебе не было, –

проворчал я.

– С небом все в полном порядке, сэр, – учтиво ответил Шурф. – Моих туч там не осталось, а бороться с естественной облачностью я не учен, да и не вправе. По моим прогнозам утром тоже будет пасмурно, но к полудню распогодится.

Он умолк, но когда я решил, что разговор наш уже закончен, вдруг сказал:

– У меня есть к вам личная просьба, сэр Джуффин.

Грешные Магистры, а я-то думал, что нынче мне уж точно больше не придется удивляться! Надо хорошо знать Шурфа Лонли-Локли, чтобы понимать, насколько неожиданно звучало в его устах словосочетание «личная просьба». Не в его привычках советоваться с кем бы то ни было о личных делах, а уж просить – это и вовсе ни в какие ворота.

Но вслух я ничего говорить не стал, а только бровь приподнял. Дескать, я весь внимание.

– Если вы не возражаете, я хотел бы исследовать наваждение, которое все еще находится на месте здания Гажинской городской полиции, – объяснил Шурф. – Меня всегда чрезвычайно интересовали подобные вещи, а возможность увидеть их вблизи выпадает нечасто.

Всего-навсего. А я-то думал...

– Я не возражаю. Но учти, это наваждение исчезнет на рассвете. По моим расчетам солнце взойдет примерно через три часа...

– Через два часа сорок три минуты, – поправил меня Лонли-Локли.

– Вот-вот. Твоя страсть к точности на сей раз пригодится как никогда. Ты должен покинуть замок хотя бы за полчаса до рассвета, если не хочешь исчезнуть вместе с ним.

– Исчезать не в моих интересах, – кивнул Шурф. – Ровно за полчаса до восхода солнца я оттуда выйду, можете быть уверены.

Я, собственно, и не сомневался. Этот парень словно бы специально рожден для посещения всяких заколдованных мест, которые следует покидать в точно установленный срок.

– Мне бы хотелось получить от вас пропуск, – мягко, но настойчиво добавил он.

– Пропуск? – изумился я. – Какой такой пропуск?

– Возможно, вы уже забыли, но согласно вашему собственному приказу наваждение окружено полицейским кордоном во главе с Генералом Глыком, – напомнил Лонли-Локли.

– Ну да. Чтобы никто туда случайно не забрел. Но о пропусках речи не было. Иди себе спокойно, скажешь, я тебя послал.

Сэр Шурф Лонли-Локли поглядел на меня с явным неодобрением. Дай ему волю, он бы даже птицам небесным и рыбам речным раздал специальные пропуска, чтобы навести наконец идеальный порядок в их хаотических перемещениях. Но некоторые мечты должны оставаться мечтами, я так считаю.

Поэтому я выразительно помахал ему рукой – дескать, проваливай, пока я добрый – а сам принялся за еду. Все-таки эта ночка здорово меня вымотала.

Зогги и Абилат – те и вовсе носами клевали, щурились, заслоняясь от света, зевали. Очень слаженный вышел у них дуэт и проникновенный на диво. Даже если бы эти двое были позарез нужны мне для дела, я бы, пожалуй, все равно отправил их отсыпаться, поскольку никогда не был сторонником пыток. Но они явно заранее сговорились, что не пойдут спать, пока я не объясню, что случилось. Обещал ведь.

Ну да, обещал.

– То есть, вы действительно полагаете, что сперва хотите выслушать мой рассказ и только потом отправляться на отдых? – недоверчиво спросил я. – Не самое удачное решение в вашей жизни, господа. Но – ладно, дело хозяйское. Слушайте.

И вкратце – еще короче, чем вам – пересказал ничем не выдающуюся историю своей последней встречи с Лаздем Махикалой. Про Темную Сторону и серую паутину даже не заикался. Чего людям зря голову морочить, все равно ведь ничего не поймут. Важно что? Важно, что Мормора истаяла, а ее грозный властелин сидит у меня в пригоршне, остальное – мелочи.

– Но почему? – упрямо спросил Зогги, когда я замолчал. – Я не дурак, сразу понял, что у нас уже все хорошо. И по твоей довольной роже, и по тому, что порядок наводить стали. Чего я не понял, так это почему все хорошо? С какой стати? И этот твой спектакль – он зачем был?

– А ты Абилата расспроси, – ухмыльнулся я. – Пусть расскажет, что ему напомнили декорации этого «спектакля». И пусть объяснит, почему взрослые, умные, храбрые люди визжали нынче ночью, как лесные кабаны в яме. Надеюсь, теперь он может говорить все что угодно. Лаздей еще жив, но от заклинаний его ничего не осталось.

– Ага, я расколдован окончательно и бесповоротно, – кивнул Абилат. – Большое вам за это спасибо! Я Зогги и сэру Шурфу уже рассказал все, что знал. И объяснил, что вы сделали Гажин похожим на Мормору, а сами стали копией ее «властелина». Но я, честно говоря, сам не понял, почему это сработало. Ну, проснулись люди, перепугались, пошумели немножко...

– Вот-вот, – обрадовался я. – Ключевое слово ты уже произнес. Так что, говоришь, люди сделали?

– Проснулись, перепугались... – неохотно повторил он.

– Стоп. Произнеси эту фразу еще раз. И еще. Пока не сообразишь, что к чему.

– Вы надо мной смеетесь? – вздохнул Абилат.

– Делать мне больше нечего. Не смеюсь, а учу тебя думать. Твоей собственной головой, между прочим. Которая останется при тебе, когда меня не будет рядом. Очень, знаешь ли, полезная привычка получится, если приживется. Давай-давай, повторяй, не ленись.

– Проснулись, перепугались, – мрачно сказал Абилат. – Проснулись. Перепугались. Проснулись. Перепугались. Проснулись. Перепугались. Проснулись...

Зогги глядел на меня неодобрительно. Дескать, что же ты, гад, из мальчика жилы тянешь? У нас с Зогги совершенно разные взгляды на воспитание. Иначе и быть не может: его питомцы попадают к нему совсем маленькими, а мои ко мне – великовозрастными балбесами, с кучей дурацких привычек. Взять хотя бы привычку задавать вопросы вместо того, чтобы самостоятельно разгадывать загадки. Почему всем кажется, что так проще и интересней? Ну вот кто, кто им это сказал?!

– Неужели так и не понял? – спросил я Абилата. – До сих пор? Ну сам же говоришь: проснулись. И перепугались. Вот чего они, по-твоему, перепугались?

– Что сон закончился, а Мормора осталась? – неуверенно предположил он.

– Ну да. Пока все очень правильно. Продолжай.

– А я не знаю, как тут можно продолжить. Все одновременно проснулись – это я понимаю. Поглядели в окно, увидели, что Гажин превратился в Мормору, испугались – тут тоже все ясно. И что дальше? Почему это повредило настоящей Морморе?

– А как ты думаешь, в момент пробуждения хоть кто-нибудь из горожан подумал, что за окном – фальшивая Мормора? И, следовательно, где-то осталась еще одна, «настоящая»?

– Н-н-нет, – неуверенно протянул Абилат. Собрался с мыслями, и решительно помотал головой. – Конечно нет. Все кроме нас думали, что Мормора – одна и та же, то есть та самая – ну, вы поняли, что я хочу сказать...

– Ну да!.. Ладно, дальше давай рассуждать вместе. Во-первых, как тебе кажется, после того, как все горожане проснулись, в Морморе остался хотя бы один мученик?

– Разве только мертвые. По крайней мере, этот ваш бывший ученик грозил, что все непокорные умрут во сне и останутся в Морморе навсегда...

– О мертвых поговорим потом. Живые там оставались?

– Нет. Но так уже не раз бывало: днем-то никто не спит. Особенно в конце года. А Мормора стояла себе, как ни в чем не бывало.

– Правильно. Но пока вы бодрствовали, вы же помнили, что Мормора есть, верно? Строили планы, как избавиться от ночных кошмаров, пытались что-то сделать. Небось целыми днями только об этом и думали.

– Ну... Да, конечно.

– И никто не сомневался, что стоит ему уснуть, и кошмар начнется снова, верно?

– Верно.

– А сегодня? Как ты думаешь, хоть кто-то продолжал бояться страшных снов, когда увидел, что Мормора стала реальностью?

– Не думаю. Люди считают, что сны, даже самые страшные – это все-таки ерунда. А то, что происходит наяву, очень важно. Конечно, если уж видишь, что Мормора стала явью, про сны и не вспомнишь.

– Вот! – торжественно сказал я. – Именно к этому выводу я тебя и подводил. Мало того, что все мученики убрались из Морморы, они еще и думать о ней перестали. Более того, несколько минут были совершенно уверены, что пространство их кошмарных сновидений – вот оно, никакой иной Морморы нет и не было никогда. Все их внимание было целиком захвачено новыми страшными обстоятельствами жизни, в этот момент никто не мог беспокоиться о снах, которые приснятся завтра...

– И что с того? – вмешался Зогги. – Хочешь сказать, Лаздей Махикала утратил могущество только потому, что люди перестали обращать на него внимание?

– Именно. Ни одна вымышленная реальность не может продолжать существовать, если на нее не обращает внимания никто, кроме собственного создателя. И, напротив, чем больше равнодушных зрителей, тем сильнее наваждение. Впрочем, все это относится не только к наваждениям. Человеческое внимание – страшная сила, но мало кто умеет ею управлять. Вот в старые времена такие мастера встречались. В древних исторических хрониках эпохи великого заселения Хонхоны рассказывается, что завоеватель Ульвиар Безликий никак не мог разрушить замок своего заклятого врага. Сам-то враг давно уж был повержен, похоронен и почти забыт, но замок его все еще стоял на высокой скале и был крепок как скала. По мнению Ульвиара Безликого, это сооружение чрезвычайно портило пейзаж, ну и настроение заодно. Обычное колдовство

не помогало: замок был заморожен на славу и застрахован от вторжений и разрушений на долгие века. Тогда Ульвиар Безликий сделал ненавистное сооружение невидимым, а людям сказал, будто разрушил его собственными руками. Рассказ получился хороший, страстный и увлекательный, изобилующий живописными подробностями, так что на эту тему было придумано великое множество песен и даже парадный танец «Разрушение Крепости», который до сих пор иногда исполняют на сельских свадьбах. Окрестные жители то и дело смотрели на знаменитую скалу, констатировали: «Да, действительно, был замок – и нет замка». Время шло. Пару сотен лет спустя Ульвиар перенес столицу завоеванных земель в другое место, и сам не заметил, как думать забыл о невидимом вражеском замке. Запомнил даже, что заклятие, которое делает предметы невидимыми, действует не вечно. И что ж? Когда туман рассеялся, оказалось, что замок рухнул, причем именно так, как описано в песнях. Такова сила человеческого внимания, подкрепленного способностью верить, не испытывая сомнений.

– То есть, когда я говорю своим детям, чтобы они не обращали внимания на дураков, и те непременно сами куда-нибудь денутся, я учу их хитроумной магической технике? – изумился Зогги.

– Ну, не совсем так. Конечно, ты подсказываешь им верный по сути принцип. Но для того, чтобы заставить его работать, детей, которые не обращают внимания на дурака, должно быть очень много. Все, кто видел его хоть раз в жизни, или просто слышал о нем. И еще желательно, чтобы родители дурака тоже вдруг забыли о его существовании и перестали ждать к обеду. Улавливаешь разницу? Поэтому лучше учи их технике кулачного боя. И не только кулачного.

– Ну, это само собой, – авторитетно согласился Зогги. – Спасибо, что объяснил.

Не уверен, что мой друг действительно все понял, но он остался доволен разговором. Был благодарен, что я все-таки потрудился, сдержал обещание, рассказал, что, да как, да почему. Все же Зогги знал меня в старые добрые времена, ему моя нынешняя покладистость была в диковинку.

– Но как вы догадались, что нужно поступить именно так? – спросил Абилат. – Просто потому, что читали древние хроники? Или вы так уже много раз делали?

– Нет, ни разу. Я и о деяниях Ульвиара Безликого только сейчас, задним числом вспомнил, специально для вас с Зогги. А как догадался – да, это хороший вопрос. Могу объяснить, если ты еще не устал слушать.

Абилат азартно закивал, одновременно пытаясь открыть глаза. Не могу сказать, что это ему действительно удалось, но упрямство и любопытство – достоинства, которые я ценю превыше выносливости.

Зогги понял, что разговор закончится еще не скоро, но торопить нас не собирался. Сходил в погреб за укумбийским бомборокки, разрезал еще один пирог. Приготовился слушать.

– Есть одно железное правило, – начал я. – Колдовство всегда похоже на колдуна. Всякое магическое пространство обладает силой и слабостями своего создателя. Это, собственно, не только магии касается: если вы зайдете в дом, где живет неряха, сразу это поймете. А, скажем, в рабочем кабинете сэра Лонли-Локли тоже сделаете немало безошибочных выводов о характере его обитателя. Но мы сейчас будем говорить именно о магии. Просто, чтобы не размениваться на мелочи... Знаешь, Зогги, а давай-ка я сам камру сварю. Для разнообразия. А ты сиди, отдыхай. Понимаю, что хороший повар к своей плите чужих людей ни за что не пустит, но мне-то можно?

Белый Клок размышлял довольно долго. Когда я пришел к нему на рассвете за порцией детской крови, он не колебался ни минуты, а тут всерьез притормозил. Наконец он махнул рукой – дескать, давай. Гулять так гулять, и гори все огнем. Отчаянный он мужик, мой друг Зогги Хлакк.

Потом эти двое во все глаза глядели, как я вожусь с жаровней. Явно не могли поверить, что это им не мерещится. Я не раз замечал, люди страшно удивляются, обнаружив, что какой-нибудь могущественный, или просто знаменитый человек умеет делать обычные, повседневные вещи. Заплату на лоохи поставить, лепешку испечь, или вот камру сварить. То ли им нравится думать, что в промежутках между великими деяниями мы ведем себя как беспомощные младенцы, то ли кажется, что этих промежутков не бывает вовсе: совершив подвиг, герой засыпает, не раздеваясь, а поутру, едва продрав глаза, выскакивает на улицу, чтобы спасти и убивать всех, кто под руку подвернется. А что, прекрасная была бы жизнь...

– Возвращаясь к нашей беседе, – говорил я, разливая камру по кружкам. – Могу повторить: колдовство всегда похоже на колдуна, иначе не бывает. Поэтому из простаков редко получают по-настоящему могущественные чародеи. Строго говоря, вообще никогда, но некоторые личности с годами вдруг добивают глубины и сложности, и тогда все у них идет как по маслу. А наш общий приятель, Лаздей Махикала, как был простофилей, так и остался, никакая наука ему не впрок... Что приуныл, сэр Абилат? Тебе кажется, что я не отвечаю на твой вопрос?

– Вы, может, и отвечаете, но мне пока не понятно, – честно сказал он. –

Зато камра у вас очень вкусная получилась. Никогда такой не пил, даже в детстве.

– Рад, что тебе нравится. А понятно будет, это я обещаю. Но не обязательно сразу. Возможно только лет через двести. Так вот. Исходя из того, что Лаздей простак, можно смело заключить, что и магия у него простая. Опасная – да, не вопрос. Мощная настолько, что в огромном городе Гажине не нашлось героя, который смог бы хоть что-то противопоставить ужасам Морморы. Но – простая. Так я рассуждал. Потом я спросил себя: а в чем, собственно, главная слабость Лаздея? Ответ на поверхности. Как всякий по-настоящему злой человек, он болезненно нуждается в других людях. В одиночестве Лаздей быстро загнетса. Он из тех бедняг, которые вынуждены постоянно оглядываться на других. Только обычно люди такого склада нуждаются в чужом сочувствии, или восхищении, или, скажем, любви. А Лаздею постоянно нужны доказательства, что он круче всех. Ради этого он кого угодно с дерьмом смешать готов. Сломать, искалечить, сна лишить, или хоть до слез довести – да все что угодно. Иного способа черпать силу и радость он не знает.

– Я сейчас заплачу, – хмыкнул Зогги. – Ты еще скажи, что его в детстве обижали.

– Наверняка. Иначе откуда бы такое страстное желание расквитаться со всем человечеством разом? Впрочем, это его проблемы. Важно, что поразмыслив об этом, я понял: нужно, чтобы жертвы Лаздея, которые невольно стали его сообщниками, на какое-то время о нем забыли. Все, разом. Известно, что самый простой и надежный способ отвлечь человека от его главного страха – напугать его еще больше. Придумать сценарий было не слишком сложно, реализовать, как вы оба могли заметить, тоже... Допивайте камру, друзья, и отправляйтесь спать. Смотреть на вас больно.

– Мне бы Тинну надо дождаться, – зевнул Зогги. – Что-то она запаздывает. Странно: чтобы Длинная Тинна, да за своими деньгами не торопилась...

– А разве мы ей так и не заплатили? – удивился я. – Деньги для нее я тебе еще днем дал.

– Она заходила, взяла часть суммы, чтобы рассчитаться со своими людьми. Обещала вернуться через час за своей долей, – объяснил Зогги. – Дескать, слишком много монет для ее дырявого кошелька. Думаю, на самом деле Тинна просто нашла предлог зайти ко мне еще раз: а вдруг этот твой красавчик в Мантии Смерти заявится. Она же всерьез глаз на него положила, я такие вещи всегда подмечаю.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Славная парочка, даже жаль их так быстро

разлучать.

– Но с тех пор прошло уже целых два с половиной часа, а Тинны все нет, – заключил Зогги. – Если бы это была не Тинна, я бы, пожалуй, начал беспокоиться. А так только сержусь понемножку. Может она его по дороге встретила? Тогда понятно, почему ее до сих пор нет. И чем твой помощник занят, тоже понятно.

– Ты плохо знаешь Шурфа, – возразил я. – Уж если он вбил что-то себе в голову, будь покоен, пока не сделает, не уgomонится. И три дюжины страстных красоток останутся ни с чем: сэр Шурф просто сметет их со своего пути к намеченной цели. Зато на обратной дороге подберет пожалуй. Он парень хозяйственный.

– Вот оно как, – Зогги снова зевнул, да так, что у него голова чуть надвое не раскололась. – А камра у тебя и правда вкусная, Джуффин. Мне тебя теперь даже угощать будет неловко.

К этому умозаключению я его, собственно, и подводил. Но теперь, когда дело было в шляпе, мне стало жаль старого друга.

– Ничего, ты тоже хороший повар, Зогги, – соврал я. – Иди-ка отдыхать. Оба идите. Я сам тут пока посижу. Расплачусь с Тинной, дождусь Шурфа, отправлю его домой. В общем, дела найдутся, да и подумать мне есть о чем.

– А спать совсем не будешь? – уважительно спросил Зогги. Абилат к этому времени уже задремал, положив голову на руки, и в беседу не вмешивался.

– Я и так целый день спал. Ради дела конечно, но сон – он и есть сон. Даже если чужой и про Мормору.

– Ладно, – кивнул он. – Тогда с местами нет проблем. Я уложу Абилата в своей спальне, а сам лягу в детской. Пускай у меня на голове с утра прыгают, меня такой ерундой не проймешь. Хорошей тебе ночи!

Оставшись один, я разогрел остатки камры, набил трубку и четверть часа кряду наслаждался спокойной жизнью, даже на раздумья не отвлекался. Надо иногда и мне помолчать.

Я бы еще какое-то время так бездельничал, но мне помешали. И добро бы Длинная Тинна за деньгами явилась, так нет же, Лонли-Локли зов прислал. Я даже немного удивился: до рассвета еще больше часа, с чего бы это вдруг Шурф вспомнил о моем существовании? Совершенно не в его духе.

«Простите, если помешал вам, сэр, – вежливо сказал он. – Видите ли, мне кажется, что я тут не один. Когда я говорю „тут“, я подразумеваю искусную иллюзию, которую вы создали на месте Управления Порядка.»

«Догадываюсь. А ты уверен, что тебе не мерещится?»

«Если бы речь шла об обычном помещении, я сказал бы, что уверен. Но поскольку законы этого наваждения мною еще не изучены, я вынужден признать, что не могу быть уверен ни в чем. Однако ощущение чужого присутствия очень сильное. И мне кажется, что этот человек испуган, или растерян. Похоже, сюда пробрался кто-то из горожан – просто так, из любопытства.»

Вот не было печали!

«Поскольку через час с небольшим наваждение исчезнет, необходимо как можно скорее найти этого легкомысленного исследователя и вывести отсюда, – торопливо говорил Лонли-Локли. – Но я не знаю, как следует вести поиски в такого рода местах. По крайней мере, попытки встать на след ни к чему не приводят, а проводить ритуал Призыва вы меня так и не научили.»

«Совершенно верно, – подтвердил я. – И еще долго не буду тебя этому учить, всему свое время... Ладно, я сейчас. Жди на пороге, чтобы хоть тебя искать не пришлось.»

Я воспользовался Темным Путем и секунду спустя оказался у ограды полицейского управления. Перво-наперво допросил охранников, которым велел сторожить наваждение от любопытных. Они в один голос утверждали, что не пропускали никого, кроме высокого господина в Мантии Смерти, который явился сюда по моему собственному приказу.

Обманывать меня полицейские не намеревались, но в их поведении была особая разновидность неуверенности, которая всегда сопутствует невольной лжи, когда человек врет не собеседнику, а самому себе. Смутно чувствует, что возможно был невнимателен, расслабился, пропустил что-то важное, но ни за что в этом не признается. Будет стоять на своем куда тверже, чем человек, искренне убежденный в собственной правоте. В общем, знаю я такие фокусы.

С другой стороны, какой с гажинских полицейских спрос? Толпу окрестных ребятишек в прятки играть сюда не пустили, и на том спасибо. Ну и мои подозрения, что кто-то очень ловкий проскользнул в призрачный замок вслед за Лонли-Локли, после нашей беседы переросли в твердую уверенность. Так что от допроса все же вышел какой-то толк.

Сэр Шурф ждал меня на пороге дома. Точнее на границе между реальностью и наваждением. Вид у него был чрезвычайно недовольный. Зная Шурфа, я подозревал, что теперь он сам себя проклинаят: зачем пошел на поводу у собственного чутья, поднял переполох? Мог бы еще целый час за здешними тайнами гоняться, и надо же, собственными руками этакое

счастье порушил. Ну, это с ним вечная история: чувство долга всегда перевешивает личные интересы; парень морщится, но терпит. Такая трудная жизнь.

– Я нащупал след, но на пороге он обрывается, – отрапортовал Шурф. – Может вы попробуете?

– Бессмысленно. Люди оставляют следы, пока ходят по земле. Наваждение захочешь, а не истопчешь, – отмахнулся я. – Скажи лучше, что за след?

– Сложно сказать, я все-таки не Мастер Преследования. Но похоже, это женщина. Причем то ли довольно могущественная ведьма, то ли просто сильная личность, мне в таких случаях всегда бывает трудно разобраться.

– Ну, положим, вещи-то взаимосвязанные... А разбираться ни к чему. И так ясно: это леди Тинна за тобой прискакала. То-то мы с Зогги удивлялись, что она за деньгами не приходит...

– За мной? – искренне удивился Лонли-Локли. – Но зачем? Тут не самое подходящее место для свиданий. Строго говоря, хуже и не выдумаешь.

– Это тебе ясно. А ей никакой разницы, лишь бы без свидетелей с тобой поговорить.

– На ее месте я бы просто послал зов персоне, которая меня заинтересовала, – пожал плечами сэр Шурф. – Безмолвная речь для того и существует, чтобы люди могли поговорить без свидетелей. Собственно, я и сам собирался послать ей зов, когда покончу с исследованиями. Леди Тинна – чрезвычайно интересная особа. К тому же я собирался задать ей ряд вопросов касательно древнего устава Белых Пекарей. Странно, что она не захотела немного подождать.

Я возвел глаза к небу. И почему как только человек становится совершенством, он тут же напрочь перестает разбираться в людях?! Лонли-Локли в этом смысле не исключение, я уж сколько таких умников перевидал.

Конечно, Длинная Тинна вряд ли была так уж уверена, что столичный красавчик в Мантии Смерти непременно о ней вспомнит, а назначить свидание самой ей гордость не позволяла. Вот и ухватилась за первую же возможность устроить встречу как бы случайно: дескать, шла мимо, никого не трогала, а тут вы гуляете, какая неожиданность... Но что толку объяснять все это Лонли-Локли? В лучшем случае бровь приподнимет вежливо, но скорее всего просто пожмет плечами – дескать, как же вы хорошо во всех этих глупостях разбираетесь, сэр! Знаю я его.

Поэтому я не стал тратить время, чтобы в очередной раз втолковать

Шурфу, как устроена нормальная человеческая жизнь, а просто послал зов леди Тинне. Благо свойства созданного мною наваждения Безмолвному общению не препятствовали.

«Прости великодушно, леди Тинна, что беспокою тебя в столь неурочный час, – галантно сказал я. – Но мой друг Зогги уже устал сидеть на мешке с твоими деньгами. Куда ты запропастилась?»

К счастью, она откликнулась немедленно. И то хлеб.

Сперва Тинна сделала вид, что страшно занята. Изобретала какие-то хитроумные препятствия, якобы вставшие на ее пути к трактиру, декламировала старинные формулы извинений, больше похожие на заклинания, обещала зайти за деньгами на рассвете, или даже в полдень, как нам будет удобнее. Надеюсь быстро от меня отделаться, но я не отставал. С преувеличенным интересом расспрашивал: какие такие дела? Что за препятствия? А ну-ка, подробнее, пожалуйста! Неужели что-то еще не в порядке? И может быть нужна помощь?

Наконец эта детская игра в увертки мне надоела, и я перешел к делу.

«Есть у меня подозрение, леди Тинна, что ты не удержалась от искушения и залезла в мой заколдованный замок... Да погоди ты, не спорь, сперва выслушай, что я скажу. От самой прогулки вреда никакого нет, шлейся себе на здоровье где хочешь. Мне не жалко. Есть только одна проблема: на рассвете это наваждение исчезнет. И если в этот момент внутри будут гулять люди, они тоже исчезнут. Раз – и нет никого. Собственно, только поэтому я окружил это место стражей, которую ты, как я понимаю, благополучно обвела вокруг пальца. Ну и молодец. А теперь давай, выбирайся оттуда. У тебя в запасе меньше часа. Чем скорее выйдешь, тем лучше.»

Старшина гажинских нищих умолкла надолго. Обдумывала информацию, как я понимаю. И в результате приняла единственно верное решение: слушаться меня.

«Если так, я пошла назад, – объявила она. – Извините, что сунулась сюда без спроса... А кстати, ваш коллега в Мантии Смерти – он знает, что через час всему конец? А то я случайно видела, как он сюда заходил.»

Случайно она видела, понимаете ли. Вот ведь, бывают же удивительные совпадения!

«Сэр Лонли-Локли уже давно на улице, – успокоил я Тинну. – Давай, поторапливайся».

Потом я набил трубку, уселся на низкий каменный парапет, поманил Шурфа: дескать, садись рядом.

– Ну и что, неужели леди Тинна действительно бродит по этому

замку? – спросил он.

– А как ты думаешь? – ухмыльнулся я.

– Я думал, она более благоразумна, – сухо сказал Шурф. – При такой-то профессии, как у нее...

– Ну, все же не придворная дама, и не школьная учительница. Риск для нее, надо полагать, привычное дело.

Лонли-Локли был непреклонен.

– Риск – да. Но не легкомыслие. А уж отсутствие у старшины нищих терпения и выдержки совершенно недопустимо.

Я сперва даже удивился немного: что за вожжа ему под хвост попала? Но развивать эту тему не стал, а просто предложил ему кисет с табаком. Сэр Шурф благодарил меня долго и церемонно, как Куманский Халиф заморского посла. Подозреваю, это блестящее выступление хоть немного помогло ему отвлечься от печальных мыслей о несовершенстве леди Тинны. И от тревоги за ее драгоценную шкурку, если уж на то пошло.

Четверть часа спустя я снова послал зов Тинне и без лишних церемоний спросил, где ее Темные Магистры носят. Она очень бодро доложила, что надеется скоро быть рядом с нами.

Все бы ничего, но формулировка мне не понравилась. Какая такая «надежда»? Если уж взрослый, трезвый, здоровый человек собственными ногами топает к выходу, он не «надеется», а *знает*, что конец пути близок. Или?..

«Так. Погоди-ка, леди Тинна, – сказал я. – А ты дорогу-то запомнила?»

«Н-н-ну...»

Когда Безмолвная речь превращается в Безмолвное заикание, дело плохо. Ясно, как день, Тинна и не думала запоминать дорогу. Не до того было, она же Шурфа искала, а что потом – какое ей дело?

Ну а теперь она заблудилась.

Грешные Магистры, уж насколько я, казалось бы, предусмотрителен, но такой вариант мне прежде и в голову не приходил. А мог бы сразу догадаться: наваждение-то я на славу отгрохал. Замок огромный, коридоры запутанные, лестницы вместо того, чтобы связывать этажи, напротив, их разъединяют – словом, идеальная ловушка для рассеянного чудака. Или вот, к примеру, для влюбленной женщины.

«Что ж ты раньше молчала?» – в сердцах спросил я.

Ответа, как я и думал, не последовало. Ох уж эти мне гордецы! Прекрасный человеческий материал, но хлопот с ними не оберешься.

– Можешь себе представить, Тинна заблудилась, – сказал я Шурфу.

– И что теперь? – флегматично осведомился он.

– Ничего особенного. Прочитаю заклинание Призыва, и через пару минут она объявится здесь. Сразу надо было... А, ладно.

Ритуал Призыва я исполнил так тщательно, словно намеревался залятого врага из норы вытащить. Чтобы уж наверняка. Но время шло, а Тинны все не было. Сперва я думал, что она просто очень уж далеко зашла, но через десять минут забеспокоился и послал ей зов. На всякий случай попросил не сопротивляться заклятию, дескать, я же шкуру ее спасаю. А то мало ли, вдруг она обучена какой-нибудь древней защите? Знаю я этих провинциальных тихонь, у них чуть ли не на любой случай какой-нибудь старинный, всеми забытый фокус припасен.

Но Длинная Тинна снова меня огорошила.

«А со мной ничего не происходит, – сказала она. – Я тут уже пару минут сижу, курю под какой-то лестницей. Стараюсь смириться с мыслью, что выйти уже, пожалуй, не успею. Сколько там осталось до рассвета?»

«Около получаса... погоди, а как такое может быть, что с тобой ничего не происходит? Я ритуал Призыва исполнил, слышала о таком? Ты сейчас не сидеть под лестницей, а к выходу галопом нестись должна!»

«Я никогда ничего не слышала о ритуале Призыва, – ответила Тинна. – Но, наверное, понимаю, что вы имеете в виду. Вынуждена вас огорчить: у меня нет никакого желания нестись галопом. И где тут выход, я по-прежнему не представляю, к моему величайшему сожалению.»

Я уж не знал, что и думать. Но секундой позже меня осенило.

«Погоди-ка, а Тинна – твое настоящее имя?»

«Вообще-то нет, – как ни в чем не бывало призналась она. – Отец называл меня Тинной с тех пор, как я себя помню. Но он часто повторял, что это – просто прозвище, а настоящее имя хранил в секрете и обещал подарить его мне к совершеннолетию. Такой вот у него был заскок, а может папа просто заранее придумал, как сэкономить на подарке. К сожалению, в один прекрасный день он нанялся подрабатывать курьером при здешней резиденции ордена Водяной Вороны. И вышло так, что вскоре его убил сам Магистр Лойсо Пондохва, заявившийся в Гажин навестить своих учеников. То ли отец что-то неправильно сделал, то ли Лойсо не с той ноги встал, с ним такое то и дело случалось, и никто ему слова поперек сказать не мог... В общем, папа умер, а я так и не узнала, как меня зовут.»

Да, ничего себе новость. И что тут прикажете делать? Заклинание Призыва работает только если позвать человека по имени, прозвища и псевдонимы тут не годятся. Узнать настоящее имя несложно, но для этого непременно надо заглянуть человеку в глаза. Тогда и самый могущественный колдун вряд ли сможет меня обмануть.

Но заглянуть в глаза леди Тинны нынче днем я как-то не догадался, да и вечером не до того было. А на расстоянии такие вещи, к сожалению, не делаются. Так что про ритуал Призыва следовало забыть и срочно придумать что-то другое.

Лонли-Локли понял, что у нас снова трудности. Поглядел на меня вопросительно.

– Не переживай, – говорю. – В любом случае, я ее там не брошу.

– Я не переживаю, хотя чувствовать себя невольным виновником неприятностей леди Тинны не слишком приятно. Пожалуй, я мог бы попробовать войти в дом и ее отыскать, – не слишком уверенно сказал сэр Шурф. – Дом огромный, конечно, но вы же знаете, я очень неплохо ориентируюсь в незнакомых помещениях.

– Ага, именно то, что мне сейчас требуется: чтобы вместо одного человека с этим грешным наваждением исчезли двое, – проворчал я. – До рассвета сколько осталось, знаешь?

– Двадцать четыре минуты, – отвечал сэр Шурф. – Но, если я правильно понимаю, леди Тинна окончательно заблудилась, заклинание Призыва не работает, и значит другого способа помочь ей нет?

– В любом случае, то, что ты предлагаешь, тоже не способ, а просто сценарий идиотского подвига, в духе галантных романов эпохи Королевы Вельдхут. Извини, конечно.

– Это очень распространенное заблуждение, будто галантные романы относятся к эпохе Королевы Вельдхут, – внезапно оживился Шурф. – На самом деле их начали сочинять позже, в период правления династии вурдалаков Клакков. Но нерадивые современные исследователи не тратят время и силы на экспертизу, а совершенно голословно утверждают, будто эти романы сочиняли придворные. Якобы по прихоти королевы, специально для ее удовольствия. Нынче бытует мнение, что именно женщины падки на любовные истории – при том, что все настоящие поклонники и ценители этого жанра, которых я знал лично, были мужчинами. Что же до королевы Вельдхут, она, если образ, описанный в исторических хрониках, хоть немного похож на оригинал, была очень искренним и прямодушным человеком, а потому испытывала отвращение ко всякому проявлению показной сентиментальности...

На этом месте он наконец опомнился и со сдержанным достоинством добавил:

– Сейчас, конечно, не время для дискуссии о галантных романах. Но если вам будет интересно, я могу завершить свои рассуждения в более подходящий момент.

Он очень вовремя остановился. Еще немного, и я бы, пожалуй, дал ему подзатыльник, чтобы охолонул. Когда речь заходит о литературе, Лонли-Локли теряет чувство меры, и голову заодно.

– Ладно, – сказал я. – Не будем терять время. Это мое наваждение, значит я сам туда и пойду. По крайней мере, существует железное правило: ни одно наваждение не может причинить ни малейшего вреда своему создателю. Кстати, именно по этой причине почти все Великие Магистры минувшей эпохи предпочитали окружать себя не приближенными слугами из числа орденовских послушников, а собственноручно созданными фантомами. Толку от таких обычно меньше, зато и опасности никакой. Помнишь, сэр Шурф, ты как-то удивлялся, что Смутные Времена не подарили истории ни одного великого предательства? Ну вот, именно поэтому.

– Спасибо за информацию, сэр. Буду иметь это в виду.

Поблагодарив меня, Лонли-Локли демонстративно отвернулся и принялся внимательно разглядывать понемногу светлеющее небо. Но я-то видел, что он чрезвычайно доволен. Шурф знал меня не первый день, а потому решил, что уж теперь-то все точно будет в порядке.

Я не стал его разубеждать, хотя как никто понимал, насколько сомнительной была затеянная мною экспедиция. Хотя бы потому, что создавая это наваждение, точную копию замка Морморы, я позаботился только о его внешнем виде и недолговечности. В остальных вопросах я дал своему созданию полную свободу и теперь понятия не имел, как оно ею воспользовалось.

Я уже говорил, что всякое колдовство похоже на создавшего его колдуна, хочет он того, или нет. Мне-то как раз обычно нравится, что мои деяния похожи на меня самого. Не потому, что я так уж самодоволен, просто трезво смотрю на вещи и понимаю, что мой характер как нельзя более подходит наваждениям и иллюзиям. Добавляет им глубины, самостоятельности, непредсказуемости и, как следствие, подлинности.

Но вот как раз сегодня я бы предпочел иметь дело с чем-нибудь попроще. А то гадай теперь, что я там, внутри наворотил? Вернее, что там само наворотилось.

Я бы, пожалуй, не поставил на успех грядущей спасательной операции и жалкой горсти, если бы у меня в рукаве не было козырного туза. Не в моих это правилах – без козырных тузов где попало разгуливать. Я из дома-то на улицу без них не выхожу; другое дело, что в ход пускаю нечасто. Почти никогда. На то и туз, чтобы оставаться в рукаве, пока по-настоящему не припрет. А по-настоящему все же редко бывает – с моей-то удачей.

Вот и теперь я очень рассчитывал, что до туза дело все-таки не дойдет. А то ходи потом как дурень с пустым рукавом...

Я вошел в замок через парадную дверь, огляделся, изумленно покачал головой. Вот уж не подумал бы, что созданное мною наваждение окажется столь уютным, пригодным для жизни помещением. Тем не менее, стены в холле были отделаны резными деревянными панелями, полы из толстого цветного стекла отлично гармонировали с оконными витражами, устремленные ввысь лестницы радовали глаз изяществом линий, а откуда-то сверху лился яркий, но не резкий свет, какой бывает только в пасмурный летний день; художники за таким, знаю, гоняются. Я с веселой досадой подумал, что собственный дом так обставить у меня до сих пор руки не доходили, и при моем образе жизни вряд ли когда-нибудь дойдут, а бесполезное, в сущности, наваждение – гляди-ка, всегда пожалуйста. Смешно, в общем.

Но сейчас мне следовало не любоваться изысканными интерьерами призрачного замка, а по-быстрому разнести их в клочья. Уж в пустом-то пространстве Тинна, пожалуй, сориентируется. Ну и я ей помогу.

Осторожно, чтобы созданная мною иллюзия не рухнула раньше времени, я принялся избавляться от интерьерных излишеств. Стены и перегородки исчезали одна за другой. За несколько минут весь первый этаж замка превратился в огромный пустой зал, однообразие которого нарушали только многочисленные лестницы. Их я пока оставил для связи с другими этажами.

«Тинна, – позвал я. – Ты все еще сидишь у лестницы?»

«Да»

«Это правильно. На каком ты этаже, представляешь, хоть примерно? Ну, наверху, или внизу, в подвале?»

«Точно не скажу. Но когда я сюда вошла, все время куда-то поднималась. А вниз всего на несколько пролетов спустилась, когда стала искать обратную дорогу.»

«То есть, ты выше первого этажа?»

«Гораздо.»

«Хорошо. Тогда спускайся. Просто спускайся вниз, и все. Первый этаж ни с чем не перепутаешь: он теперь пустой. И я там стою».

«Ладно, сейчас».

Я думал, что вот-вот услышу ее шаги, но прошло несколько минут, а Тинны все не было. Я снова послал ей зов.

«Ну и где же ты?»

«Понимаете, – объяснила Тинна, – я спускалась, спускалась... Никаких

этажей не было, только ступеньки, так что я не могла мимо вас проскочить. Но теперь лестница закончилась. Я стою... кажется, это библиотека. Здесь много полок с книгами, кресла, столы. Явно не первый этаж. И никаких лестниц. Может, я поднимусь обратно, наверх, и поищу там другие лестницы?»

«Давай, только быстро.»

«Ох, – отозвалась Тинна. – Быстро не получится. И вообще, наверное, ничего не получится. Той лестницы, по которой я пришла, уже нет. Это нормально?»

Ну да. Совершенно нормально. Этого я и опасался с самого начала: что замок, заполучив к себе такую рассеянную гостью, захочет с нею поиграть. Сам расставит повсюду ловушки да капканы, развлечется на славу, ну и нам нервы помочает, не без того. Я же говорю: мои наваждения похожи на меня самого. Иногда даже слишком. Вот и этот, с позволения сказать, туманный чертог не без собственного козырного туза в рукаве оказался. Как раз вовремя, нечего сказать.

Но сообщать все это Тинне я не стал. Ей и так было нелегко.

«Ты там не паникуй, – сказал я. – Имей в виду, исчезнуть я тебе в любом случае не дам – если уж сам за тобой пришел. У меня железный принцип: никогда не проигрывать. Но лучше бы ты сама поискала и нашла еще одну лестницу. Очень уж не хочется жертву приносить.»

«А чтобы спасти меня отсюда, нужно будет принести жертву?»

Леди Тинна обрадовалась, как ребенок. Не то моему обещанию спасти ее, несмотря ни на что, не то самому факту, что ради нее будет вершиться какой-то таинственный кровавый обряд. Подозреваю, второе для Тинны было более существенно. Знаю я наших нищих: таких романтических особ ни при дворе, ни в Королевском Университете не сыщешь.

«Ты давай лучше лестницу ищи, – сказал я. – Человек должен спасать себя сам, пока есть хоть мизерный шанс на успех. Впрочем, если нет, все равно.»

«А сколько еще у нас времени?» – спросила Тинна.

«Четверть часа».

Совсем мало, по правде говоря.

Пока она рыскала по библиотеке, возникшей неведь где – не то на одном из верхних этажей, не то и вовсе в каком-нибудь ином измерении, я послал зов Шурфу и велел ему эвакуировать полицейских, от греха подальше. Если мне придется пойти на крайние меры, фейерверк может случиться тот еще. Ну хоть жилых домов возле Управления Порядка, хвала Магистрам, нет, одни только лавки, да трактиры.

«Я нашла лестницу! – через несколько минут отрапортовала леди Тинна. – Только я не знаю, спускаться, или подниматься.»

«Этого теперь никто не знает. Попробуй подняться на несколько пролетов. Если не попадешь на первый этаж, тогда – бегом вниз.»

Вся эта беготня, как я и опасался, ни к чему не привела. Тинна то и дело присылала мне зов, отчитывалась о своих похождениях – вот ведь какое удачное слово! Поднявшись вверх всего на пятьдесят шесть ступенек, она обнаружила чердак, что, в общем, странно: перед этим она очень долго спускалась. А теперь вдруг оказалась под самой крышей высоченного, судя по открывшемуся ей виду на город, здания.

Потом она побежала вниз, но библиотеку уже не нашла, зато попала в огромный банкетный зал, где столы ломились от парадных блюд. Тут лестница заканчивалась, так что пришлось искать новую, которая привела Тинну в небольшую картинную галерею с зимним садом. За тонкими окнами из зеленого стекла простирался какой-то незнакомый город, совершенно не похожий на Гажин. Ну ясно, мой замок решил поразить воображение пленницы многообразием дивных возможностей. Провожать ее к выходу он явно не собирался.

«Ничего-ничего, продолжай поиски, – сказал я. – Несколько минут у нас с тобой еще есть, вполне можно успеть, если очень повезет.»

Я-то знал, что до восхода солнца осталось всего три минуты, так что шансов выбраться отсюда самостоятельно у Тинны не осталось. Но рассудил так: чем сидеть на месте и ждать, что будет, пусть лучше мечется в поисках выхода. Страх – дитя праздности, пока человек деятелен, ему проще сохранять ясный ум и спокойное сердце. Ну, по крайней мере, с ума от ужаса не сойдет, а вот у бездельника на это все шансы.

Пристроив пленницу наваждения к делу, я вышел из замка, встал на пороге и принялся ждать. Работа мне предстояла простая, только и заботы – момент правильный угадать.

Ну так с чувством времени у меня отродясь проблем не было. Даже в детстве.

За секунду до рассвета, когда созданное мною наваждение уже почти утратило четкость очертаний и зазвенело на утреннем ветру, как натянутая струна, леди Тинна наконец объявилась в дальнем конце опустошенного мною первого этажа. Только тут я оценил красоту замысла: замок играл не столько с нею, сколько со мной. Заплутавшая Тинна была всего лишь яркой фишкой, а настоящим противником – я сам. Наваждение почуяло, что я очень хочу заполучить Тинну, вот и морочило голову нам обоим – все ради того, чтобы подразнить меня напоследок, показать, как близко было

чудесное спасение, всего-то нескольких секунд не хватило беглянке, ах! И трагический финал, вполне в духе тех самых галантных романов, которыми я дразнил Шурфа. А что, для состряпанного на скорую руку наваждения очень даже неплохая интрига. Был бы я Королем, снял бы шляпу.

Я еще не говорил вам, что мои создания вечно норовят выйти из-под контроля и переиграть меня – если не по большому счету, так хоть по мелочам? И не признавался, что иногда это им удается? Так вот, слушайте внимательно, сейчас признаюсь: иногда это им удается. Потому что они очень похожи на меня самого, совершенно верно.

Описанное происшествие было не первым и не последним в моей практике. И не застало меня врасплох. Я не стал ни радоваться, ни огорчаться, ни суетиться, ни спешно менять планы. Не бросился навстречу бегущей ко мне Тинне, не попытался повелительным жестом приблизить ее к себе. Зачем? Некоторые вещи невозможно успеть за долю секунды, зато другие прекрасно укладываются в этот временной промежуток, и очень важно уметь отличать одни от других.

Я умею.

Поэтому я просто встряхнул рукой, выпустил из пригоршни Лаздея Махикалу. Не дав ему опомниться, ухватил за шиворот и швырнул в дом, как можно дальше, громко выкрикивая ему вслед древнее Заклинание Подмены.

Я вложил в этот бросок столько силы, что бедняга, пожалуй, ноги переломал бы, если бы успел коснуться земли. Но он не успел.

Наваждение мое приняло жертву. Истошно завопило, как живое существо неизвестной породы, содрогнулось от удовольствия и разлетелось в разные стороны миллиардами мелких цветных осколков. То есть, на самом деле никаких осколков, конечно, не было, замок просто исчез, как ему и полагалось, но иллюзия хрустального взрыва вышла просто бесподобная. Краем глаза я заметил, что даже Лонли-Локли во дворе поспешно прикрыл лицо защитной перчаткой – ишь ты, и его, оказывается, все еще можно провести. Как создатель столь ловкого, хитроумного и убедительного наваждения я мог гордиться, но как наставник сэра Шурфа, был не слишком собой доволен. Обычное дело.

Я пошел к нему, на ходу набивая трубку. Сел рядом, закурил и послал зов леди Тинне, которая снова куда-то запропастилась. Между прочим, могла бы и поторопиться, порадовать своего избавителя благодарной улыбкой. Все же я дорого заплатил за спасение ее шкурки. Не то чтобы я собирался оставить Лаздея Махикалу при себе навсегда, в качестве домашней зверушки, но вызнать у него секрет серой паутины и еще пару-

тройку уандукских тайн очень рассчитывал. С другой стороны, конечно, красиво получилось: поверженный Властелин Морморы исчез с лица вместе с безобидной копией своего ужасного дворца. Я люблю, когда муторное и неприятное, в сущности дело имеет такой легкий, остроумный финал. А страшные уандукские тайны – что ж, сам как-нибудь на досуге все разузнаю. Тоже мне проблема.

«Леди Тинна, – позвал я. – С тобой все в порядке?»

Хвала Магистрам, она откликнулась сразу же.

«Я как раз собиралась звать вас на помощь, сэр!»

«Опять на помощь? – удивился я. – Надо же какая шустрая! Что еще с тобой успело случиться?»

«Когда все закончилось, я обнаружила, что сижу на дереве вахари, через дорогу от полицейского участка. Я, в общем, умею лазать по деревьям, и до сих пор думала, что неплохо, но у этого очень уж толстый, гладкий ствол. Вообще не за что ухватиться.»

Я задрал голову и действительно увидел темное пятнышко, запутавшееся в ветвях самого высокого дерева вахари в Гажине, если не во всем Соединенном Королевстве. Мое наваждение превзошло все ожидания: еще и напоследок над нами посмеялось.

Ну и я плакать не стал.

– Сэр Шурф, – сказал я. – У меня есть одно ответственное поручение, специально для тебя. Боюсь, никто больше не справится.

Он сразу уловил в моем голосе издевательские нотки и едва заметно нахмурился. Сэр Лонли-Локли терпеть не может шутки и розыгрыши – по крайней мере, с тех пор, как сам перестал заниматься такими глупостями.

– Я вас слушаю, сэр, – холодно сказал он.

– Сними, пожалуйста, с высоты во-о-он того котенка, – попросил я, указывая на темное пятнышко в ветвях. – Без твоей помощи, пожалуй, не спустится.

Шурф взглянул на дерево и сразу все понял. Озадаченно покачал головой.

– Я-то сниму. Но как она туда попала?

– Замок ее выплюнул перед тем, как исчезнуть, – я пожал плечами. – В принципе, могло быть и хуже. Хоть по мостовой ее не размазало, и в море не унесло.

– А бывает и так?

– Всякое бывает. Но редко. И это к лучшему. Развлекайся, сэр Шурф. А я пошел сторожить деньги этой дамы. Не ровен час, доберутся до них Зоггины детки, потащат в сад, станут играть в кладоискателей. Сам

понимаешь, сколь велик груз ответственности, возложенной на мои плечи.

– Когда я должен вернуться? – спросил он мне вслед.

– Пока понятия не имею. Когда пойму, пришлю тебе зов. Так что гуляй на здоровье, но будь готов, что в любую секунду я могу все испортить.

– Ну, это обычное дело, – заметил Лонли-Локли.

И был абсолютно прав.

Я вернулся в трактир Зогги, шуганул от входа стайку ранних посетителей, которые, как я понимаю, явились сюда не столько за завтраком, сколько за новостями, собственноручно повесил на дверь табличку «Трактир закрыт» и отправился на кухню. Разогрел камру, набил трубку. Отправил зов леди Рениве и выяснил, что за время моего отсутствия небо так и не рухнуло на мостовые Ехо. Подивился. Потом поболтал с Кофой, который в красках поведал мне о задержании троих мятежных Младших Магистров Ордена Лающей Собаки и напоследок ворчливо осведомился, не перебрался ли я в Гажин насовсем. Я, как мог, его утешил и даже пообещал во что бы то не стало вернуть на место чрезвычайно полезного сэра Шурфа. Но не прямо сейчас, а после обеда. Я не сторонник скоротечных романов и твердо убежден, что получаса на такое дело явно недостаточно. А вот полдня – в самый раз.

Покончив с разговорами, я вдруг понял, что могу себя поздравить: безмятежный отдых в Гажине, ради которого я, собственно, и устроил всю эту канитель, наконец начинал становиться реальностью. На радостях я даже подремал в кресле – час, или что-то около того. Вообще-то я не устал, но тут сказалась солдатская привычка, родом из Смутных Времен: использовать для сна любой внезапный перерыв в делах. Я с той поры еще и ем при всяком удобном случае.

Потом в кухне появился заспанный Зогги. Следом за ним прикатились по-утреннему бодрые близнецы; впрочем, увидев меня, они тут же застеснялись и выскочили в сад. Мой друг был в восторге от этого обстоятельства.

– Ты молодец, что закрыл трактир, Джуффин, – зевая сказал он. – Я пока не то что клиентам, а даже детям завтрак приготовить не в силах. Ночка была та еще.

Я сочувственно покачал головой и выдал ему бутылку с бальзамом Кахара. Не знаю, как дети, а я бы от хорошего завтрака не отказался.

Друг мой тут же повеселел, принялся греметь сковородками и выспрашивать у меня новости. Я с удовольствием выложил ему историю спасения Длинной Тинны. Одно удовольствие пересказывать разные незначительные, в сущности, эпизоды ребятам вроде Зогги. Он выслушал

меня с таким жадным любопытством и задал столько уточняющих вопросов, что под конец я и сам чуть не поверил, что совершил нечто небывалое.

Позавтракав, я решил отправиться в Сизый Дом и для разнообразия поскучать там. Рассудил, что нехорошо, если в такой день казенное заведение будет пустовать. Так у горожан привычка обращаться в Тайный Сыск вообще никогда не вырабатывается.

На прощание я велел Зогги разбудить Абилата, напоить его целительным бальзамом и, хорошенько накормив, отправить его на службу. Потому что просидеть целый день в Сизом Доме – это было бы слишком, при всем моем уважении к государственной службе.

На улицах было оченьлюдно и, я бы сказал, празднично. Вопреки моим давешним прогнозам, работали все трактиры, кроме, разве что, «Белого Клока»; впрочем, проводив меня, Зогги тоже распахнул двери настежь.

Нарядные горожане бродили по улицам трезвые, но совершенно ошалевшие. То и дело собирались в кучки и принимались оживленно обсуждать новости. Многие жители Пестрой Линии вынесли на улицу кресла и столы, уселись завтракать на виду у соседей, благо день выдался теплый, хоть и пасмурный. Щедро делились горячими булочками с незнакомыми прохожими, громко выкрикивали приветствия, заведя в толпе знакомое лицо. Я так понял, что сегодня никто не хотел оставаться наедине со своей радостью. Слишком уж долго им пришлось в одиночку справляться с ночными кошмарами, на которые даже близким пожаловаться не получалось.

Я мог поспорить на любую сумму, что ближе к вечеру в Гажине начнется настоящее веселье, какого не было с начала Смутных Времен. Возможно даже самый настоящий карнавал.

Вот и правильно. Надо же когда-то воскрешать старые добрые традиции.

На пороге Сизого Дома, как я и подозревал, не обнаружилось ни одного желающего взвалить свои проблемы на Тайный Сыск города Гажина. Хотя бы потому, что с проблемами уже было покончено. Но я демонстративно распахнул двери, а сам уселся в кабинете покойного Голеха Облоны, у открытого окна.

Пробездельничав так с четверть часа, я не утерпел, спешно вызвал к себе обоих бургомистров и велел им вплотную заняться организацией городского праздника. Ни во что особо не вмешиваться, но помощь оказывать. К примеру заплатить из казны всем городским музыкантам,

чтобы всю ночь играли. Трактирщикам деньжат подбросить, чтобы кормили всех бесплатно. Выкупить у лавочников пестрые лоскутные лоохы, вышедшие из моды еще в середине войны за Кодекс, и раздавать всем желающим сменить повседневный костюм на что-нибудь необычное. И все в таком духе. Сам-то я не слишком жалую уличное веселье, но – вот парадокс – твердо знаю, что в городах, где регулярно устраивают праздники, гораздо лучше живется. Всем, даже мизантропам, вроде меня.

Бургомистры пребывали в столь блаженном состоянии, что смиренно согласились со всеми моими предложениями и отбыли в свою резиденцию, разорять сундуки с казной. И правильно, уж я-то знаю, что вольный город Гажин – самая богатая провинция Соединенного Королевства, только бургомистры людям как на беду прижимистые попались. Ну вот, пришло время исправить сие досадное несоответствие.

Бургомистров сменил Абилат, свежий, сытый и довольный. Судя по произошедшим с ним за последние сутки переменам, мне пора было бросать службу и открывать на паях с Зогги сиротский приют. Выхаживать одиноких детей я, оказывается, умею куда лучше, чем все остальное.

– У меня дела, – сказал я поднимаясь, – так что ты очень вовремя. Посторожи Сизый Дом до вечера. Если что связывайся со мной. А пока будешь скучать, задай себе следующий вопрос: готов ли ты начать новую жизнь? Вот прямо сейчас – раз, и все.

– В каком смысле? – опешил Абилат.

– Начать новую жизнь можно только в одном-единственном смысле, – ухмыльнулся я. – Что ты переспрашиваешь, как маленький? Говорю же тебе, обдумай эту идею на досуге.

– Вы что, хотите взять меня в ученики?!

У бедняги чуть глаза из орбит не выскочили, вот как удивился. Пришлось немного остудить его пыл.

– Не то чтобы очень хочу. Но, судя по всему, придется это сделать. Кроме меня некому.

– И я буду служить в столичном Тайном Сыске? – продолжал расспрашивать он.

– Ни в коем случае. И думать об этом забудь. Какой из тебя Тайный Сыщик? У тебя совсем иное призвание. Сам знаешь, какое. Оно и к лучшему: хороших знахарей после войны по пальцам пересчитать можно.

– Всех убили? – изумился Абилат.

– Нет. Отправили в изгнание, вместе с другими членами мятежных Орденов. Все, хватит вопросов. Сиди, думай, а я пошел.

Уже на улице я услышал его торжествующий вопль: «Уй-ю-ху-ху!» Так

совсем маленькие мальчишки орут, когда друг за дружкой с деревянными жезлами гоняются.

Про «дела» я, конечно, соврал. Просто хотел побродить по городу, насладиться результатом своих трудов. Я даже внешность слегка изменил. А то вдруг отыщутся хорошо информированные охотники кидаться в ноги избавителю, или, того хуже, на шее у меня виснуть. И ведь всех разом, пожалуй, не испепелишь.

В итоге я прекрасно провел время, нагулял зверский аппетит и отправился к Зогги. Решил, что от добра добра не ищут, пироги у него отменные, а камра – Магистры с ней, потерплю. Впрочем, можно и вовсе ничего не пить. Силой он меня небось не заставит.

Я не стал заходить в трактир через парадный вход, а залез в сад, чтобы оттуда черным ходом пробраться на кухню. В саду царила настоящая идиллия: близнецы забрались на дерево и увлеченно строили там какое-то подобие птичьего гнезда, а на их качелях сидел сэр Шурф Лонли-Локли, довольный, но задумчивый. Слегка отталкивался ногой от земли, качался, Мантия Смерти развевалась на ветру. Деревянные перекладины скрипели, как корабельные снасти в бурю, но пока держались.

– Я подарю тебе такие же к Дню Середины Года, – ехидно пообещал я. – Или даже раньше, чего тянуть? Установишь у себя в кабинете. И как я до сих пор не позаботился?

– Спасибо, сэр, – совершенно серьезно откликнулся он. – В кабинете мне качели без надобности, но если вы позволите установить ваш подарок дома, в саду, это, весьма вероятно, изменит мою жизнь к лучшему.

– Ну, коли так, вешай их где хочешь. Ты уже покончил с делами?

– Да, я снял с дерева леди Тинну, если вы это имеете в виду. Потом помог ей добраться до дома, успокоил, развлекал, как мог, а час назад наконец уложил спать. Все же у нее была тяжелая ночь, как и у всех нас. Да, к слову, ее дом – очень любопытное явление. С виду обычная нищенская лачуга, а внутри – ну, не дворец, конечно, но не у всякого зажиточного горожанина такой роскошный интерьер. И гораздо просторней, чем кажется снаружи. Хитроумная иллюзия.

– Это ты еще в хибаре нашего красноглазого Кобы не был, – отмахнулся я. – Вот у него настоящий дворец!

– Возможно. Но и лачуга леди Тинны представляет собой весьма интересное зрелище.

– Рад, что тебе понравилось, – ухмыльнулся я. – Меж тем у меня печальные новости: я обещал Кофе, что верну тебя в Ехо сразу после обеда. То есть, прямо сейчас. Не видать тебе гажинского карнавала как своих

ушей, мой бедный мальчик.

– Ничего, – равнодушно отмахнулся Шурф. – На своем веку я видел немало карнавалов. И не могу сказать, что этот опыт был мне так уж полезен. Вы не будете возражать, если перед уходом я попрощаюсь с сэром Зогги? Ваш друг оказался чрезвычайно любезным и гостеприимным хозяином и в высшей степени достойным человеком. Жаль, что у меня не было времени познакомиться с ним поближе.

– Ничего, сэр Шурф, – улыбнулся я. – Вполне может статься, что все мы живем на свете не самый последний день. То есть, гарантий, конечно, никаких, но шанс такой у нас имеется.

– Да, я понимаю, – сдержанно согласился он. И пошел прощаться с Зогги.

А я занял его место. Сел, оттолкнулся как следует от земли, раскачался, поднял лицо к небу. Кажется, сэр Шурф не так уж заблуждался, утверждая, будто качели в саду могут изменить жизнь к лучшему. Очень даже может быть.

С собой я договорился так: если в Ехо не стрясется ничего из ряда вон выходящего, останусь в Гажине еще на денек. Вечером погляжу на карнавал, ночью как следует выплюсь, а с утра подыщу хоть какого-нибудь завалящего кандидата на место начальника здешнего Тайного Сыска. Ясно ведь, чтобы отыскать хорошего понадобится очень много времени, а также вся моя сообразительность и удача заодно.

А завтра после обеда, так и быть, вернусь в Дом у Моста. Хотя, чего греха таить, мне очень понравилось, как они там без меня превосходно справляются. Я решил иметь это в виду и в будущем покидать Ехо почаще. Очень освежает.

На закате, когда я начал было натягивать сапоги, чтобы выйти на улицу и своими глазами увидеть, как зажигаются зеленые и лиловые карнавальные факелы на Пестрой Линии, а Зогги убедительно доказывал своей помощнице леди Нарине, что трактир не разорится и не закроется завтра же поутру, если он, владелец и шеф-повар в одном лице, бросит кухню всего-то на пару часов, чтобы прогуляться со старым другом, мне прислал зов Абилат.

«В Сизый Дом пришли посетители, сэр. Они хотят видеть вас. Говорят, это срочно. И, знаете, они... В общем, они не совсем люди.»

«Это как? Гномы из Гугландских болот на карнавал пожаловали? Или эльфы из Шимурэдского леса? Вот только этих пьянчуг мне сейчас не хватало!»

Я был сердит, потому что неведомые посетители, дырку над ними в

небе, собирались разрушить мои планы. Самые необязательные и легкомысленные планы за последние сто лет, когда еще в следующий раз такие построю!

«Нет, сэр Джуффин. Не гномы и не эльфы. Мне кажется, это просто призраки. Я видел их на картинках в отцовских книгах. По-моему, очень похожи.»

«Призраки? – обрадовался я. – Тогда порядок. Ждите, я сейчас.»

Собственно, я весь день гадал: объявятся они, или нет. Известно же, что человек, умерший от чужого колдовства, нередко становится призраком даже без специальных усилий чародея. Особенно, если перед смертью очень испугался, или разозлился. А уж в Морморе и колдовства, и страха, и гнева было более чем достаточно.

Твердо пообещав Зогги, что наша прогулка по Гажину не отменяется, а только откладывается на часок-другой, я рванул в Сизый Дом.

Кабинет покойного начальника гажинского Тайного Сыска представлял собой воистину великолепное зрелище. Там собралось как минимум несколько сотен самых настоящих привидений. Будь ребята живыми людьми, они, конечно, не смогли бы там поместиться, а так – запросто. Одни держались поближе к земле, другие взмыли к потолку, третьи облепили оконные стекла как огромные причудливые мотыльки. Толпа призраков мерцала, искрилась, шевелилась, переливалась всеми цветами радуги – словом, был бы я живописцем, воспоминание об этом вечере обеспечило бы мне прижизненную славу.

Абилат держался неплохо, в панику не впадал, призраков разглядывал с дружелюбным интересом, но зачем-то забрался на письменный стол с ногами, словно кабинет наводнили не привидения, а мыши и змеи. Увидев меня, он засиял от радости.

– Вот вам сэр Джуффин Халли, – объявил он. – А вы волновались!

– Чем могу быть вам полезен, господа? – спросил я. – Вы – те, кто умер во сне, я правильно понимаю?

– Совершенно верно, – ответил нежный девичий голосок. – Мы умерли во сне, если, конечно, Мормору можно назвать «сном». А теперь пришли спросить: куда нам деваться? Какие будут идеи, Джуффин?

Я внимательно поглядел на привидение, которое назвало меня по имени. Моя старинная подружка Манта при жизни казалась дряхлой развалиной; теперь, после смерти, маскировка была ей без надобности. Призрак из леди вышел отменный, такой хорошенькой она даже в лучшие времена не была. Некоторых девушек прозрачность только красит.

– Смерть тебе к лицу, Манта, – сказал я. – Будь осторожна: еще

немного, и я на тебе женюсь. Будешь потом локти кусать.

– Ну, положим, испугать меня сейчас непросто, – парировала она. – Но свадьбу обсудим потом, если не возражаешь. Мы пришли к тебе с серьезным разговором, Джуффин. Куда нам теперь деваться? Это очень важный для нас вопрос. При новых порядках нашего брата, знаю, не жалуют. Мы же запрещены этим самым Кодексом Хрембера, который ты сам, говорят, и сочинил – так? И выходит, мы теперь вне закона? И твоя обязанность...

– Да погоди ты, не тараторь! Во-первых, Кодекс Хрембера сочинял не я... не только я, скажем так. Во-вторых, закон запрещает колдунам превращать людей в привидения, даже по их просьбе, но лишь потому, что для этого обычно применяют магию очень высокой, запрещенной новыми законами ступени. Но право самих привидений на существование никто не оспаривает – до тех пор, пока они не начинают вредить живым. Но такое поведение вообще никому не сходит с рук.

– То есть, уничтожать нас ты не обязан? Уже легче, – Манта заулыбалась от удовольствия и дружески меня обняла.

Многие люди, я знаю, не любят прикосновения призраков, описывают их как почти невыносимое сочетание сладкой щекотки и ледяного озноба. Не понимаю, что тут такого уж невыносимого. По крайней мере, мне очень нравится. Если еще когда-нибудь соберусь разнообразить свою жизнь любовной интрижкой, живым девушкам, боюсь, ничего не светит.

Прочие привидения, убедившись, что никто не собирается делать их еще более мертвыми, чем теперь, обниматься ко мне не полезли, зато подняли невообразимый гвалт. Щебетали как птицы, носились по кабинету, переливались на радостях самыми невообразимыми оттенками синего цвета, кувыркались под потолком и струились по стенам. Когда Зогги завел дома детский приют, я думал, что хуже, чем у него в гостиной, просто быть не может. Оказалось – очень даже может. Просто надо стараться.

– Одно из двух, – строго сказал я. – Или вы, господа, немедленно успокойтесь, или я пошел гулять. Вас же несколько сотен, а я один, имейте совесть.

– Нас двое, – храбро подсказал Абилат.

– Спасибо, друг мой, – я отвесил ему церемонный поклон. – Но к сожалению это мало что меняет.

– А нас не несколько сотен, а ровно тысяча сто одиннадцать, – сообщила Манта.

– Красивое число. Но тем труднее мне разговаривать со всеми одновременно, – сухо сказал я. – Давайте так, господа: вы пока погу...

- Нет! – дружным хором ответили призраки.
- Вы пока погуляете... – упрямо продолжил я.
- Нет! – снова взревели они.
- Я же и рассердиться могу, – вздохнул я.

– Сердись сколько хочешь, Джуффин, – твердо сказала Манта. – Да хоть лопни от злости, если тебе так нравится. Мы умерли в Морморе, подумай об этом. И еще вот о чем подумай: каждый из присутствующих здесь не ныл и не трясся от страха, а сопротивлялся как мог. У нас ничего не вышло, но, в отличие от тех, кто сейчас пьет и пляшет на улицах Гажина, мы хотя бы попробовали. Мы умерли во сне и остались в Морморе, как нам обещали – навсегда. Но мы не утратили разум, сохранили сознание и не превратились в какую-нибудь мерзость – думаю, только потому, что крепко держались друг за друга. Это тебе не какое-нибудь Орденское, или фронтовое братство, это гораздо серьезнее.

– Возможно, – согласился я. – Но надеюсь, законы этого братства не запрещают вам оставаться молчаливыми и неподвижными хотя бы четверть часа в сутки? Это не мой каприз, а совершенно необходимое условие успешных переговоров. Я очень вам всем сочувствую и хочу помочь. Но тысяча сто одиннадцать говорливых и энергичных собеседников – это многовато, согласитесь.

Призраки опомнились и кое-как притихли. Даже мельтешить почти перестали. А я призадумался.

Было о чем.

Моя старая подруга Манта, между прочим, дело говорила: здесь собрались лучшие из лучших. Лаздей Махикала очень уж любил мучить людей, а потому убивал не слишком охотно, и только тех, кто оказывал ему серьезное сопротивление.

Проблема в том, что обеспечить этим достойным людям комфортное посмертное существование было непросто. Люди и привидения обычно не слишком хорошо уживаются под одним небом. Слишком уж разная у нас природа, а сознание при этом, напротив, схожее. В результате, все мы хотим примерно одного и того же и страшно друг другу мешаем, толкаясь локтями у лохани с Несбывшимся.

То есть, я-то сам как раз прекрасно ужился бы с призраками. А вот городские обыватели – сомневаюсь.

Если же призраки станут мешать горожанам, рано или поздно на них будет объявлена охота. Непременно найдется истеричная домохозяйка, которая объявит, что привидения сбросили в колодец ее малыша, а бестолковый начальник здешнего Тайного Сыска, которого я же сам и

назначу – потому что а где их найдешь, толковых-то? – не удосужится выяснить, что малыш забрался в колодец совершенно самостоятельно. И что тогда? Понятно что.

И тут меня осенило. Я до сих пор думаю, что это была одна из лучших моих идей. Не в тот день, а вообще, за всю жизнь.

Для начала я задал своим гостям вопрос:

– Вы мне вот что скажите, леди и джентльмены: вы предпочли бы остаться в Гажине? Или хотите подыскать более подходящее место для жизни?

– Мы думали и говорили об этом, – сказала Манта. – Среди нас есть охотники попутешествовать, но многие хотели бы обосноваться в городе, по крайней мере, поначалу. Здесь у нас остались друзья и родственники, у многих – дети. Привидение не может сварить ребенку суп, или купить ему новое лоохи, но вести беседу, помогать советами и даже защищать от опасности мы вполне в состоянии. Собственно, все это теперь удастся нам куда лучше, чем прежде.

– Вот! – обрадовался я. – Защищать от опасности! Ты просто в точку попала. Именно это я и хотел вам предложить.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась она.

Остальные привидения так разволновались, что временно нарушили наш договор о тишине и покое. Но, надо отдать им должное, быстро угомонились.

Дождавшись, пока они утихнут, я объяснил:

– Вышло так, что Гажин остался без Тайного Сыска. Начальник погиб, заместителя я забираю в Ехо, а Мастер Преследования мало того что совсем неопытная, так еще и уехала из города в самом начале заварушки со страшными снами. И не факт, что захочет возвращаться. Кого в казенные кресла усадить, я конечно найду, без проблем. А вот отыскать людей, которые смогут хорошо защищать город и его жителей... Боюсь, это нереально.

– Ты предлагаешь нам поступить на государственную службу? – изумленно спросила Манта. – Да кто же нас возьмет?

Остальные привидения пока помалкивали, зато от волнения трепетали так, что у меня голова начала кружиться.

– Как – кто? Я сам и возьму. Благо с недавних пор всякое мое действие считается полезным Соединенному Королевству и не подлежит обсуждению. Впрочем, у меня найдутся и другие аргументы. В древних хрониках Хонхоны рассказывается о городах, которые охраняли призрачные воинства. Если верить историкам, жизнь в таких городах была

на удивление мирной, приятной и безопасной – и это в ту пору, когда внучки Ульвиара Безликого территорию делили, можете себе представить! Всякий раз, отправляя в отставку очередного непригодного к службе провинциального начальника, я думал, что призрачное воинство – отличная идея, только где же по нашим временам столько привидений возьмешь? Набрать добровольцев и убить – так, что ли? Поэтому если вы заинтересованы в том, чтобы остаться в Гажине и не прятаться по чердакам, а пользоваться всеобщей любовью и уважением. Я думаю, имеет смысл попробовать. Не получится, будем думать дальше.

– Это прекрасное предложение, Джуффин! – взволнованно сказала Манта. – Мы и не рассчитывали... Но люди будут нас бояться, вот что плохо. Мне-то не привыкать, когда я была живой и считалась самой страшной старой ведьмой в Гажине, от меня все соседи шарахались. А призраков они еще больше боятся, уж я-то знаю.

– Ничего, – ухмыльнулся я. – Стерпится – слюбится. Впрочем, у меня есть забавная мысль. В городе, как вы знаете, начинается карнавал. Люди совершенно счастливы. После того, что они пережили вчера ночью, когда я превратил Гажин в Мормору, им теперь сам Лойсо Пондохва не страшен. Давайте-ка я вас прямо сегодня им и представлю. Как храбрых товарищей по былому несчастью и будущих защитников. В качестве карнавальной мишуры вы будете просто восхитительны... Кстати, скажу-ка я горожанам, что это вы помогли мне одолеть Властелина Морморы. В таком деле и приврать не помешает, пусть люди с самого начала будут вам благодарны.

На этом месте привидения засмеялись. Очень тихо, зато все одновременно. Если вы не слышали, как смеются тысяча сто одиннадцать призраков одновременно, то и объяснять бесполезно, как это бывает – не поймете. Скажу только, что это был чрезвычайно интересный опыт.

– Но мы действительно очень помогли тебе, Джуффин, – сквозь смех объяснила Манта. – А ты и не заметил? Очень мило! Как только Мормора опустела, мы сразу смекнули, чем дело пахнет. Вырвались на волю и принялись расплетать ослабшую Сеть. Я давно прознала о ее существовании; собственно именно попытка уничтожить Сеть и стоила мне жизни. Так-то Лаздей до меня, пожалуй, не добрался бы... Но вместе мы, как видишь, справились. В этом смысле у нас гораздо больше возможностей, чем у живых людей, сам понимаешь.

О да. Сказать, что я был удивлен – значит ничего не сказать.

– Так это вы поскубали серую паутину на Темной Стороне?

– А ты думал, она сама протерлась? – насмешливо спросила Манта. – Ну-ну.

Я был изрядно обескуражен. Но отвесить гажинским призракам самый низкий поклон, какой нынче даже Королю только по большим праздникам полагается, у меня ума хватило. Такие вещи лучше делать сразу, а не откладывать на потом.

– Тем более, – заключил я. – Тогда горожане просто обязаны сказать спасибо своим настоящим спасителям. И порадоваться, что теперь у Гажина будет самая надежная защита, почище, чем в Шиншийском Халифате, жителей которого опекают духи Красной пустыни, да так заботливо, что шиншиец даже палец оцарапать не может, пока не покинет родину.

– Ну, положим, так далеко наша опека не зайдет, – строго сказала Манта. – Излишняя забота вредит даже младенцам, а о взрослых людях и говорить нечего.

Я подумал, что у нового Гажинского Тайного Сыска будет очень мудрая начальница. Вот уж повезло, так повезло.

Дальнейшие события развивались по моему сценарию, и даже еще лучше. Разноцветная компания привидений совершенно не напугала подгулявших горожан, а бесчисленные мелодраматические встречи призраков с уже похоронившими и оплакавшими их близкими превратили церемонию представления новых защитников города в трогательное, даже душещипательное действо.

К утру в доме моего друга Зогги спали уже не двое, а шестеро детишек. Некоторые призраки обнаружили, что их сыновья и дочери не слишком довольны своей жизнью у дальних родственников, и поспешили передать детей в более надежные руки. Я подозревал, что это только начало, и оказался прав: спустя несколько дней Белый Клок как сумасшедший носился по Торговому Острову в поисках дома с садом, где можно было бы разместить сорок восемь маленьких квартирантов. Посоветовавшись со своим призрачным войском, я отдал распоряжение перечислять на содержание нового приюта все жалование, положенное Гажинскому Тайному Сыску по штатному расписанию. Привидениям деньги уж точно ни к чему, а Зогги и детишкам пригодятся.

Призраки оккупировали Сизый Дом; впрочем, некоторые предпочли поселиться на собственных чердаках, в кладовых и каминах. В общем, как-то они все устроились; многие еще и получше, чем при жизни. В течение нескольких лет я регулярно наведывался в Гажин, проверял, как идут дела у Манты и ее приятелей, а потом понял, что могу не суетиться: они и сами прекрасно справляются. Собственно, привидения охраняют Гажин по сей день, и должен сказать, что на моей памяти еще ни одно провинциальное

Тайное Сыскное Войско не работало столь исправно.

Впрочем, ничего удивительного. У мертвых действительно совсем другие возможности.

Юный Абилат отправился со мной в Ехо. Легко, почти без подготовки сдал экзамены в Королевской Высокой Школе, получил звание знахаря и немедленно принялся за дело. Первые лет сорок я понемногу обучал его Истинной Магии, да и теперь не выпускаю из виду, не даю останавливаться на достигнутом. Сэр Абилат большой молодец, как знахарю ему на сегодняшний день нет равных, но могущество, как известно, величина непостоянная, а обучение в нашем деле не всегда заканчивается даже после смерти. Ну а при жизни-то и вовсе грех успокаиваться, будь ты хоть четырежды Главный Королевский Знахарь, о котором судачат, что одно только твое имя помогает вылечить добрую половину болезней. Дескать, знай себе повторяй дюжину раз перед едой: «сэр Абилат Парас», – и исцеление придет само собой. Глупости, конечно.

Хотя – кто знает?..

Мои каникулы в Гажине имели еще одно забавное последствие. Сэр Кофа Йох, непревзойденный знаток городских сплетен и коллекционер чужих тайн, рассказывал мне, что в дом Шурфа Лонли-Локли несколько раз наведывалась таинственная незнакомка. Высокая, белокурая, в роскошном лоохи из куманских шелков, небрежно, по-мужски застегнутом драгоценной булавкой. Впрочем, сэр Шурф довольно быстро сообразил, что Тинну интересуют не столько любовные шашни, сколько Истинная магия, проникся уважением к ее высокой цели и привел свою подружку ко мне. А я сдал ее на руки леди Сотофе Ханемер, самой могущественной ведьме не только в Ордене Семилистника, но и во всем нашем Мире. Во всяком случае, равных ей я пока не встречал.

Кроме всего прочего, Сотофа – великая мастерица превращать глупеньких девочек в веселых ведьм. А уж когда к ней в руки в место глупенькой девочки попадает умная взрослая женщина, страшно даже подумать о последствиях такой встречи. В смысле, дух захватывает.

Леди Нитта – таково было настоящее имя Длинной Тинны – под Сотофиным руководством пошла в гору, да так резво, что я вскоре потерял ее из виду. Так уж у женщин Семилистника заведено: чем больше у них могущества, тем меньше связей с миром, и только одна Сотофа у всех на виду. Считается, будто она такая грозная, что ей уже все можно. И это, к слову сказать, чистая правда.

И последнее, чтобы уж никаких недомолвок.

Тайна серой паутины, которую унес с собой в небытие Лаздей

Махикала, ясное дело, не давала мне покоя. Я начал разгадывать эту загадку из любопытства, потом заинтересовался по-настоящему, а кончил тем, что эта тайна стала началом нового, самого захватывающего этапа моей жизни.

Лаздей, растяпа, с горем пополам усвоил только азы бесконечно сложного и увлекательного искусства преобразования мира. Ему показалось, что этого достаточно, да иначе и быть не могло. Я ведь уже говорил: простак не может стать хорошим колдуном, тут ему никакой природный талант не поможет.

Я же выяснил, что сплетая свою паутину на Темной Стороне, можно не только навязывать другим живым существам собственные мечты и кошмары – для таких глупостей, собственно, и магия-то не требуется! – но и создать новую, совсем иную реальность. Можно – вместо уже существующей, а можно – рядом, чуть в стороне, в качестве изящного дополнения к обитаемой Вселенной. Именно так, к слову сказать, родился этот безымянный город, где мы с вами сидим. И не только он, конечно. Таких рукотворных волшебных мест куда больше, чем кажется, только успевай примечать.

Я не так уж мало прожил на свете, и практически разучился говорить: «не могу», «не знаю», «не понимаю», – повода давненько не было. Но бесконечные новые возможности играть с реальностью все еще кружат мне голову, как любовь и война мальчишке-подростку. Следовательно, жизнь моя только начинается – в который уже раз.

Джуффин принимает из рук Триши бокал ледяного крапивного лимонада, пьет с наслаждением, маленькими глотками, ласково глядит на хозяйку «Кофейной гуши», которая – надо же! – сама поняла, что ему сейчас требуется, и вкусом его угодила. Умница, хорошая кошка.

Хорошая, кто же спорит.

– Очень странно было вас слушать, – наконец говорит Макс. – Могу себе представить, как все это выглядело с точки зрения стороннего свидетеля – да вот хоть того же Абилата. Помню еще, как оно бывает. Небось в голову никому не пришло, что некоторые ваши поступки – вовсе не часть гениального стратегического плана, а нормальные человеческие ошибки. Сама идея, что вы действительно можете ошибаться, как-то плохо укладывается в моей голове. И, думаю, не только в моей.

– Да ну, не преувеличивай. Я и на твоей памяти пару раз садился в лужу, – отмахивается Джуффин. – В частности, совсем недавно, когда решил, будто ты можешь преспокойно вернуться домой.

– Ну да, но... Просто я никогда всерьез не верил, что это – именно ошибки, а не хитроумные стратегические комбинации.

– Когда как. Нет ничего менее постоянного, чем мудрость человеческая – ты и на собственном примере не раз мог бы в этом убедиться. А я все еще вполне человек – и не стоит так недоверчиво ухмыляться!.. Ну, положим, на Темной Стороне, или в Хумате я всегда действую безупречно, это правда. Там я уже не могу быть иным, да и нужды такой нет. Но в повседневной жизни, да еще и напялив маску Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска – помилуй, сэр Макс! Да я просто обязан хоть иногда ошибаться. Возможно не так часто, как прочие, но именно обязан, поверь. Это мой священный долг, обычная плата за деятельную жизнь. Таковы правила игры. Будь я неспособен ошибаться, не имел бы права активно вмешиваться в человеческие дела. Сидел бы сиднем, как некоторые наши с тобой общие знакомые, отрастил бы усы, специально для того, чтобы в них не дуть. И еще ухмыляться лукаво, как же без этого...

Франк задумчиво кивает в такт его словам, улыбается каким-то своим мыслям. Триша видит, что эти двое очень хорошо понимают друг друга. Куда лучше, чем она способна себе представить. От этого ей и радостно, и жутковато немного, хотя, казалось бы, уж ее-то их дела

совершенно не касаются.

– В общем, дела обстоят так. С одной стороны, я знаю: все, что вы о себе рассказали – чистая правда, – говорит Макс. – Конечно вы можете ошибаться, делать глупости, да еще и хвастать ими потом. Почему нет? Я **знаю**, да, но в то же время мне **совершенно очевидно**, что все это выдумки, чушь собачья. Ломаете тут комедию, представляетесь вполне обычным человеком – ну, чуть хитрей и могущественней всех прочих, да и то до поры... А на самом деле речь не о вас, а об одной из ваших масок, которую вы еще и оставили небось давным-давно в трактире вашего друга Зогги. До сих пор в углу за сундуком там пылится.

– Ну да, – спокойно соглашается Джуффин. – Ты очень хорошо все понимаешь. У меня, как, кстати, и у всех здесь присутствующих, есть одна-единственная правда о себе. Иррациональное знание, пытаться его пересказать бесполезно, даже если захочется: слова не для таких разговоров придуманы. Зато в дополнение к этой единственной невыразимой правде имеется великое множество мелких, вполне рациональных правд, которые, заметь, вовсе не становятся враньем только оттого, что их много. Одну из них я сейчас честно пересказал, стараясь не упустить ни малейшей детали – вот, собственно, и все.

Триша даже на цыпочки привстала, прижала к груди пустую джезву, чтобы ни словечка не упустить из их разговора. Ей почему-то кажется, что-то очень важное сейчас – не произносится, но происходит. А чутье ее еще никогда не подводило.

– Ты довольно много знаешь о несбывшемся, – говорит Джуффин. – О несбывшихся и недосбывшихся жизнях, своих и чужих. О судьбокрестках, где сбывшееся и несбывшееся меняются местами. Ты очень хорошо разбираешься в этих сложных на первый взгляд материях, верно? Подозреваю, ты мог бы рассказывать мне об этом бесконечно, да я слушать не стану.

– Почему вдруг? – холодно спрашивает Макс.

Триша видит: он обиделся, как ребенок. Такой необыкновенный человек, и сущей ерундой озабочен, ну и дела!

А сероглазая Меламори улыбается, глядя на этот балаган, да и Джуффину, кажется, тоже смешно.

– Потому что недосуг, – объявляет он. – Не до того. Нынче я пришел к тебе в гости с подарком. Ты рад?

Джуффин наскоро водружает на лицо свою фирменную улыбку доброго дядюшки и отвешивает шутовской поклон. Потом вдруг делается серьезен и строг. Очень веско, подчеркивая каждое слово, говорит:

– У меня очень хорошая новость, сэр Макс. Имей в виду: со сбывшимся – ровно та же фигня!

– Что вы хотите сказать?

– Ничего не хочу. Но говорю, потому что больше никто тебе это не скажет. И даже Франк, боюсь, промолчит, поскольку, в отличие от меня, вовсе не обязан баловать тебя хорошими новостями. Может, да, но – не обязан. А говорить с тобой о важных вещах – та еще работенка. Итак, запомни, пожалуйста: сбывшихся жизней может быть так же бесконечно много, как и несбывшихся. И даже больше – если, конечно, к бесконечности применимы определения «больше – меньше». Это и есть формула бессмертия, Макс. Твоя, персональная. Не уверен, что она еще кому-нибудь сгодится. Хотя...

– И что мне с нею делать? К какому месту прикладывать, чтобы проняло? Потому что пока, вроде, не пронимает. Уж извините.

– Когда ты был маленький... – вкрадчиво начинает Джуффин.

– Что сомнительно. Как я мог быть маленьким?

– Не занимайся ерундой. Если ты помнишь свое детство, значит оно у тебя было, а все остальное – бесполезная философия. А если в один прекрасный день вместо одного детства ты вспомнишь два, или три – тем лучше. От богатства, которое само в руки идет, не отказываются. Так вот, когда ты был маленький, твои родители подарили тебе коньки. Но купили их на вырост, размера на два, или три больше, чем требовалось. Помнишь такой эпизод?

– Помню. И что? Хотите сказать, что этот ваш подарок тоже **на вырост**?

– Совершенно верно. Но – стоп, это важно! Помнишь, как ты поступил с коньками? Неужели спрятал в шкаф до лучших времен?

Макс невольно улыбается, тронутый воспоминанием.

– Ага, как же. Надел три пары толстых носков и гонял, как ненормальный, на следующий же день. Подумаешь – три размера!.. А на следующую зиму хватило и одной пары. Все-таки я быстро рос.

– Ну вот, с моим подарком следует поступать точно так же. Он, конечно, **на вырост**, ты очень правильно все понял. Но пылиться в шкафу он не должен. Начинать пользоваться прямо сейчас. Впрочем, ты уже давно им пользуешься. Мне хотелось только обратить твое внимание на этот факт. Чтобы ты продолжал в том же духе, но осознанно... И вот что. Кончай со мной воевать, а? Занятие увлекательное, не спорю, да толку от него – чуть. Война – не твоя специализация.

– Если истории на сегодня закончены, я, пожалуй, уберу часы, –

говорит Франк. – Спорить вы и без них можете, правда? Хотя было бы о чем спорить...

– Им надо, – объясняет ему Меламори. – Очень надо. Так бывает, когда люди плохо расстались, а потом долго не виделись. Я знаю.

– Мы не «плохо» расстались, – мрачно говорит Макс, уставившись в свою кружку. – Нормально. С учетом обстоятельств – так и вовсе распрекрасно.

Франк качает головой, ухмыляется, но часы пока не трогает. Триша почему-то рада этому обстоятельству. Она чувствует: то самое «важное», которое начало происходить – оно еще не закончилось, а может быть так толком и не началось. Что-то решается сейчас, но вот что?

Этого Триша не знает.

– На всякий случай, имейте в виду: вы здесь желанный гость, – говорит Франк Джуффину. – Очень желанный. Если я правильно понимаю, наш город – местечко совершенно в вашем вкусе. И его окрестности. О, окрестности – особенно... И комнат в этом доме много. Вернее, их столько, сколько требуется. И еще одна про запас – всегда. Я хочу, чтобы вы знали: эта комната в вашем распоряжении. Ну и я к вашим услугам, если захотите прогуляться в предрассветном тумане.

– Приятно слышать, – улыбается Джуффин. – Я бы, пожалуй, тут погостил. Но мое присутствие портит настроение другому вашему гостю. А если учесть, что этот город родился из его снов... У вас тут никогда не было землетрясений, Франк? Теперь будут.

– Ну уж! – Франк недоверчиво качает головой, зато Триша верит Джуффину сразу и безоговорочно.

А что ж, – думает она, – такой и землетрясение может устроить. И шторм, и бурю, и чего-нибудь похуже. Причем не со зла, а нечаянно, по недосмотру – вот в чем ужас-то!

– Так что переночую дома, – заключает Джуффин. – А когда сэр Макс поймет, что желание повидать меня было не самой большой ошибкой в его жизни, пусть пошлет мне еще одну открытку. Но не официальное приглашение, как давеча, а нормальное человеческое письмо: «Эй, Чиффа, кончай выпендриваться, где ты там шляешься, пока я тут без тебя сижу?» Ну, что-то в таком духе... Убирайте свои часы, Франк, а то ведь я не смогу никуда уйти, пока время стоит, верно?

Триша почувствовала, что начинает всерьез сердиться на гостя, который так ей вчера понравился. Была бы кошкой, нагадила бы сейчас в его ботинки, вот честное слово! Зачем он все портит?!

Макс закрывает лицо руками. Этот жест, вероятно, означает: «Как я от всех вас устал!» – думает Триша. – Стукнуть его, что ли?

Но секунду спустя Макс отнимает ладони от лица, и Триша видит, что он беззвучно смеется. Причем веселится от души, а вовсе не ломает комедию, как можно было бы подумать.

– Страсти какие мексиканские, устраться можно! – говорит он, кое-как справившись со смехом. – Эй, Чиффа, кончай выпендриваться, а? Прямо сейчас. Маска обидчивого болвана тебе не к лицу, обидчивый болван – это у нас я, один такой, на вечные времена. Ну кого ты хочешь обмануть своими великими сборами в дорогу? Думаешь, я поверю, что ты отложишь на потом свидание со всеми здешними тайнами, только для того, чтобы не действовать мне на нервы? Не смеши людей. Что-что, а мои нервы тебе уж точно до одного места. И правильно, очень грамотный подход.

– На «ты» перешел, – восхищенно вздыхает Джуффин. – Вы слышали? Сбылось наконец-то. А еще говорят, будто чудес не бывает.

Триша смеется – не потому что ей нравится шутка, а просто так, от радости и, чего греха таить, облегчения. Она знает: теперь все будет хорошо. И у гостей, и тут, в «Кофейной гуще», и в городе, и вообще везде. Потому что это самое «важное», которого она так ждала, уже благополучно случилось. Всего-то и надо было, оказывается, что двум хорошим людям помириться. Вернее, одному из них надо было мириться; второй-то о таких глупостях, как война и мир давно уж не задумывается.

– Я все-таки уберу часы, – объявляет Франк. – А то непорядок выходит. Историй-то никто больше не рассказывает.

– Если тыпустишь меня к плите, я сварю нам имбирный чай, – говорит Макс Трише. – Заодно можешь меня побить, ты же хотела, да? Когда у меня в одной руке имбирный корень, а в другой терка, я совершенно беспомощен. Как младенец. Пользуйся случаем.

Кошачье сердце переменчиво: теперь, когда у Макса хорошее настроение, Триша за ним на край света идти готова, если вдруг возникнет такая необходимость. Ну или вот к собственной плите подпустить – подобной чести, между прочим, еще ни один гость не удостоивался. Но с этим, пожалуй, лучше не спорить, а то опять нахмурится – и все, сиди, жди землетрясений!

– Здесь сад совершенно невероятный, – говорит Меламори Джуффину. – Вам, конечно, с Франком гулять будет интереснее, чем со мной, но в сад давайте все-таки я вас провожу. Я, можно сказать, всю жизнь мечтала показать вам что-нибудь такое, чего вы прежде не видели. Этот сад – мой единственный шанс.

– Ну почему же. Если когда-нибудь устроишь мне визит к буривушкам Арвароха, это будет твой звездный час, – серьезно отвечает он. – Но сад тоже годится, для начала. Пошли.

Водрузив на стол полный чайник благоухающего напитка, старательно отмыв руки от лимона, шафрана и имбиря, Макс вынимает из стопки несколько открыток, взамен кладет в шкатулку медную монетку, леденец в блестящей обертке и огрызок карандаша. Подмигивает Трише и Франку, шепчет с видом заговорщика:

– Ничего-ничего, я ему устрою отдых, своему бывшему шефу! Выйдет к завтраку, а тут до боли знакомые лица. Малое Тайное Сыскное Войско в полном составе, можно начинать совещание... Или нет, в полном все-таки не надо. Счастье следует строго дозировать, а то захлебнусь, пожалуй.

– К завтраку в любом случае не получится, – возражает Франк. – Наша почта работает не так быстро. Обычно приглашенные появляются ближе к вечеру, я тебе уже говорил. А так-то идея хорошая. Интересно поглядеть, кого еще ты сюда притащишь.

– Да, ничего себе идея, мне самому нравится, – ухмыляется Макс. – Видишь какое дело: пока Джусффин рассказывал, как они с сэром Шурфом вышивали в Гажине, я понял, что сдохну от тоски, как бешеная собака, если не увижу этого кошмарного типа – не-мед-лен-но!.. Ну или хотя бы завтра. Но не позже.

– А ты с ним тоже ссориться будешь? – лукаво спрашивает Триша.

– И не надейся. С сэром Шурфом Лонли-Локли не ссорятся. Им любуются, как произведением искусства. И тех, кто любит с должным почтением, он оставляет в живых.

– Все-то ты врешь, – говорит Джусффин. Он уже вернулся из сада и стоит на пороге, скрестив руки на груди. – Все-то ты врешь, сэр Макс; впрочем, как всегда. Но складно, надо отдать тебе должное.

В повести «Тихий город» и изложен, собственно, этот самый «краткий курс».

Хумгат – так на древнем языке Хонхоны называлось неопикуемое место, известное современникам как Коридор между Мирами. Впрочем, современники и сами часто используют этот древний термин, одни из пижонства, другие потому, что одно слово гораздо короче трех.

Фэтан – дух обитателя другого Мира, вынужденный быть помощником (и рабом) призвавшего его чародея. Даже в Эпоху Орденов фэтаны появлялись очень редко, поскольку по мере обучения они становятся не только полезными, но и опасными. Чем дольше фэтан проживет, тем могущественнее он становится. Рано или поздно он непременно попытается восстать против призвавшего его мага и забрать его тело. Фэтан питается жизненной силой спящих людей, поэтому его присутствие в доме чрезвычайно опасно для ближайших соседей.

О Лойсо Пондохве довольно подробно рассказывается в разных повестях цикла «Лабиринты Ехо». Здесь же о нем достаточно сказать, что Лойсо Пондохва, Великий Магистр Ордена Водяной Вороны, во времена войны за Кодекс был самым могущественным и непримиримым колдуном из стана мятежных Магистров. Он хотел не просто победить своих политических противников, но разрушить Мир. Сэр Джуффин Халли всегда считал Лойсо более сильным противником, но все же смог заточить его в необитаемой и почти непригодной для жизни вымышленной Вселенной – по его собственному мнению, скорее благодаря удаче и хитрости, чем могуществу. Впрочем, Лойсо с пользой провел годы заточения и еще задолго до того, как получил свободу, отказался от идеи разрушения Мира, как от скучной и примитивной.

Эхлы – великаны. Средний рост эхла от двух с половиной до трех с половиной метров. В Ехо и других городах Соединенного Королевства эхлы не живут, поскольку, по их собственному выражению, не хотят мешать “маленьким худосочным людям”. Еще в древности великаны основали страну Умпон на материке Черухта, где счастливо живут по сей день; небольшая колония эхлов, не пожелавших покидать Хонхону, имеется в княжестве Кебла на Хонхоне.

Анавуайна – одна из самых страшных болезней, известных в Соединенном Королевстве. Тело человека, заболевшего анавуайной, постепенно становится жидким; если больного не лечить, от него довольно быстро останется только скелет. Эпидемия анавуайны подробно описана в повести «Возвращение Угурбадо».

Подробности можно узнать из повести «Путешествие в Кеттари».

Невидимая Флотилия была создана специально для межконтинентальных перевозок особо ценных грузов. В ее составе служат уроженцы островов Укумбийского моря, посвященные в древние обряды Морской Охоты, т.е., потомственные пираты. Это, собственно говоря, надежная гарантия, что суда Невидимой Флотилии никогда не будут ограблены. По крайней мере, за всю многовековую историю ее существования прецедентов не было.